

Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 11 (77). № 1

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2025

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Печатается по решению Научно-технического совета ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»,
протокол № 2 от 14.03.2025 г.

Редакционная коллегия журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки»:

Орехов В. В. – д. филол. н., проф. (главный редактор)	Ненарокова М. Р. – д. филол. н.
Яблоновская Н. В. – д. филол. н., проф. (заместитель главного редактора)	Орехова Л. А. – д. филол. н., проф.
Храбскова Д. М. – к. филол. н., доц. (заместитель главного редактора)	Осьминина Е. А. – д. филол. н., проф.
Александрова И. В. – д. филол. н., доц.	Петренко А. Д. – д. филол. н., проф.
Боргоякова Т. Г. – д. филол. н., проф.	Петров А. В. – д. филол. н., проф.
Борисова Л. М. – д. филол. н., проф.	Пономаренко И. Н. – д. филол. н., доц.
Гудзова (Дзыга) Я. О. – д. филол. н., доц.	Потапова С. Ю. – д. филол. н., проф.
Гуменюк О. Н. – д. филол. н., доц.	Савченко Л. В. – д. филол. н., проф.
Джумайло О. А. – д. филол. н., доц.	Селендили Л. С. – д. филол. н., проф.
Жамсаранова Р. Г. – д. филол. н., доц.	Смеюха В. В. – д. филол. н., доц.
Керимов И. А. – д. филол. н., проф.	Супрун В. И. – д. филол. н., проф.
Курьянов С. О. – д. филол. н., проф.	Усеинов Т. Б. – д. филол. н., проф.
Левицкий А. Э. – д. филол. н., проф.	Федотов О. И. – д. филол. н., проф.
Лучинский Ю. В. – д. филол. н., проф.	Хазанкович Ю. Г. – д. филол. н., проф.
Маркова Е. М. – д. филол. н., проф.	Шилина А. Г. – д. филол. н., проф.
	Ященко Т. А. – д. филол. н., проф.
	Егорова Л. Г. – д. филол. н., доц. (ответственный секретарь)

«Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки» включены в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» ВАК РФ с 20.07.2017 по группам специальностей: 10.01.01 – Русская литература (филологические науки), 10.01.02 – Литература народов Российской Федерации (с указанием конкретной литературы или группы литератур) (филологические науки), 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы) (филологические науки), 10.01.10 – Журналистика (филологические науки), 10.02.01 – Русский язык (филологические науки), 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи) (филологические науки), 10.02.04 – Германские языки (филологические науки), 10.02.19 – Теория языка (филологические науки); с 21.02.2023 – по специальностям: 5.9.1 Русская литература и литература народов Российской Федерации; 5.9.2 Литературы народов мира; 5.9.3 Теория литературы; 5.9.6 Языки народов зарубежных стран; 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика; 5.9.9 Медиакommunikation и журналистика; с 19.12.2023 – по специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России.

Адрес редакции: 295007, Республика Крым, г. Симферополь, пр-т Академика Вернадского, д. 4.

Подписано в печать 14.03.2025 г. Формат 70x100 1/16.

Заказ № НП/191. Тираж 50. Усл. печ. л. 15,9. Распространяется бесплатно.

Дата выхода в свет

Адрес учредителя и издателя: 295007, Республика Крым, г. Симферополь,
 пр-т Академика Вернадского, д. 4. <http://sn-philol.cfuv.ru>

Отпечатано в Издательском доме

ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»

Адрес типографии: 295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7.

© **Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 2025 г.**

1. ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

УДК 070:316.77:316.422

КРИЗИС МИРА «ВЛАСТИ КОММУНИКАЦИЙ» НА ФОНЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ¹

Евстафьев Д. Г.

*Институт медиа НИУ «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация
e-mail: devstafiev@hse.ru*

Переживаемый современной мировой системой период трансформаций политических и экономических отношений ставит на повестку дня вопрос о роли ключевых инструментов, лежавших в основе глобализации. Одним из наиболее важных подобных инструментов было информационное общество, построенное на основе сетевых цифровых коммуникаций, позволявших реализовывать потенциал информационного общества как глобальной системы управления, способной поддерживать целостность приоритетов развития экономических и социально-политических систем в режиме реального времени. Этот феномен, характерный для периода поздней, или «зрелой», глобализации, получил наименование «мир власти коммуникаций». Смысл модели глобального управления на базе «власти коммуникаций» заключался в способности, опираясь на американоцентричное информационное общество, осуществлять содержательно целостное, но адаптированное под условия отдельных стран «каскадирование нарративов» по центральным приоритетам общемирового развития. Сейчас феномен «власти коммуникаций» подвергается эрозии, причем не столько с точки зрения внутренних аспектов развития, сколько под воздействием меняющегося экономического и политического контекстов. Это создает диспропорции в развитии информационного общества, при определенных условиях способные привести к утрате им целостности. А значит, и к утрате эффективности как важнейшей, все еще оставшейся дееспособной системе глобального мира.

Ключевые слова: информационное общество, глобализация, социальные трансформации, социоинформационная среда, цифровые интегрированные коммуникации, неоглобальный мир.

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая статья – один из элементов исследования, осуществляемого автором на протяжении последних лет, **целью которого является выявление диалектики в информационном обществе внутренних механизмов развития/саморазвития под воздействием технологических изменений и внешней социальной и социально-экономической среды.** Исследование призвано показать меняющееся соотношение внутренних и внешних факторов развития информационного общества (далее – ИО). Гипотеза автора сводится к тому, что на данном этапе доминируют внешние – контекстные – факторы развития, что отражает перестройку архитектуры глобальной политики и экономики. Внешние факторы обострили все основные противоречия современного информационного общества, вытекающие из его изначальной двойственной природы.

Важнейший аспект, определяющий глубину кризиса современного информационного общества, является результатом неразрешенности главного его

---

¹ Статья является развитием выступления автора на Международной научно-практической конференции «Медиакоммуникации и журналистика: история, культура, технологии, практика» в Крымском федеральном университете им. В. И. Вернадского 17–18 октября 2024 г.

противоречия: будучи созданным в качестве сервисной системы для обеспечения политико-экономического управления крупнейших индустриальных экономик «объединенного Запада», на этапе «развитой глобализации» информационное общество превратилось в социально-политическую систему, ставшую системообразующим элементом архитектуры американоцентричной глобализации. Проблема не только в утяжелении базовых управленческих функций информационного общества. Проблема была в возникновении иллюзии управления социальными (социально-политическими и социально-экономическими) процессами вне пространства социального действия. Из этого естественным образом вырос концепт «власти коммуникаций». Развитие ИО по модели «власти коммуникаций», безусловно, отрицало изначальные подходы к ИО как сервисной системе «единого мира» [18], но и выходило за рамки понимания ИО как социально структурирующей системы [1], поскольку претендовало на универсальность и почти тотальность. Изучение информационного общества всегда представляло определенную методологическую сложность в силу сложносоставного характера предмета исследования [20], но на нынешнем этапе очевидны невозможность анализа и тем более прогноза процессов развития информационного общества в рамках традиционной методологии. Требуется то, что можно назвать «истинной междисциплинарностью». С этих позиций правомерна постановка исследовательских вопросов, выходящих за рамки данной статьи:

В какой мере сохраняется взаимоувязка современного информационного общества и глобализации в ее актуальной американоцентричной версии, ориентированной на обеспечение интересов финансово-спекулятивного капитала? Может ли актуальная версия информационного общества, структурно построенная вокруг цифровизированных и сетевизированных интегрированных коммуникаций, существовать в новой среде социальных отношений, рождаемой процессами трансформации глобального мира?

Кризис «ядра глобализации» и ослабление США одновременно выполняли функции «политико-экономической и цифровой метрополии», не только создавая основу цифровизированного и сетевизированного ИО, но и задавая стандарт его развития на среднесрочную перспективу, но и оказывая существенное влияние на потенциал ИО как основу глобализации. Наиболее очевидным проявлением этого кризиса являются реальное ослабление американского потенциала «мягкой силы» и переход к более жестким форматам влияния [23]. Но наиболее значимым, вероятно, является кризис той версии финансово-инвестиционного капитализма, основой которого было ИО. Системообразующий характер ИО для определяющих сфер развития современного постиндустриального капитализма вполне осознается западными исследователями [11]. А значит, осознается важность сохранения если не американоцентричности современного ИО, то, как минимум, его «глобальности».

Гипотеза заключается в том, что актуальный для нас кризис глобализации в том относительно остром виде, в котором он реализуется в настоящее время, является результатом синхронизированного с ним структурного кризиса глобализированного, а на деле – американоцентричного ИО. Этот кризис не позволяет уже в полной мере реализовывать «мягкую силу» и связанные с ней механизмы «гибридного» воздействия на политику и экономику.

Предлагаемый вывод заключается в том, что одна из важнейших основ управления глобальными и глобализирующими социально-политическими и социальными процессами, основанная на модели «власти коммуникаций» [9], находится в настоящее

время в глубоком системном кризисе. При этом, в условиях недостатка ресурсов для поддержания целостности ИО, международная конкуренция за определение характера модели управления в перспективном мире становится одной из основ глобальной конкуренции.

Конкуренция за суверенизацию (степень, глубину и модели обеспечения суверенности) страновых и региональных сегментов глобализированного ИО становится важнейшим элементом конкуренции за влияние в неоглобальном мире.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Мир «власти коммуникаций»:

структура и особенности практической реализации

Информационное общество остается сферой, в наибольшей степени обеспечивающей устойчивость глобализированных экономических систем. Базовое предположение, положенное в основу анализа, сводится к тому, что сохранение интегрированного характера глобального информационного общества обеспечивает сохранение основным элементом глобализации как таковой. Разрушение целостности информационного общества может привести к началу распада таких базовых систем глобализации как финансово-инвестиционная система, система стандартизированных приоритетов социокультурного развития и проч. Как результат мир стоит на пороге начала активных процессов регионализации развития и формирования относительно суверенных экономических систем, которые в своем итоговом воплощении могут привести к формированию «макрорегионов», пространственно и – на завершающем этапе – институционально интегрирующих национальные государства.

Наблюдаемые нами в современном мире тенденции ложатся в модель «кризис власти коммуникаций», когда технологии ИО рассматривались в качестве универсального средства управления социоинформационными процессами, замещавшими все другие форматы управления не только кратко- и среднесрочными проектами, но даже и долгосрочными тенденциями развития [21].

Главным фактором была управленческая универсальность современного ИО. Это позволяло распространить «власть коммуникаций» (Communication Power), управление через каскадируемые нарративы, на все сферы человеческого развития и социальной жизни, внедрить управление через информацию в повседневную жизнь человека, в его модель социальной реализации. Способность незримо привносить в целеполагание общества, государства и человека внеэкономические элементы, что было одним из важнейших элементов «власти коммуникаций», и составляло на практике основу новых подходов к развитию условного «капитализма», то есть постиндустриальных систем развитых государств мира с общественными системами, основанными на принципах постмодерна [5]. Вопрос был о способности сохранить управляемость и рациональность поведения в социально-экономических вопросах.

Власть коммуникаций была многослойна. Авторское понимание «слоев» власти коммуникаций, изложенное в таблице 1, не является исчерпывающим. Оно призвано продемонстрировать «объемность» феномена «власти коммуникаций», которая не была лишь фигурой речи, но реально рассматривалась в качестве реально действовавшей модели управления не только в экономике и политике высшего уровня, где принцип управления через каскадирование нарративов стал основанием для формирования комплексного целеполагания как на уровне «малых», так и на уровне «крупных» социальных групп.

Таблица 1. Структура мира «власти коммуникаций»

	Сущность воздействия	Характер процессов	Социальная тенденция	Примечание
Личный круг общения	Коренная перестройка характера личных коммуникаций	Размыwanie приоритета «очности» в личных коммуникациях, гибридизация личных коммуникаций с явной тенденцией роста значимости удаленных / онлайн-коммуникаций	Расширение круга постоянного общения, его глобализация Частичный и не всегда управляемый вывод личных коммуникаций в публичное поле (эффект «опубличенной переписки»)	Власть коммуникаций привела к включению человека в несвойственную, необусловленную его реальными потребностями «повестку»
Корпоративная среда	Виртуализация корпоративных коммуникаций на всех уровнях, включая и внутрикорпоративные коммуникаций	Резкое замещение онлайн-коммуникациями классических форм корпоративного управления Тенденция виртуализации корпоративного управления, формирование систем удаленного управления даже крупными системами	Размыwanie границы между «рабочим» и «личным» пространством Формальное повышение эффективности корпоративного управления при усилении формальности показателей корпоративного развития	Разрушение корпоративного коммуникационного мейнстрима, характерного для поздней глобализации Возникновение явного разрыва между корпоративными коммуникациями «высшего» уровня (руководители корпораций) и более низких уровней, включая даже уровень топ-менеджмента

<p>Социальный слой</p>	<p>Социально пригодный образ для подражания</p>	<p>Формирование императивов общества потребления за счет маркетинговых коммуникаций</p> <p>Универсализация потребительских моделей</p>	<p>Постепенное внедрение идеологических ограничений в потребление через управление «повесткой»</p>	<p>Выпускание «социального пара» через социально, цивилизационно или идеологически (например, ответственное потребление) мотивированные потребительские «флюсы»</p>
<p>Социально-политическая среда</p>	<p>Принципиальное изменение характера политической вовлеченности человека в политическую среду</p>	<p>Разрушение традиционной модели социально-политической стратификации общества</p>	<p>Мозаизация политического пространства</p> <p>Выстраивание неустойчивых коалиций меньшинства</p>	<p>Наблюдается резкий рост востребованности тактических информационно-политических манипуляций</p> <p>Нет востребованности долгосрочного «Образа будущего»</p>
<p>Экономическая среда</p>	<p>Формирование системы виртуального финансового посткапитализма на основе доллароцентричной финансовой системы</p>	<p>Виртуализация (под видом цифровизации) экономической среды, прежде всего инвестиционной</p>	<p>Маркетизация управления экономическим поведением на индивидуальном и групповом (в т. ч. «средние социальные группы») уровне</p>	<p>Утрата значений основных экономических понятий, в частности, таких базовых понятий, как «прибыль» и «эффективность»</p>

Социоидеологическая среда	Возникновение информационно-политических суррогатов идеологии	Маркетинг идеологии	Переконструирование «длинной истории»	Стирание грани между идеологией и пропагандой, превращение идеологии в набор тезисов
Социокультурная среда	Виртуализация социокультурных артефактов	Социально-имущественная сегрегация доступа к культурным артефактам и Истории культуры Попытка разделения сферы культуры на «культуру для богатых» (очную) и «культуру для бедных» (онлайн)	Возникновение разрыва культурно-исторических пластов Примитивизация массовой культуры через подстройку ее под цифровые форматы	Виртуализация культуры шла крайне быстрыми, почти неконтролируемыми темпами
Образ жизни / целеполагание человека	Маргинализация значения стратегического целеполагания по сравнению с состоянием «здесь и сейчас»	Возникновение искусственно сконструированных приоритетов развития, оторванных от реальной жизни	Фиктивизация жизненного целеполагания Возможность быстрой, но столь же фиктивной его смены	«Власть коммуникаций» – важнейший инструмент процессов социальной атомизации

Источник: авторский анализ и обобщение. Структурирование «сред» является авторской идеей, лежащей в основе крупного исследования, осуществляемого в настоящий момент автором относительно трансформации роли и места глобализированного ИО в современную историческую эпоху на переходе к неоглобальному миру.

Системная особенность механизма «власти коммуникаций» заключалась в формировании системы комплексного, но скрытого, не публичного воздействия на основные направления развития общества и человека.

Механизм «власти коммуникаций» фактически заменял собой классический для развитых обществ механизм публичной политической демократии (власти большинства общества, реализуемой через механизмы публичного выражения мнения доминирующих социально-экономических групп), то есть публичной манифестации социальных и социально-экономических интересов. Это позволило ряду западных исследователей сделать вывод о том, что современная система управления социально-политическими процессами в западном мире представляет собой механизм «управления пустотой» [13]. Эта метафора (впрочем, лишь отчасти отражающая реальную ситуацию: «власть коммуникации»), по сути – управление общественными тенденциями и институтами «из сумерек» за счет механизмов, которые не могут рассматриваться в качестве социально-легитимных с точки зрения классических механизмов публичной политической власти) могла работать только в условиях относительно высокой степени структурированности общественных систем. Но это коренным образом противоречило параллельно развивавшимся тенденциям социальной атомизации. Эти тенденции были основой развития общественных систем обществ постмодерна.

Но это, в свою очередь, отражало крайне противоречивые тенденции в сфере отношений собственности, также ставшие продуктом чрезмерной, практически неограниченной реализации «власти коммуникаций» [16]. Но в условиях поздней глобализации с развитием сетевизированной информационно-технологической среды приобрели, вероятно, слабо контролируемый характер.

***Важнейшие «узлы» кризиса «власти коммуникаций»:
попытка первичного структурирования***

Кризис модели управления глобализированным миром через «власть коммуникаций» стал результатом наслоения противоречивых тенденций в социально-технологическом, социально-политическом и социокультурном развитии, постепенно сужавших пространство, где «власть коммуникаций» имела заданную или как минимум предсказуемую эффективность как элемент социального управления.

В качестве наиболее ярко выраженных «узлов» кризиса концепта «власти коммуникаций» на данном этапе можно выделить следующие аспекты.

Кризис социальной универсальности. Внесение в социальное поведение «ценностного компонента», невозможного без масштабного использования информационно-манипулятивных компонентов, создало интересную коллизию, масштабы которой до сих пор не вполне понятны. С одной стороны, реализацию концепции «ценностно-ориентированного капитализма» [19] можно было осуществить только через механизмы «власти коммуникаций» что и повлекло массивные информационные кампании (особенно в период 2016–2023 годов) по формированию ответственного (то есть «ценностного» в своей основе) потребления. С другой – ограничить «пространство ценностей» только имитационной стороной вопроса не удалось. Процессы, запущенные на уровне информационных технологий, так или иначе вызвали к жизни масштабные изменения социальной среды. И этим был

продемонстрирован осязаемый предел «власти коммуникаций». Вероятно, нужно считать именно этот аспект кризиса «власти коммуникаций» наиболее в долгосрочной перспективе чувствительным, но как минимум предопределившим все основные процессы, обусловившие неизбежность кризиса «мира власти коммуникаций». Отметим, что недостаточность существующих моделей анализа общества вполне осознавалась крупнейшими западными исследователями [12]. Предлагавшийся вариант сетевизации взамен свойственной индустриальному модерну иерархичности вполне соответствовал концепту «власти коммуникаций», технологически обеспечиваемому максимизацией возможностей кастомизации информации. Социальная универсальность также полностью вписывалась в идеологию постмодерна, включая и наиболее радикальные ее толкования.

Кризис целостности. Суверенизация национальных и региональных сегментов информационного общества. Центральным моментом в данном случае является изменение характера социо-коммуникационной гибридности [8], в которой наиболее практически (можно сказать, «операционно») значение начинают приобретать элементы, связанные как раз с «очностью». Но этот процесс носит разнотемповый характер в различных регионах, «цивилизационных пространствах», что создает выражающуюся в социально-политическом и институциональном развитии асимметрию воздействия внутри даже базовых целевых аудиторий в зависимости от степени вовлеченности тех или иных больших или малых групп в «онлайн» или «очную» часть гибридного пространства.

Кризис доверия. Наиболее серьезный аспект современного кризиса ИО, в среднесрочной перспективе «перекрывающий» большую часть остальных. Отметим в качестве центрального элемента кризиса крайне болезненный переход от «постправды» к «постреальности» [7] и попытку реализовать в сфере коммуникаций модель «цивилизационного разделения». Социальное мифотворчество и попытка построения мегамифов [2], подстроенных под средне-, а не долгосрочные задачи, привели к возникновению эффекта «конкурирующих мифов», причем конкурирующих в одном политическом пространстве. Кризис доверия к сегодняшнему ИО является результатом столкновения противоречивых политических тенденций в одном глобализированном и условно открытом информационном пространстве.

Кризис глобальной повестки, являющийся естественным результатом информационной регионализации. «Объединенный Запад» политически основывал свои действия на базе «разделения мира», что иногда приобретало радикальные формы (противостояние «оси зла»), но и в относительно спокойные периоды предполагало «освоение пространства». Это особенно проявилось на этапе перехода от продвижения ценностей постмодерна как многообразия к реализации повестки «мира демократий» как консолидирующего элемента. Но это не могло не иметь последствий с точки зрения организации национальных информационных пространств.

Кризис демедиатизации – наиболее сложный в структурном отношении аспект кризиса американоцентричного ИО, который затрагивает структурные, а значит – долгосрочные аспекты развития современного ИО. Демедиатизация рассматривалась как естественное проявление глобализации и до известной степени таковой и была [10], обеспечивая возможность почти неограниченной реализации на различных уровнях

«мира власти коммуникаций» медийных нарративов, транслируемых глобальными каналами коммуникаций, «демократизация» которых в рамках концепции Э. Гидденса [22] не предполагалась. Ибо в таком случае разрушался бы принцип управления глобализацией через коммуникационный мейнстрим. Современное информационное общество дошло до предельных масштабов демедиатизации, что начало угрожать способности обеспечивать целостность и взаимоувязанность «нарративов», то есть фундаментальной функциональной основе «власти коммуникаций».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По итогам проводимого исследования можно сделать несколько принципиальных выводов.

Первое. На данном этапе и развитие актуальной версии глобализированного ИО, и кризис модели «власти коммуникаций» как элемента этого развития в большей степени обусловлены внешними процессами, в частности, кризисом универсальной американоцентричности. А также стремлением крупнейших игроков в мировой политике и экономике защитить себя от использования цифровой среды в качестве оружия со стороны США. Технологическая среда ИО не претерпевает значимых изменений. Правомерна констатация: **на среднесрочную перспективу определяющим в развитии ИО будет внешний контекст**, определяемый сформировавшимся в крупнейших государствах мира запросом на ограничение использования США контролируемых ими каналов коммуникаций и социальных сетей как инструмента политического влияния.

Второе. Несмотря на все усилия превратить его в самодостаточный элемент глобализации, обладающий неким «сверхстатусом», способным задавать стратегические тенденции развития [4], что и было главной стратегической целью концепта «власти коммуникаций», **ИО, выйдя за рамки чисто сервисной системы, так и осталось «социально-контекстным» явлением**. И это принципиальная констатация, касающаяся роли и места ИО в мире грядущей полицентричности, которая будет опираться на механизмы «конкуренции ценностей». Констатируем, однако, что возникла большая гибкость в адаптации нарративов под конкретное пространство. На этом принципе в конечном счете был построен концепт посткапитализма, который, как считалось, способен трансформировать глобализацию в более гибкую систему.

Третье. Локальная адаптация глобальных нарративов за счет многоуровневости технологий «власти коммуникаций» создавала базу для внедрения содержательно значимых изменений в транслируемые нарративы, в перспективе способных изменить их суть. Но уже на этапе поздней глобализации происходил распад единого «поля нарративов» и расхождения трактовок «смыслов» в общественно-политической и социальной коммуникации. Так, в Евразии нарратив «демократия и свобода», являвшийся одним из фундаментальных для глобальной «повестки», под воздействием особенностей социальной среды и исторической памяти значительной части постсоветского пространства трансформировался в концепт «народовластие и справедливость», бесконечно далекий от изначально заданных рамок понятия. Этот феномен тем более будет проявляться в вопросах, связанных с социальными и экономическими аспектами развития конкретных обществ. **Но в современной ситуации «расхождение смыслов» начинает дополняться нарастающей утратой операционной целостности глобализированного ИО.**

ВЫВОДЫ

Подводя итог этой части более широкого исследования, проводимого автором, в качестве ключевого диалектического противоречия современного информационного общества можно сформулировать следующее.

Технологическая среда мира «власти коммуникаций» приобрела практически законченные формы, но социальная среда, в которой реализовывались технологии, эволюционировала крайне быстро. Но это происходило с существенными региональными/локальными отличиями, получившими наименование «глокализации». На сегодняшний день формальная (а в ряде случаев формалистическая) глокализация (в частности, в наибольшей степени проявившаяся в шоу-бизнесе и продукции для телевидения, где полностью господствовали немногочисленные отраслевые ТНК) свой потенциал исчерпала. Создаются условия для трансформации кризиса модели «власти коммуникаций», что приведет к утрате глобализированным ИО своей структурной, а затем и содержательной целостности. Возможности адаптации региональных информационных сегментов внутри единой системы исчерпаны. В среднесрочной перспективе на распад целостности глобализированного ИО будет действовать и внешняя среда.

Список литературы

1. *Афанасьев В. Г.* Социальная информация и управление обществом. – Изд. стереотип. – М.: ЛЕНАНД, 2023. – 408 с.
2. *Барт Р.* Мифологии. – М.: Академический проект, 2010. – 351 с.
3. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. – М.: Академия, 2004. – 944 с.
4. *Болдуин Р.* Великая конвергенция. Информационные технологии и новая глобализация. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – 416 с.
5. *Болтански Л., Кьяпелло Эв.* Новый дух капитализма. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 976 с.
6. *Ван Дейк Т. А.* Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. – Изд 2-е. – М.: УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015. – 352 с.
7. *Дмитриев О. А., Евстафьев Д. Г.* Глобальная конкуренция ценностей: от «постправды» к «постреальности» // *Международная жизнь*. – 2024. – № 7. – С. 12–23.
8. *Евстафьев Д. Г.* Социо-коммуникационная гибридность как свойство современного информационного общества // *Коммуникации. Медиа. Дизайн*. – 2021 – № 6 (1). – С. 22–38. – Режим доступа: <https://cmd-journal.hse.ru/article/view/12200>. – (Дата обращения: 23.12.2024).
9. *Кастельс М.* Власть коммуникации / пер. с англ. под научной редакцией А. И. Черных. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. – 564 [4] с.
10. *Кин Дж.* Демократия и декаданс медиа / пер. с англ. Д. Кралечкина, под науч. ред. А. Смирнова. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 312 с.
11. *Ланье Дж.* Кому принадлежит будущее? Мир, где за информацию будут платить вам. – М.: ЭКСМО, 2020. – 560 с.
12. *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. – 384 с.
13. *Майр П.* Управляя пустотой. Размывание западной демократии. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. – 216 с.
14. *Маклюэн Г. М.* Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. – М.: Академический проект, 2005. – 496 с.
15. *Масуда Й.* Компьютопия. – М.: Идея-Пресс, 1998. – 358 с.
16. *Перзановски А., Шульц Дж.* Конец владения: личная собственность в цифровой экономике. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. – 352 с.

17. Терборн Й. От марксизма к постмарксизму? – М.: Издательство Высшей школы экономики, 2021. – 256 с.
18. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: АСТ, 2010. – 800 с.
19. Шваб К., Вэнхэм П. Капитализм всеобщего блага: новая модель мировой экономики. – М.: Эксмо, 2022. – 352 с.
20. Craig R. «Communication Theory as a Field // Communication Theory. – 1999. – Vol. 9. – P. 119–161.
21. Floridi L. The 4th revolution. How the infosphere is reshaping the human reality. – London–New York: Oxford University Press, 2014. – 248 p.
22. Giddens A. Runaway World: How Globalization is Reshaping our Lives. – New York: Routledge, 2003. – 104 p.
23. Nye Joseph S. Jr. How Sharp Power Threatens Soft Power. The Right and Wrong Ways to Respond to Authoritarian Influence // Foreign Affairs. – January, 24, 2018. – Режим доступа:<https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power>. – (Дата обращения:23.12.2024).

References

1. Afanas'ev V. G. *Social'naya informaciya i upravlenie obshhestvom* [Social information and public administration]. Stereotype ed., Moscow, LENAND Publ., 2023. 408 p.
2. Bart R. *Mifologii* [Mythology]. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2010. 351 p.
3. Bell D. *Gryadushhee postindustrial'noe obshhestvo* [The coming post-industrial society]. Moscow, Akademiya Publ., 2004. 944 p.
4. Bolduin R. *Velikaya konvergenciya. Informacionnye tehnologii i novaya globalizaciya* [The great convergence. Information technology and the new globalization]. Moscow, Izdatel'skij dom Delo RANHiGS Publ., 2018. 416 p.
5. Boltanski L., K'yapello Jev. *Novyj duh kapitalizma* [The New Spirit of Capitalism]. Moscow, Novoye literaturnoe obozrenie Publ., 2010. 976 p.
6. Van Deyk T. A. *Diskurs i vlast': Reprezentacita dominirovaniya v yazyke i kommunikacii* [Discourse and Power: Representation of Dominance in Language and Communication]. Moscow, URSS: Knizhnyj dom LIBROKOM Publ., 2015. 352 p.
7. Dmitriev O. A., Evstaf'ev D. G. *Global'naya konkurenciya cennostey: ot «postpravdy» k «postreal'nosti»* [Global competition of values: from "post-truth" to "post-reality"]. *Mezhdunarodnaya zhizn*, 2024, no.7, pp. 12–23.
8. Evstaf'ev D. G. *Socio-kommunikacionnaya gibridnost' kak svojstvo sovremennogo informacionnogo obshhestva* [Socio-communication hybridity as a property of modern information society]. *Kommunikacii. Media. Dizajn*, 2021, no. 6 (1). pp. 22–38. Available from: <https://cmd-journal.hse.ru/article/view/12200> (accessed 23 December 2024)
9. Kastel's M. *Vlast' kommunikacii* [The power of communication]. Moscow, Izdatel'skij dom Vyshej shkoly yekonomiki Publ., 2016. 564 p.
10. Kin Dzh. *Demokratiya i dekadans media* [Democracy and decadence of the media]. Moscow, Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki Publ., 2015. 312 p.
11. Lan'e Dzh. *Komu prinadlezhit budushhee? Mir, gde za informaciju budut platit' vam* [Who owns the future? A world where you will be paid for information]. Moscow, EKSMO Publ, 2020. 560 p.
12. Latur B. *Peresborka social'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the Social: an Introduction to Actor-Network Theory]. Moscow, Izdatel'skij dom Vysshey shkoly ekonomiki Publ., 2020. 384 p.
13. Mayr P. *Upravlyaja pustotoy. Razmyvanie zapadnoj demokratii* [Controlling the void. The Erosion of Western democracy]. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaydara, 2019. 216 p.
14. Maklyuyen G. M. *Galaktika Gutenberga. Stanovlenie cheloveka pechatayushhego* [The Gutenberg Galaxy. Becoming a Printer]. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2005. 496 p.
15. Masuda J. *Komp'yutopiya* [The computer world]. Moscow, Ideya-Press Publ, 1998. 358 p.

16. Perzanovski A., Shul'c Dzh. *Konec vladeniya: lichnaya sobstvennost' v cifrovoy ekonomike* [The End of Ownership: Personal Property in the Digital Economy]. Moscow, Izdatel'skij dom Delo RANHiGS Publ., 2019. 352 p.
17. Terborn J. *Ot marksizma k postmarksizmu?* [From Marxism to post-Marxism?]. Moscow, Izdatel'stvo Vysshej shkoly ekonomiki Publ., 2021. 256 p.
18. Toffler Je. *Tret'ya volna* [The third wave]. Moscow, AST Publ., 2010. 800 p.
19. Shvab K., Vyenyem P. *Kapitalizm vseobshhego blaga: novaya model' mirovoj ekonomiki* [Universal Benefit Capitalism: a new model of the global economy]. Moscow, Eksmo Publ., 2022. 352 p.
20. Craig R. «*Communication Theory as a Field. Communication Theory*, 1999, Vol. 9, pp. 119–161.
21. Floridi L. *The 4th revolution. How the infosphere is reshaping the human reality*. London – New York, Oxford University Press, 2014. 248 p.
22. Giddens A. *Runaway World: How Globalization is Reshaping our Lives*. New York, Routledge, 2003. 104 p.
23. Nye Joseph S. Jr. *How Sharp Power Threatens Soft Power. The Right and Wrong Ways to Respond to Authoritarian Influence. Foreign Affairs*, January, 24, 2018. Available from: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power> (accessed 23 December 2024).

THE CRISIS OF THE WORLD OF POWER COMMUNICATIONS IN THE ERA OF GLOBAL TRANSFORMATIONS

Evstafiev D. G.

The ongoing period of transformations of the contemporary system of world economy and international relations due to their systemic nature put forward to the agenda the issues related to the role and effectiveness of the key instruments that were fundamental to the development of the globalization. One of the most important of such instruments was the globalized informational society based upon the technologies of integrated digitalized communications. That type of technologies gives the opportunity to maximize the potential of the information society as the global system of management and governance of the major political and economic processes in the real-time regime. As well as to provide for integrity of the major globalized trans-national systems. That phenomena of the period of the mature globalization became known as the «World of Power of Communications». The essence of the model of global management that relies upon the model of Power of Communications is to implement the management of globally important trends through the method of narrative cascading. That means that basic narratives of economic, political or social nature while passing through trans-national channels of communications of the Americano-centric information society are adopted to the local agenda while not losing the basic ideas. Under the contemporary conditions the phenomena of the World of Power of Communication are being eroded not only because of the systemic defects of the information society but rather because of dramatic changes of the political and socio-economic environment. That stimulates the disproportions in the development of the information society that under some conditions could lead to the disruption of its integrity and thus – to the drastic loss of the effectiveness of one of the most important of the systems of the global world that remained fully operational.

Keywords: information society, globalization, social transformations, socio-informational environment, digital integrated communications, neo-global world.

2. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

УДК 821.161.1:111.1.

ФИЛОСОФИЯ Н. ФЕДОРОВА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЦЕПЦИИ Л. ЛЕОНОВА: КРИТИКА ИСТОЧНИКА

Борисова Л. М.

*Институт филологии
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь, Российская Федерация
e-mail: borlm-sf@mail.ru*

В статье рассматривается отражение идей Н. Федорова в романе Л. Леонова «Соть» и киносценарии «Бегство мистера Мак-Кинли». Проводится мысль о контroversивном характере леоновской рецепции. В каждом из положений «Философии общего дела» писатель видит многоаспектную проблему. Леонов солидарен с Федоровым в критике прогресса, так же, как он, ведет ее с религиозно-философских позиций, но уверен, что научный проект с идеей воскрешения отцов в основе (эксперименты Скутаревского, крионика в «Бегстве мистера Мак-Кинли» как подступы к его осуществлению) приведет не к объединению, а к окончательному разобщению человечества и спровоцирует социальную катастрофу. Писатель не разделяет надежды Федорова с помощью благородной цели исправить греховную человеческую натуру и избежать Апокалипсиса. Богосыновство человека, которое Леонов понимает как подражание Христу, для Федорова, по мнению писателя, заключается в практической работе над материальным воскрешением отцов. Философ оценивает состояние мира с позиций должного, писатель рассматривает его как данность, отсюда утопизм построений одного и принципиальный антиутопизм другого. «Философия общего дела» определяет сюжет и образный строй прозы Леонова, одновременно метафоризируются и те аргументы, которые в полемике с «московским Сократом» писатель черпает в различных религиозных, философских системах, древних мифах.

Ключевые слова: Л. Леонов, Н. Федоров, «Скутаревский», «Бегство мистера Мак-Кинли», «Философия общего дела», рецепция, русский космизм, воскрешение отцов

ВВЕДЕНИЕ

Философия Н. Ф. Федорова оставила заметный след в русской литературе XX в. Но тема, которой философ посвятил жизнь, – победа человека над смертью – имеет столь мощную историю в мировой религиозно-философской мысли, что установить собственно федоровское влияние на автора бывает непросто. Даже когда оно не вызывает сомнений, исследовательская полемика порой выглядит мини-серией «pro et contra», как, например, в случае Маяковского [19, с. 20; 20, s. 348–349, 351, 392–393, 397–403; 3, с. 346, 408, 493–494; 7, с. 182, 231; 13, 435–436, 441, 448, 450] или Платонова [14, с. 291, 298–301, 305–306, 308–311, 333, 338; 13, с. 207–342; 6, с. 31–42, 66–68; 17, с. 210, 215–219, 225, 229], Неоднозначным бывало и отношение к Федорову самих писателей, об этом, к примеру, свидетельствует переписка Горького и Форш [12, с. 314–517].

Леонов с его «логарифмированием» (так он определял главную черту своего стиля), интересом к отвлеченной мысли, всякого рода метафизике не мог пройти мимо «Философии общего дела». Он не декларировал своего знакомства с учением Федорова, но то, как системно идея воскрешения отцов в единстве с другими положениями русского космизма проявляется в мотивной структуре его прозы, не позволяет в том усомниться.

Леонов и космизм – тема, не обойденная вниманием исследователей [18, 30–37; 13, с. 90–127], но федоровский подтекст в его прозе, как правило, специально не оговаривался. Нам уже приходилось писать о том, что утопия «общего дела» – своеобразный ключ к леоновской тайнописи. В соотнесении с идеями Федорова в романах 1920–1930-х годов отчетливо проступает обреченность большевистского социального проекта [2, с. 595–598]. Но диалог Леонова с Федоровым этим не исчерпывается.

Уже в 1930-е годы у писателя появляется потребность испытать федоровскую теорию на прочность, сопоставляя ее положения с христианской догматикой; в дальнейшем развитие иммортологии побуждает его продолжить критику источника, анализ которой и является **целью данной работы**.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Специфика федоровского учения о бессмертии, отличие его от всех предыдущих заключается в том, что это учение не о воскресении, а о воскрешении. Рукотворном воскрешении предков, встречи с ними, восставшими из мертвых во плоти и крови, не в лучшем из миров, а здесь, на земле, в результате общих усилий людей мысли и людей дела. Технических препятствий к осуществлению этого проекта, по Федорову, нет, науке это по силам, но обязательное его условие, базис – христианская любовь, братское, родственное состояние мира, сознание «каждым себя сыном, внуком, правнуком, праправнуком... потомком, т.е. сыном всех умерших отцов, <...> в признании каждым со всеми вместе, а не в розни, не в отдельности, как в толпе, долга своего к ним, ко всем умершим отцам...» [15, с. 44].

В романе «Скутаревский» (1932) с философией общего дела героя, почтенного ученого, знакомит юная Женя. «Сперва младенец, потом старик; это глупо организовано, следовало наоборот. Я представляю себе так и почти вижу: вход в пещеру, и все следы близ нее ведут в одну лишь сторону. Дело начинается с костей, с россыпи, с оскорбительного и смертного тлена. Что-то происходит, я не знаю – что, но вот старики выходят из своего подземелья поодиночке или же настолько крепко слежавшимися парами, что на каждом еще видны отпечатки его супруга. <...> В их морщинах еще лежит время, земля и ночь. Они начинают с великого знания, свершений и мудрости. Они расстаются именно потому, что любят, и они молодеют тысячекратно в награду за все несделанное. И так, ликуя и смеясь, они постепенно растворяются в голубое ничто...» [10, с. 197]. В таком изложении идея воскрешения отцов заставляет вспомнить «Источник молодости» Л. Кранаха: в легендарный этот источник погружают безобразных старух, а выходят из него юные девы с детскими лицами.

Автор замечает, что героиня «не стеснялась высказываться даже там, где требовались знания, которых она не имела». В этом, однако, еще нет расхождений с Федоровым: его философия – призыв к объединению усилий в приобретении неведомых еще знаний, а не система таких знаний. «...Как бы свежим ветром дуло от нее; он сдувал слежавшуюся пыль с привычных понятий предшествующего поколения...» [10, с. 197], – вот леоновская оценка прагматики «общего дела», теории, действительно, юной по сравнению с другими учениями. Но в своей картине грядущего рая Женя опускает главное: воскресение. Концы и начала у нее сходятся,

и, близясь к своему началу, старики «растворяются в голубое ничто» – прямо-таки буддистский финал, конечно, не случайный у Леонова, который на протяжении всей своей творческой жизни нередко прибегал к соответствующим параллелям, заставляя порой исследователей подозревать его в особом пристрастии к этой философской системе [8, с. 24]. По Федорову же, буддизм «не вера, не дело, а лишь сомнение (философия) во всех и во всем, бездействие, отречение, отчуждение от всех и всего, от Бога, от людей, от природы, от самого себя – словом, полное уничтожение» [15, с. 78].

Для Скutareвского, которому адресована речь Жени, бессмертие тождественно научному творчеству, что в первом представлении тоже не противоречит Федорову. Неудача с экспериментом («чудо не состоялось», говорит об этом писатель) – моментально делает его стариком («все более астматическим становилось его дыхание»), изменяет пейзаж вокруг («Ночь стояла за окном, как облако смертное»), заставляет видеть дряхлость окружающих и такую силу разрушения, перед которой не устоит никакая материя (для него раздувает самовар «могильного вида старик», а еще недавно ценное оборудование представляет собой «грудю металлического трупья» [10, с. 278, 287]). Неудача превращает ученого в старика, а исправленная в «диссертации на вечность» ошибка – молодит, продлевает дни: «...на этот раз заснул сразу, крепко, как у окопа оставшийся неубитым солдат» [10, с. 289]. Для Скutareвского работа на будущее – «истинная жизнь», «когда некогда даже умереть!» [10, с. 281]. Научная деятельность героя, его идея беспроводной передачи энергии на расстояние не только не исключает общего дела воскрешения отцов (Федоров был горячим сторонником электрификации), но вполне может стать его частью. «Я видел электронные души тел» [10, с. 213], – признается ученый Жене. И он готов принять «ее» теорию, ибо «кто же смеет противиться своему воскрешению?» [10, с. 214]. Теория становится толчком к метаморфозе: «...кажется, он (Скutareвский. – Л. Б.) молодец; кажется, он начинал верить в обратимость процесса, о котором <...> фантазировала Женья» [10, с. 198]. Герой, как видим, взялся за «общее дело», но готов ли он к нему нравственно?

Приоритетность, самоценность науки в жизни героя делает его первым адресатом федоровской «записки от неученых к ученым»: «От разрешения вопроса о том, обратится ли ученое сословие в комиссию для объединения, собиранья, т.е. в призывную комиссию, зависит решение общего вопроса о замене <...> прогресса воскрешением, неродственного типа организма родственным типом нераздельной Троицы...». В сословном состоянии ученый предпочитает гражданство родству, правду – любви, светское – религиозному, понятием «человек» маскирует слово «смертный». «...Знание без приложения <...> проявляется в превозношении», «бездельное знание» разрушает нравственность. Из всех разделений отделение мысли от дела, заключает Федоров, несравненно страшнее, чем социальное неравенство [15, с. 46, 64, 38, 41].

На примере Скutareвского Леонов показывает, как надмевает знание. Отправляясь на полигон испытывать свое изобретение, герой безжалостно бросает умирающему сыну: «Настоящие люди живут так, что не умирают и после смерти!» [10, с. 246]. Тем самым он отказывает человеку, по его мнению, ничтожному, совершившему попытку самоубийства, в праве быть воскрешенным. Нетрудно

догадаться, какую философию – «общего дела» или сверхчеловека – герой усвоил лучше. Имморализм Ницше Федоров считал полной противоположностью супраморализму, как он окрестил свое учение.

Таким поворотом отцовско-сыновнего сюжета Леонов ставит еще одну важную пометку на полях «Философии общего дела». С. Г. Семенова обратила внимание на подчеркнутую бездетность строителей нового мира в его романах 1920–1930-х годов: «...Писатель подспудно разрабатывает мотив какого-то обеспложивания, *стерилизации* (сохраняем курсив цитируемого текста. – Л. Б.) бытия...» [13, с. 397]. Но мотив этот задан федоровским противопоставлением языческой семьи как «семьи рождения» – семье христианской как «семье воскрешения». «Вопрос о силе, заставляющей два пола соединиться в одну плоть для перехода в третье существо посредством рождения, есть вопрос о смерти...». Дело воскрешения должно начаться с прекращения рождения. В переходе «от супружества к соединению в общей любви ко всем родителям всех сынов и дочерей для дела всеобщего воскрешения» – знак «усвоения» учения о Троице [15, с. 43, 99], – читаем в «Философии общего дела». В «Бегстве мистера Мак-Кинли» Леонов отвечает на это Федорову: «В том-то и горе <...>, что каждый отец не чувствует себя отцом всех детей на земле...» [11, с. 299].

«...Детям всегда тягостна и непонятна огромная, страшная, как библейский ковчег, кровать родителей» [10, с.193], – совершенно федоровская мысль, почти цитата у Леонова: «Можно догадываться, что у человека вся кровь должна была броситься в лицо, когда он узнал о своем начале...» [15, с. 277].

Герои Леонова медлят на цивилизационной развилке: воскрешение еще не началось, рождение не совсем прекратилось. В картине Федора Скутаревского «Лыжники», запечатлевшей Женю в окружении сверстников, автор отмечает скрытый эротизм, а сама Женя не знает, что стоит за старым, «затасканным словом»: «взаимное, жестокое притяжение клеток или преувеличенное уважение», «флуоресценция <...> клейкого, недолговременного вещества, в которое все мы одеты?», но признается: есть слова, «от которых теряешь рассудок» [10, с. 272, 273]. Отцы в этом случае подают пример детям, они решительней в своих рассуждениях: «Сын? Это даже не оплошность, это неряшливость...». Высказавшийся таким образом Скутаревский пребывает в уверенности, что всякий отец «имеет право на такое жестокое слово» [10, с. 288]. Как, однако, далеко это убеждение от христианского гуманизма и учения о Троице.

Теория Федорова закрепилась в творческом сознании Леонова, но приверженцем ее он не сделался. Из всех влияний определяющим для него навсегда стало влияние Достоевского, и в киносценарии «Бегство Мистера Мак-Кинли» (1960) федоровский контекст взаимодействует с контекстом Достоевского.

Преследуемый страхом ядерного Апокалипсиса, мистер Мак-Кинли более всего страдает от мысли о слезинке ребенка и дублирует реплику Скутаревского с самой горестной интонацией: «...как страшно повторить ошибку собственных родителей... в отношении меня самого!» [11, с. 233]. Впрочем, другие персонажи выбирают бездетность не из соображений гуманизма, а, как миссис Шамуэй, из врожденного эгоизма и определенного политического расчета: «... все выдающиеся маньяки и революционеры в своих кровопролитиях всегда ссылаются на бедствия детей...» [11, с. 267]. Оборвать цепь рождений и не работать на воскрешение, а спокойно

дождаться его в замороженном состоянии в некоей спецлаборатории – на этих двух мотивах строится интрига киносценария.

«...Передавая детям накопленные труды ума и рук, боль и надежды сердца, мы через этот взнос в будущее приобретаем право волноваться за весь род людской в его историческом пробеге. Это и есть единственно доступный нам вид бессмертия» [11, с. 208], – пишет Леонов. И таким образом вступает в прямой спор с Федоровым: «Долг воскрешения объединяет все семьи в общем деле всего рода человеческого, тогда как между семьями рождения существует рознь, потому что нет общего долга, нет и общего дела» [15, с. 100].

Концепция Федорова трансформируется у Леонова в соответствии с общим памфлетным тоном киносценария. Если Женин рассказ в «Скутаревском» заставляет вспомнить изощренную живописную композицию Кранаха, то инволюция мосье Кокильона в «Бегстве» больше чем на карикатуру не тянет: изношенное старческое сердце в процессе эксперимента приобретает здоровый ритм, из волос уходит седина, «отец» прибавляет в весе и воскресает молодым, полным сил ловеласом. «...При желании можно приехать в завтрашний день мальчиком, и, глядишь, вам даже придется ходить в школу!» [11, с. 233], – в том же издевательском духе продолжает автор.

Как многих до него, Леонова настораживает сугубо плотский характер федоровского воскрешения. Н. Бердяев писал по этому поводу: «Трудно сказать, верил ли Федоров в бессмертие души. Когда он говорит о смерти и воскрешении, то он все время имеет в виду тело, телесную смерть и телесное воскресение. <...> Но искупление есть также и новое рождение, духовное рождение человека...» [1, с. 116–117].

Писатель, как и философ, не сомневается в достижимости физического бессмертия, но уверен, что это научное открытие постигнет такая же судьба, как и все предыдущие, т.е. повторится то, о чем лучше всех сказал сам Федоров: оно будет обращено против человека.

Устремившись в рукотворный лучший мир, герой киноповести, скромный клерк, прошедший войну, затесался не в свое общество. Криогенная «нетленка» стоит немалых денег. Научное бессмертие – удел богатых, борьба за него оборачивается социальным взрывом, уличными протестами (среди плакатов, которые несет толпа, бросается в глаза: «Мы убьем вас во имя наших малюток»), погромами и поджогами по всему миру сальваториев и отделений фирмы, торгующей бессмертием. Идея воскрешения подчиняет себе и богачей, и бедняков, приводит в неистовство толпу, то есть в каком-то смысле становится «общим делом».

Но тот вариант бессмертия, к реализации которого приступает общество в «Бегстве мистера Мак-Кинли», совершенно неприемлем для Федорова, не устававшего повторять: прогресс «есть самовозвышение, возвышение самих себя», «Воскрешение не прогресс...», «... прогресс состоит в сознании сынами своего превосходства над отцами и в сознании живущими своего превосходства над умершими». «Прогресс есть именно та форма жизни, при которой человеческий род может вкусить наибольшую сумму страданий, стремясь достигнуть наибольшей суммы наслаждений», прогресс есть «отрицание отечества и братства», «отрицание самой нравственности», «... прогресс есть истинный ад, и истинно божественное,

истинно человеческое дело заключается в спасении жертв прогресса, в выводе их из ада» [15, с. 50, 53, 52, 51]. Именно об этом говорит у Леонова Потаскушка, отклоняя предложение героя, готового уступить ей свой неоплаченный искуплением билет в вечную жизнь: «Может, ты и есть дьявол <...>, скупаешь падшие души?..», «...Иди сам туда, в свою адскую дыру...» [11, с. 294–295].

В отношении к прогрессу писатель солидарен с философом. Расхождения начинаются с того, что Леонов принимает состояние мира как данность, а Федоров в оценке его руководствуется категорией должного, предлагая, правда, план нового мироустройства (регуляция природы на Земле и в космосе; организация школ, музеев, научных центров – всей жизни вокруг кладбища; смещение городской деятельности в поле, в село и т.д.).

Г. В. Флоровский одним из коренных изъянов федоровского учения считал то, что в смерти он не почувствовал «темного жала греха. Для Федорова то была скорее загадка, чем тайна, и неправда больше, чем грех. И эту загадку смерти он почти что исчерпывает в представлениях морали и евгеники» [16, с. 323]. По Леонову, человеческий грех слишком стар, чтобы его можно было исправить моралью. Супраморализм в его восприятии – соблазнительная, но рискованная попытка выйти за пределы времени. Писатель – убежденный антиутопист. В 1930-е годы он федоровской утопией разрушал большевистскую, но при этом обращал внимание и на уязвимость положений космизма. (Анализ производственных романов указанного периода в связи с программой овладения временем В. Н. Муравьева и идеей преодоления смерти за счет имагинативных способностей человека Я. Э. Голосовкера также свидетельствует об «антикосмизме» Леонова [4, с. 14].) В «Дороге на Океан» в сценах будущего вместо торжества науки писатель изобразил гибель космонавтов, а автора Океанской мечты о земном рае Курилова наказал смертельной болезнью. А еще раньше притчей «Про неистового Калафата» в романе «Барсуки» (1924) напомнил: «Так ведь туда (к Истине, в Небесный град. – Л. Б.) и другие дороги есть!» [9, с. 223].

О федоровском проекте Бердяев пишет, что это «есть проект избежания страшного суда» [1, с. 111]. Действительно, философ считал, что страшный суд «есть только угроза для младенческого еще человечества» [15, с. 115]. В «Бегстве Мистера Мак-Кинли» результатом сциентистского прорыва в вечность закономерно становится Апокалипсис. Такой же конец рода человеческого Леонов предрекает и в своем последнем романе «Пирамида» (1994), создававшемся на протяжении полувека.

Как и большинство критиков федоровской теории, писатель ведет ее с позиций традиционного христианства, прибегая к языку символов и намеков. В «Бегстве» всюду проступают знаки древних пророчеств. Первое, что слышит на земле возвращенный из временного небытия (сон во сне) в жизнь Мистер Мак-Кинли, – вой сирен, возвещающих о воздушной тревоге, «только в несколько обновленном, каком-то устрашающе трубном стиле, с замирающим стоном в конце» [11, с. 303]. Вокруг разбросаны канализационного типа крышки да черные головешки, и, едва завидев человека (добыча!), к нему с визгом устремляются похожие на огромных светляков inferнальные огни.

Последнее слово в киносценарии остается за Потаскушкой – «что-то бесконечно древнее в финикийском разрезе ее глаз» [11, с. 283]. Одна она в гибнущем мире сохранила в себе родственное чувство, любовь к праотцам и чтит память матери: «... очень несчастная, молчаливая, прекрасная такая женщина <...> меня всегда учила, <...> что настанет однажды страшный, светлый суд над злом» [11, с. 285]. В образе этой героини у Леонова находит реализацию мысль Федорова: «Говоря о сыне человеческом, мы разумеем, конечно, и дочь человеческую, существо, неотделимое от отца по идее и цели» [15, с. 96]. Цель, согласно Федорову, – уподобление Сыну. В этом случае, однако, писатель отзывается не на еретически новое, а на традиционное у Федорова. В «Бегстве мистера Мак-Кинли» женщина показана не в земных хлопотах по материальному воскрешению отцов, а исповедующей подражание Христу. Из любви к людям она готова «вот так, накрепко, прижать его к себе, этот мир, чтобы он впился весь в меня, всеми своими колючками... да и сгореть вместе с ним, в обнимку...»: «Весь сор жизни должен выгореть здесь» [11, с. 295]. Леонов открыто апеллирует к архетипу: в его блуднице уже видна будущая святая мученица. Однако и Финикия, где практиковалась храмовая проституция как часть служения богине плодородия и любви Астарте, упомянута не случайно. Грядущее воскресение/воскрешение писатель представляет не как материально-плотское восстановление человека, но как полное духовное его преображение. А видением невесты Мак-Кинли с младенцем на руках напоминает про идеал Мадонны.

Герой Леонова мечтал попасть в сальваторий с единственной целью – переждать там апокалиптические времена, чтобы, очнувшись, исполнить свою главную мечту: не боясь за детей, завести наконец семью, ту самую, от которой призывал отказаться Федоров. В финале по дороге на службу герой впервые позволяет себе улыбнуться обступившим его малышам, «как бы впускает их в себя» [11, с. 306]. Тем самым он выбирает искупление, в котором богословы отказывали «Философии общего дела», принимает жизнь как она есть, с тяжким трудом и муками рождения.

В полемике с Федоровым Леонов руководствуется принципом контроверзы, «некоторого неразрешимого положения, до конца остающегося проблематическим душевного состояния» [5, с. 28]. Этой форме риторических упражнений античности роман, как известно, обязан своим происхождением. В «Скутаревском» принцип выдержал последовательно, проблемность воскрешения сохраняется до конца. Роман проблематичен, но драма (соответственно и ее киновариант) катартична. Драма не всегда «пользуется привилегией катарсиса, очищающего действия», но «принципиально всегда может ею воспользоваться» [5, с. 28]. В «Бегстве мистера Мак-Кинли» Леонов этой привилегией воспользовался. Вспомним, однако, что романизации в большей или меньшей степени подверглись все литературные жанры и что в художественном произведении, как пишет Б. Грифцов, риторика не служит практическим целям, «ей важно найти неразрешимое столкновение интересов» [5, с. 28]. При всех поворотах темы «Философия общего дела» остается одной из констант леоновского мира. Само столкновение контроверзы и катарсиса в полемике писателя с философом – свидетельство ее контroversивного характера.

ВЫВОДЫ

Уже в «Скутаревском» «Философия общего дела» интересовала Леонова не только как источник метафор, позволяющих между строк выразить свое отношение к большевистскому проекту, но и как средоточие идей, радикально изменяющих представление о возможностях человека и путях переустройства мира. В «Бегстве мистера Мак-Кинли» эта проблематика выходит на первый план, не вытесняя, но подчиняя себе социальную.

Философия Федорова не единственное, а одно из учений, которыми оперирует Леонов в своих художественных построениях, наряду с буддизмом, разного рода гностическими системами, мифами, аллюзиями на Достоевского, наконец, положениями традиционного христианства. Все это в комплексе бросает дополнительный свет на идею воскрешения отцов.

Леоновская рецепция Федорова имеет контroversивный характер: писатель солидаризируется с философом в оценке прогресса, но не разделяет его надежд на исправление греховной природы человека; Леонову близка федоровская идея богосыновства человека, но чужда мысль о победе над смертью за счет отказа от рождения, как чужд вообще всякий утопизм. Федоровскому материалистическому взгляду на воскресение он противопоставляет христианскую догматику. И в «Скутаревском», и в «Бегстве мистера Мак-Кинли» «общее дела», как и положено романной контroversе, до конца сохраняет свою проблемность и тем самым удерживает философский спор в границах образности. Идея воскрешения отцов не только предмет философско-публицистической рефлексии Леонова, но и неотъемлемая часть его художественной картины мира.

Список литературы

1. *Бердяев Н.* Религия воскрешения. «Философия общего дела» Н. Ф. Федорова // Русская мысль. – М.; Пг., 1915. – Кн. VII. – С. 75–120.
2. *Борисова Л. М.* Русский космизм в криптограммах Л. Леонова (романы 1920–1930-х годов) // Московский Сократ. – М. : Академический проект, 2018. – С. 595–601. – Режим доступа : <http://nffedorov.ru/w/images/9/9c/Moskovskij-sokrat-2018.pdf> (дата обращения: 22.02.2025).
3. *Вайскопф М.* Во весь Логос: религия Маяковского // Птица тройка и колесница души: Работы 1978–2003 годов. – М. : НЛЮ, 2003. – С. 343–486.
4. *Воробьев А. А.* Философская проза Леонида Леонова (историко-философский анализ) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. – М., 2022. – 17 с. – Режим доступа : https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_011201304?page=3&rotate=0&theme=white (дата обращения: 22.02.2025).
5. *Грифцов Б. А.* Теория романа. – Москва: ГАХН, 1927. – 152 с.
6. *Гюнтер Х.* По обе стороны утопии: Контексты творчества А. Платонова. – М. : НЛЮ, 2012. – 216 с.
7. *Кацис Л. Ф.* Владимир Маяковский: Поэт в интеллектуальном контексте эпохи. – 2-е изд., доп. – М.а : РГГУ, 2004. – 830 с.
8. *Леонов Л.* «Человеческое, только человеческое...». Беседу вел А. Лысов // Вопросы литературы. – 1989. – №1. – С.3–25.
9. *Леонов Л. М.* Собрание сочинений : в 10 томах. Т. 2. – М.: Худож. лит., 1982. – 328 с.
10. *Леонов Л. М.* Собрание сочинений : в 10 томах. Т. 5. – М.: Худож. лит., 1983. – 320 с.
11. *Леонов Л. М.* Собрание сочинений : в 10 томах. Т. 8. – М. : Худож. лит., 1983. – 320 с.

12. Николай Федорович Федоров: Pro et contra / сост. А. Г. Гачева, С. Г. Семенова. – СПб.: РХГА, 2008. – 1216 с.
13. Семенова С. Г. Метафизика русской литературы: В 2 томах. Т. 2. – М.: Издательский дом «ПоРог», 2004. – 512 с.
14. Толстая Е. Д. Мирпослеконца: Работы о русской литературе XX века. – М.: РГГУ, 2002. – 511 с.
15. Федоров Н. Ф. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. – М.: Прогресс, 1995. – 518 с.
16. Фроловский Г., прот. Пути русского богословия. – Вильнюс, 1991. – 602 с.
17. Эпштейн М. Ирония идеала: парадоксы русской литературы. – Москва: НЛО, 2015. – 384 с.
18. Якимова Л. П. Мотивная структура романа Леонида Леонова «Пирамида». – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – 252 с.
19. Якобсон Р., Святополк-Мирский Д. О поколении, растерявшем своих поэтов // Смерть Маяковского. – Paris : Mouton, The Hague, 1975. – С. 8–34. – Режим доступа: https://vtoraya-literatura.com/pdf/yakobson_mirsky_smert_mayakovskogo_1975__ocr.pdf (дата обращения: 22.02.2025).
20. Hagemester M. Nicolaj Fedorov. Studien zu Leben, Werk und Wirkung. – München: Verlag Otto Senger, 1989. – 551 p. – Available from: <https://library.oapen.org/viewer/web/viewer.html?file=/bitstream/handle/20.500.12657/26362/1003719.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed 22.02.2025).

References

1. Berdjaev N. *Religija voskreshenija. «Filosofija obshhego dela» N.F. Fedorova* [The religion of resurrection. "Philosophy of a common cause" by N.F. Fedorov]. *Russkaja mysl'*. Moscow, 1915, Book. VII, pp. 75–120.
2. Borisova L. M. *Russkij kosmizm v kriptogrammah L. Leonova (romany 1920–1930-h godov)* [Russian Cosmism in L. Leonov's Cryptograms (novels of the 1920s and 1930s)]. *Moskovskij Sokrat*. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2018, pp. 595–601. Available from: <http://nffedorov.ru/w/images/9/9c/Moskovskij-sokrat-2018.pdf> (accessed 22 February 2025).
3. Vajskopf M. *Vo ves' Logos: religija Majakovskogo* [In Full Logos: Mayakovsky's Religion]. *Vajskopf M. Ptica trojka i kolesnica dushi: Raboty 1978–2003 godov*. Moscow: NLO Publ., 2003, pp. 343–486.
4. Vorob'ev A. A. *Filosofskaja proza Leonida Leonova (istoriko-filosofskij analiz): avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filosofskih nauk* [Philosophical prose by Leonid Leonov (historical and philosophical analysis). Abstract of thesis]. Moscow, 2022. 17 p. Available from: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_011201304?page=3&rotate=0&theme=white (accessed 22 February 2025).
5. Grifcov B. A. *Teorija romana* [Theory of the novel]. Moscow, GAHN Publ., 1927. 152 p.
6. Gjunter H. *Po obe storony utopii: Konteksty tvorcestva A. Platonova* [On both Sides of Utopia: The Contexts of A. Platonov's work]. Moscow, NLO Publ., 2012. 216 p.
7. Kacis L. F. *Vladimir Mayakovskij: Pojet v intellektual'nom kontekste jepohi* [Vladimir Mayakovsky: The poet in the intellectual context of the epoch.]. 2 ed., exp. Moscow, RGGU Publ., 2004. 830 p.
8. Leonov L. «Chelovecheskoe, tol'ko chelovecheskoe...». *Besedu vel A. Lysov* ["Human, only human...". The conversation was conducted by A. Lysov]. *Voprosy literatury*, 1989, no 1, pp. 3–25.
9. Leonov L. M. *Sobranie sochinenij : v 10 tomah. T. 2* [Collected works: in 10 volumes. Vol. 2]. Moscow, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1982. 328 p.
10. Leonov L. M. *Sobranie sochinenij : v 10 tomah. T.5* [Collected works: in 10 volumes. Vol. 5]. Moscow. Hudozhestvennaja literatura Publ., 1983. 320 p.
11. Leonov L. M. *Sobranie sochinenij : v 10 tomah. T.8* [Collected works: in 10 volumes. Vol. 8]. Moscow, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1983. 320 p.
12. *Nikolaj Fedorovich Fedorov: Pro et contra* [Nikolai Fedorovich Fedorov: Pro et contra] / comp. A. G. Gacheva, S. G. Semenova. Saint-Petersburg, RHGA Publ., 2008. 1216 p.

13. Semenova S. G. *Metafizika russoj literatury : v 2 tomah. T. 2* [Metaphysics of Russian literature : in 2 volumes. Vol. 2]. Moscow, Izdatel'skij dom «PoRog» Publ., 2004. 512 p.
14. Tolstaja E. D. *Mirposlekonca: Raboty o russoj literaturе XX veka* [The world after the End: Works on Russian literature of the XX century]. Moscow, RGGU Publ., 2002. 511 p.
15. Fedorov N. F. *Sobranie sochinenij : v 4 t. T. 1* [Collected works: in 4 volumes, vol. 1]. – Moscow: Progress, 1995. – 518 p.
16. Frolovskij G., prot. *Puti russskogo bogoslovija* [The Ways of Russian Theology]. Vil'njus, 1991. 602 p.
17. Jepshtejn M. *Ironija ideala: paradoksy russoj literatury* [The Irony of the Ideal: the Paradoxes of Russian Literature]. Moscow, NLO Publ., 2015. 384 p.
18. Jakimova L. P. *Motivnaja struktura romana Leonida Leonova «Piramida»* [The motif structure of Leonid Leonov's novel "Pyramid"]. Novosibirsk: SO RAN Publ., 2003. 252 p.
19. Jakobson R., Svjatopolk-Mirskij D. *O pokolenii, rasterjavshem svoih pojetov* [About a generation that has lost its poets]. *Smert' Majakovskogo*. Paris, Mouton, The Hague, 1975, pp. 8–34. Available from: https://vtoraya-literatura.com/pdf/yakobson_mirsky_smert_mayakovskogo_1975__ocr.pdf (accessed 22 February 2025).
20. *Hagemeister M. Nicolaj Fedorov. Studien zu Leben, Werk und Wirkung*. München, Verlag Otto Senger, 1989. 551 p. Available from: <https://library.oapen.org/viewer/web/viewer.html?file=/bitstream/handle/20.500.12657/26362/1003719.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed 22 February 2025).

PHILOSOPHY OF N. FEDOROV IN THE ARTISTIC RECEPTION OF L. LEONOV: SOURCE CRITICISM

Borisova L. M.

The article examines the reflection of N. Fedorov's ideas in L. Leonov's novel "The Sot" and the film script "The Flight of Mr. McKinley". It reveals the controversial nature of Leonov's reception. The writer regards each provision of "The Philosophy of the Common Cause" as a multi-faceted problem. Leonov shares Fedorov's religious-philosophical criticism of progress. However the writer believes that a scientific project based on the idea of resurrecting fathers (Skutarevsky's experiments, the cryonicist in "The Flight of Mr. McKinley" as approaches to its implementation) will lead not to unification, but to the final disunity of humanity and will provoke a social catastrophe. The writer does not share Fedorov's hopes to overcome sinful human nature and avoid the Apocalypse with the help of the noble goal. Man's sonship to God, which Leonov understands as the imitation of Christ, for Fedorov, according to the writer, lies in practical work on the material resurrection of the fathers. The philosopher's deontic logic and the writer's focus on the essence lead to the utopianism of the first and the principled anti-utopianism of the other. "The Philosophy of the Common Cause" determines the plot and figurative structure of Leonov's prose, his arguments in the polemics with the "Moscow Socrates", drawn from various religious, philosophical systems, and ancient myths, are expressed metaphorically.

Keywords: L. Leonov, N. Fedorov, "Skutarevsky", "The Flight of Mr. McKinley", "The Philosophy of the Common Cause", Russian cosmism, resurrection of the fathers, reception.

УДК 821.111

ШЕКСПИРОВСКИЙ «ГАМЛЕТ» В ПЕРЕСКАЗАХ ДЛЯ ДЕТЕЙ: ТРАДИЦИЯ ЧАРЛЬЗА И МЭРИ ЛЭМ И ЕЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ В XX–XXI ВВ.

Ненарокова М. Р.

*Институт мировой литературы (ИМЛИ)
им. А. М. Горького РАН, Москва, Российская Федерация
e-mail: maria.nenarokova@yandex.ru*

Статья посвящена проблеме адаптации, которая как процесс и как результат является характерной чертой современной массовой культуры. В современном литературоведении проблема адаптации текстов рассматривается с разных ракурсов: как зарубежные, так и российские исследователи изучают различные аспекты этой проблемы, причины и возникновения, механизм преобразования текста, стадии адаптации, ее эволюцию в течение двух столетий. Материалом для исследования служат сборники пересказов шекспировской драматургии для детей, начиная с первого сборника, составленного Чарльзом и Мэри Лэм. Их сборник *Tales from Shakespeare* стал первым звеном традиции, которая достигла расцвета на рубеже XX–XXI вв., когда практически одновременно вышли в свет четыре сборника авторских пересказов шекспировских пьес. Исследование показало, что в предисловии к своему сборнику адаптаций Чарльз и Мэри Лэм сформулировали основные принципы преобразования текста, его упрощения и изменения. С течением времени появились новые стратегии адаптации текста, в рамки которых укладываются явления фокализации (пересказ исходного текста от лица второстепенного персонажа) и ахронизации (перенос действия в иное время).

Ключевые слова: массовая культура, адаптация, У. Шекспир, Чарльз и Мэри Лэм, традиция, фокализация, ахронизация.

ВВЕДЕНИЕ

Время постмодерна метафорически называют «эпохой культурной переработки» [14, р. 3], употребляя слово *recycling*, которое в привычных для него контекстах означает «переработка отходов с помощью специальных технологий так, чтобы их можно было использовать снова». Применительно к культуре, в частности к произведениям классической литературы, эта неожиданная метафора может означать «приспособление культурного наследия к нуждам современности и тем самым сохранение его». Этот процесс описывается такими понятиями, как адаптация (*adaptation*), аппроксимация / упрощение (*approximation*) [14, р. 2; 21, р. 26], присвоение (*appropriation*) [21, р. 21]. Как кажется, упрощение и присвоение можно считать этапами адаптации.

Линда Хатчен дает самое краткое определение адаптации: «Адаптация – это повторение, но повторение без копирования» [14, р. 7]. В случае классической литературы это использование всем известных произведений, например, их сюжетов, системы персонажей, для создания новых текстов, в которых, тем не менее, узнаются тексты-источники. Новосозданные произведения вступают в своего рода диалог с исходными текстами, которые «обладают культурным капиталом, коренящимся в своеобразном пересечении ностальгии и отказа от прошлого» [28, р. 1].

Адаптация как процесс по сути своей является «преобразовательной практикой» [21, р. 22], а одним из основных ее признаков адаптации становится упрощение (*approximation*) [14, р.1; 7, р. 6], которое «драгоценно само по себе, поскольку несет на себе печать автора» [14, р. 2], так как автор новосозданного текста выбирает подходы к переделке классического текста и стратегии создания нового на его

основе. При этом сохраняется «ядро» текста-исходника [1, с. 9], его «инвариант» [2, с. 69]. Когда же изменение классического текста ведет к «появлению новых значений и применений» [21, р. 43], можно говорить о присвоении (*appropriation*) классического источника новой культурой.

В зарубежной англоязычной науке четко проводится граница «между авторами и *auteurs*» [27, р. 4], причем французское слово *auteur* обозначает автора адаптации. В качестве приемов адаптации как преобразования текста как зарубежные, так и отечественные исследователи называют «удаление лишнего и сокращение, но также... добавление, расширение, наращивание и интерполяцию» [21, р. 23], что соответствует «свертыванию и развертыванию содержания» [5, с. 70], «экстенсивная переработка сюжета, его детализация и конкретизация, которые предстают вариантом обновления» [3, с. 133]. В процессе адаптации может произойти «смена знаковой системы посредника... или жанра». Кроме того, «адаптация часто предполагает комментарий к исходному тексту» [21, р. 23]. Эти приемы преобразования одного текста в другой были описаны Чарльзом и Мэри Лэм, которые первыми более двух столетий назад описали этапы своей работы над пересказами пьес Шекспира для детей.

При том, что основные приемы адаптации классических текстов сохранились до наших дней и активно используются авторами литературных переделок (*auteurs*), в их арсенале появилось и немало нового. Так, например, понятие фокализации подразумевает пересказ знакомой истории от лица второстепенного или вновь введенного персонажа: «рассказ той же истории с другой точки зрения может создать явно иную интерпретацию» [14, р. 7–8]. Понятие анахронизации, введенное российской исследовательницей А. Громовой [6, с. 87], подразумевает перенесение действия классического произведения в другое время. Кроме того, авторы современных адаптаций классической литературы для детей в отличие от Чарльза и Мэри Лэм не избегают «прямого разговора с читателями на “взрослые” темы, ранее считавшиеся неподходящими и чуждыми наивной детской среде» [4, с. 847].

Примером того, как адаптация развивалась как процесс и каковы оказались результаты этого процесса – адаптации классических произведений, может послужить традиция пересказов шекспировской трагедии «Гамлет» для детей, начало которой положили Чарльз и Мэри Лэм.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Возникновение традиции переделок шекспировских текстов для детского чтения можно отнести к 1807 г., когда была опубликована книга пересказов комедий и трагедий великого английского драматурга, созданных Чарльзом и Мэри Лэм по заказу Уильяма Годвина, известного философа и писателя. Одной из областей знаний, которая интересовала Годвина, была педагогика, в частности круг детского чтения. По мнению Годвина, в программу детского чтения должны были входить произведения классической литературы, а среди английских авторов он особенно выделял Мильтона и Шекспира. Так, Годвин подчеркивал педагогическую ценность шекспировской драматургии: «талантливый человек, обладающий вкусом, ...получает [из его произведений] смысл, энергию, способность рассуждать, утонченность, побуждение к действию, восторг» [13, с. 139]. Говоря о авторах,

оказывающих формирующее влияние на британское общество в целом, Годвин особенно выделяет уже упомянутых Шекспира и Мильтона: «... я не могу сказать, кем бы я был, если бы Шекспир и Милтон не писали своих произведений. Беднейший крестьянин в самом отдаленном уголке Англии становится, возможно, другим человеком, отличающимся от того, кем он мог бы быть без них. Каждый, кто становится иным после внимательного чтения их творений, сообщает частичку их вдохновения окружающему миру. Вдохновение переходит от человека к человеку и влияет на всю массу людей» [13, с. 52]. Годвин организовал издательство под названием «Юношеская библиотека» с тем, чтобы предложить и педагогическому сообществу, и широким читательским кругам «любое сочинение... которое может потребоваться для раннего образования детей» [цит по: 9]. С этой же целью он заказал брату и сестре Лэмам «обработать двадцать пьес Шекспира с тем, чтобы переделать их в рассказы для детей» [16, с. 66]

В предисловии к сборнику, получившему название *Tales from Shakespeare* (в первом русском переводе «Шекспир, рассказанный детям» (1865 г.), Чарльз Лэм рассказывает о принципах переработки шекспировских текстов, которого они с сестрой придерживались в работе. Результат своих трудов авторы назвали *abridgment* [15, р. 6], то есть «сокращение», «краткое изложение», «сокращённый текст». Изучение дефиниций этого слова в толковых английских словарях позволяет понять, какие процессы стоят за этим словом. Дефиниция из *Cambridge Dictionary* описывает процесс переработки текста как «сокращение путем исключения некоторых деталей или менее важной информации» [10], при этом в словаре Мерриама-Вебстера отмечается необходимость «сохранения общего смысла и единства исходного текста» [18]. Другие словари также указывают на необходимость сохранить «самые важные части текста» [11], «основную историю» [25], главную сюжетную линию. Видимо, именно так Чарльз и Мэри Лэмы подходили к шекспировским текстам: ведь в них было «много удивительных событий и поворотов судьбы, которые по причине их бесконечного разнообразия невозможно было поместить в эту книжечку, не считая целого мира веселых и жизнерадостных персонажей, как мужчин, так и женщин» [15, р. 6]. Темы шекспировских пьес зачастую были слишком сложными для детского понимания. Как отмечали Лэмы, «нелегко было рассказывать истории мужчин и женщин в выражениях, знакомых восприятию очень юного ума» [15, р. 6]. В этом случае их пересказы могли служить своего рода «инструментом цензуры» [24], избегая «упоминания таких тем, как “дурное” поведение взрослых» [24]. Главную свою задачу авторы пересказов видели в том, чтобы сохранить «собственные слова Шекспира» [15, р. 5]: «его слова используются везде, где только казалось возможным ввести их» [15, р. 5]. Если сравнить современное понимание термина «адаптация» применительно к классическому литературному произведению, то оказывается, что подход Лэмов к переложению литературных произведений отвечает самым современным филологическим представлениям о работе такого рода.

Одной из пьес, выбранных Лэмами для пересказа, стал «Гамлет, принц Датский». Пересказ этой знаменитой трагедии, выполненный Чарльзом Лэмом, служит прекрасной иллюстрацией к сохранению фрагментов шекспировского текста в пересказе. Так, сцена разговора Гамлета с призраком, а также сцена разговора Гертруды и Гамлета содержат очень много вставок из исходного текста:

ШЕКСПИРОВСКИЙ «ГАМЛЕТ» В ПЕРЕСКАЗАХ ДЛЯ ДЕТЕЙ...

Angels and ministers of grace, defend us! [22, p. 24] Ангелы и служители благодати, защитите нас!	He at first called upon the angels and heavenly ministers to defend them...[15, p. 237] Сначала он [Гамлет] воззвал к ангелам и небесным служителям с тем, чтобы они защитили их...
--	--

Чарльз Лэм фактически пересказывает шекспировскую строку, меняя повелительное наклонение глагола *defend* – «защищать» – на изъявительное. Намек на утраченную форму повелительного наклонения компенсируется глаголом *called upon* – «воззвал».

Еще более ярко способность Чарльза Лэма вписывать шекспировские цитаты в свой текст видна в пересказе писем главного героя. Получив любовное послание от Гамлета, Офелия как послушная дочь показывает его отцу, а тот читает письмо королю и королеве. В текст письма включен короткий стишок:

Doubt thou the stars are fire, Doubt that the sun doth move, Doubt truth to be a liar, But never doubt I love [22, p. 40]. Усомнись в том, что звезды – огонь, Усомнись в том, что солнце движется [по небу], Усомнись в том, что правда не лжет, Но никогда не сомневайся в том, что я люблю.	He bade her to doubt the stars were fire, and to doubt that the sun did move, to doubt truth to be a liar, but never to doubt that he loved; with more of such extravagant phrases [15, p. 239]. Он [Гамлет] просил ее усомниться в том, что звезды – огонь, и усомниться в том, что солнце движется [по небу], усомниться в том, что правда не лжет, но никогда не сомневаться в том, что он любит; и [написал] многие иные сумасбродные фразы.
--	---

И в этом примере обнаруживаем, что формы повелительного наклонения заменены инфинитивами, а их утрата компенсируется введением формы прошедшего времени *bade* – «просил», однако шекспировская лексика перенесена в прозаический отрывок полностью.

Переводя прямую речь в косвенную, Чарльз Лэм использует глагольные формы 3 лица и соответствующие местоимения, попутно упрощая шекспировский текст, «заменяя многие из его [Шекспира] великолепных выражений гораздо менее красноречивыми словами» [15, p. 5–6].

POLONIUS My lord, he's going to his mother's closet. Behind the arras I'll convey myself To hear the process [22, p. 70]. Полоний. Мой господин, он идет в покои королевы. За гобеленом я спрячусь, Чтобы слышать разговор.	Polonius, the old counselor of state, was ordered to plant himself behind the hangings in the queen's closet, where he might, unseen, hear all that passed [15, p. 242]. Полонию, старому государственному советнику, было приказано спрятаться за занавесью в покоях королевы, где бы он мог, скрытый от глаз, слышать все происходящее.
--	--

Пересказ шекспировского текста сопровождается практически незаметными изменениями сюжета: в исходном тексте Полоний как советник короля, его доверенное лицо, и сам может предложить какие-то способы проверить, насколько Гамлет охвачен безумием. Однако Чарльз Лэм, выбирая главную сюжетную линию, опускает в пересказе все остальные, и Полоний превращается у него в покорного слугу Клавдия, которому «приказано» проследить за принцем.

Образный язык Шекспира был труден для понимания маленьких детей, поэтому Чарльзу Лэму пришлось заменять «изобильные сокровища» [15, р. 5] его слов заменять их «мелкими и ничего не стоящими монетками» [15, р. 5], «слабыми и несовершенными отпечатками» [15, р. 5] шекспировского красноречия. Так, когда Гамлет скорбит по умершему отцу, мир кажется ему садом, погруженным в хаос:

<p>'Tis an unweeded garden That grows to seed. Things rank and gross in nature Possess it merely [22, p. 15-16]. Это невыполотый сад, Который зарастает бурьяном. Растения, неприятно пахнущие и буйные по природе, Просто его захватывают.</p>	<p>... the world, which seemed to him an unweeded garden, where all the wholesome flowers were choked up and nothing but weeds could thrive [15, p. 235] ... мир, который казался ему невыполотым садом, где все полезные цветы были задушены и только сорняки благоденствовали.</p>
---	--

Лэм не только вводит глагол *seem* – «казаться», чтобы подчеркнуть, что это Гамлет видит мир подобным образом, и облегчить понимание гамлетовской метафоры, но и заменяет перифраз *things rank and gross in nature* – «растения, неприятно пахнущие и буйные по природе» на понятные маленьким читателям *weeds* – «сорняки».

В сцене беседы с Призраком Чарльз Лэм заменяет идиому *at a pin's fee* – «за цену булавки», фактически пересказывая ее:

<p>Why, what should be the fear? I do not set my life at a pin's fee [22, p. 25]. Почему, что за страх мне следует испытывать? Я не дам за мою жизнь и цены булавки.</p>	<p>... cared too little about life to fear the losing of it [15, p. 237] [Гамлет] ... слишком мало тревожился о своей жизни, чтобы бояться ее потерять.</p>
--	---

Во времена Шекспира булавки, модное нововведение, продавались на вес очень дешево, так что современники драматурга могли оценить, сколь мало Гамлет ценил свою жизнь.

В беседе с Призраком возникает еще один образ, который, видимо, не был понятен детской аудитории:

<p>Leave her to heaven And to those thorns that in her bosom lodge To prick and sting her [22,p.28]. Оставь ее Небу И тем шипам, которые живут в ее груди, Колоть и жалить ее.</p>	<p>...to leave her to Heaven, and to the stings and thorns of conscience [15, p. 238]. ...оставить ее Небу и стрекалам и шипам совести.</p>
--	---

В английском языке существует выражение *pricks of conscience* – букв. «уколы», «угрызения совести», а слово *thorn* означает «небольшой, острый вырост на ветках некоторых кустарников», о который можно уколотся, но в какие-либо идиомы со значением «совесть» это существительное не входит. Помня о существующей в английском языке идиоме, Лэм реконструирует шекспировский образ, делая его понятным для маленьких читателей: *the stings and thorns of conscience* – «стрекала и шипы совести».

Сохраняя как можно более полно шекспировский текст в пересказе, Чарльз и Мэри Лэм преследовали цель, которую они упомянули в своем предисловии: «...это единственный способ, при помощи которого детям можно намекнуть на предвкушение того великого удовольствия, которое ожидает их в более старшем возрасте...» [15, р. 5].

Книга Лэмов имела огромный успех, в 1808 г. вышло ее второе издание, и вплоть до середины XX в. «Шекспир, рассказанный детям» был, пожалуй, самым популярным переложением шекспировских пьес для детей. Как вспоминает Майкл Морпурго, автор нового сборника переложений, он «открыл для себя Шекспира, когда он был еще совсем маленьким, лет пяти или шести..., и оно началось, это путешествие, полное открытий, потому что мне подарили книгу. Это был “Шекспир, рассказанный детям”» [20, р. 314]. Вспоминая членов своей семьи, родителей, бабушку, дедушку, Морпурго отмечает, что «все они были воспитаны на этом “Шекспире, рассказанном детям”, так что для целой семьи, если углубиться в ее историю, чтение этой книги было своего рода знаком принадлежности к семейному кругу» [20, р. 314].

При том, что отдельные пьесы Шекспира пересказывались, адаптировались, использовались как источник новых произведений, сборников, представляющих собой авторские выборки пересказанных пьес, в течение двухсот лет со дня выхода в свет книги Лэмов, оказалось не так и много. Нужда в новых сборниках пересказов стала ощущаться во 2-й пол. XX в., и рубеж XX–XXI вв. увидел публикацию сразу четырех сборников, содержащих пересказы шекспировских комедий и трагедий для детского чтения, включающих в себя версии «Гамлета».

Один из сборников был составлен уже упоминавшимся британским детским писателем Майклом Морпурго. В продолжение сложившейся традиции он называется *Tales from Shakespeare* («Шекспир, рассказанный детям») (2023). Другие авторы сочли нужным изменить названия книг. Так, британский детский писатель Терри Дири назвал свои переделки *Best Ever Shakespeare Tales* «Самые лучшие из существующих шекспировские истории» (первое издание в 1998 г.). В этом же, 1998, г. британская писательница Марша Уильямс выпустила сборник комиксов *Mr. William Shakespeare's Plays* («Пьесы мистера Уильяма Шекспира»). Еще одна современная британская писательница Энджела МакАллистер собрала свои пересказы двенадцати пьес Шекспира в книге *A Stage Full of Shakespeare Stories* («Сцена, полная шекспировских историй») (2018).

С точки зрения продолжения лэмовской традиции, сохранения и развития стилистики первого сборника пересказов Шекспира, вида читательской аудитории переделки рубежа XX–XXI вв. можно распределить таким образом: сборники Майкла Морпурго и Терри Дири противопоставлены друг другу, хотя у них есть и общие черты. Наиболее нейтрален по языку и стилю сборник американки МакАллистер. Что касается сборника комиксов Марши Уильямс, он в этой группе книг стоит наособицу.

Для своей книги «Пьесы мистера Уильяма Шекспира» Марша Уильямс выбрала всего шесть произведений, среди них и трагедию «Гамлет» [26, р. 10-13]. Несмотря на то, что жанр комикса предполагает наличие большого количества иллюстраций-кадров, книга Марши Уильямс содержит многочисленные цитаты из шекспировского текста, содержащего даже устаревшие грамматические формы, которые, тем не менее, легко понять и сегодня. Каждый кадр комикса делится на две неравные части: одну занимает очень простой текст, кратко описывающий происходящее на картинке, другая часть, бóльшая по размеру, представляет собой визуальное воплощение этого описания, но включает в себя цитаты из исходного текста. Так, комикс «Гамлет, принц Датский» открывается кадром, к которому относится следующая подпись: *As Hamlet, Prince of Denmark, kept watch with his friend Horatio on the battlements of Elsinore Castle, his father's ghost appeared to him. The dead king told Hamlet that he had been murdered by his brother, Claudius, and urged Hamlet to take revenge* [26, р. 10] – «Когда Гамлет, принц Датский, стоял на страже со своим другом Горацио на стенах Эльсинорского замка, ему явился призрак его отца. Покойный король сказал Гамлету, что он был убит своим братом, Клавдием, и призвал сына отомстить за него». Соответствующая описанию картинка изображает встречу Призрака в латах, с одной стороны, и Гамлета и Горацио, с другой. На пустом пространстве между фигурами Призрака и Гамлета читаем фрагмент, взятый из речи Призрака: *Tis given out that, sleeping in my orchard, / A serpent stung me. ...But know, thou noble youth, / The serpent that did sting thy father's life / Now wears his crown* [22, р. 28] – «Идет молва, что я, уснув в саду, / Ужален был змеей... но знай, мой сын достойный: / Змей, поразивший твоего отца, / Надел его венец» [8], и ответ Гамлета: *O my prophetic soul! My uncle!* [22, р. 27] – «О вещая моя душа! Мой дядя?» [8]. Таким же образом вводится в текст комикса и знаменитый монолог Гамлета *To be or not to be...* [26, р. 10] – «Быть или не быть». Читатели комикса в будущем смогут узнать первые строки этого монолога. Особенностью комиксов Уильямс является паратекст каждого пересказа, рисованная рама, занимающая поля страницы, которая изображает зрительный зал театра Елизаветинского времени. Зрители, изображенные на полях, комментируют происходящее, например: *And her hubby hardly dead!* [26, р. 10] – «И ее муженек только что умер!», *That ghost is asking too much!* [26, р. 11] – «Этот Призрак многовато требует!», *Come on, Hamlet!* [26, р. 12] – «Давай, Гамлет!».

Пересказ Энджелы МакАллистер практически не включает в себя шекспировские цитаты. Если автору нужно ввести в свое повествование прямую речь, она, опираясь на исходный текст, упрощает его и заменяет слова оригинала на

нейтральную лексику. При этом смысл шекспировских фрагментов передается по возможности точно, например:

<p>POLONIUS My lord, he's going to his mother's closet. Behind the arras I'll convey myself To hear the process [22, p. 70]. Полоний. Мой господин, он идет в покои королевы. За гобеленом я спрячусь, Чтобы слышать разговор.</p>	<p>...I will spy on their conversation and report it to you [17, p. 30] ...я подслушаю его разговор и передам Вам.</p>
--	--

Как и Марша Уильямс, Энджела МакАллистер не может не упомянуть монолог Гамлета, однако приводит самое начало знаменитого текста, знания которого маленькому читателю достаточно, чтобы позже узнать его в неадаптированном виде: *"To be or not to be?" he asked himself. What was the answer?* [17, p. 29] – «"Быть или не быть?" – спрашивал он себя. Каков же был ответ?». По свидетельству Терри Дири, создавшего свой сборник пересказов шекспировских пьес, «знаменитая строка Гамлета "Быть или не быть, вот в чем вопрос" известна большинству людей, – людей, которые не смогли бы больше ничего процитировать из пьес Шекспира» [12, p. 175].

Одна из немногих цитат из исходного текста оказалась так удачно вписана в переделанный текст, что стих практически не выделяется из потока прозы:

<p>The play's the thing Wherein I'll catch the conscience of the King [22, p. 52]. Пьеса – это то, что нужно, Чем я уловлю совесть Короля.</p>	<p>[слова Гамлета]: "Watch Claudius closely as the play unfolds. We'll see if the ghost spoke the truth. The play's the thing to catch the conscience of the King!" [17, p. 30] «Внимательно наблюдай за Клавдием, пока разворачивается пьеса. Посмотрим, сказал ли правду Призрак. Пьеса – это то, что нужно, чтобы уловить совесть Короля».</p>
--	---

О таком искусном соединении прозы пересказа и шекспировской поэзии писал и Чарльз Лэм: «...в некоторых местах, где его [Шекспира] белый стих приводится без изменений, с надеждой, что его ясная простота обманет маленьких читателей и заставит их поверить, что они читают прозу» [15, p. 6].

Два сборника пересказов принадлежат британским детским писателям Майклу Морпурго и Терри Дири. Хотя обе книги продолжают лэмовскую традицию, они очень отличаются друг от друга, в первую очередь, той аудиторией, на которую они рассчитаны. И сами авторы происходят из разных с точки зрения отношения к культурному наследию слоев британского общества. Майкл Морпурго, родители которого были актерами, а отчим литературоведом, преподавателем Лидского университета [19], вырос в интеллектуальной среде, для которой чтение классики было нормой, в то время как Терри Дири, сын мясника, в детстве жил в бедном районе небольшого городка Хендон на северо-востоке Англии [23]. Соответственно,

пересказы Морпурго адресованы детям британского среднего класса, для которого важно сохранение культурных традиций, а сборник Дири обращен к гораздо более широким читательским кругам.

Морпурго пишет свой пересказ как своего рода комментарий к тексту-исходнику, рассчитанный на подростков, для которых чтение классической литературы более или менее привычно. Возможно, поэтому в нем практически нет цитат из шекспировской трагедии, встроены в новосозданный текст. Характерной чертой «Гамлета» в пересказе Морпурго оказывается большое количество вставок, содержащих собственное мнение автора по поводу событий, которые описаны в трагедии. Так, например, Морпурго пишет о том, что «в Дании, тогда, как и сейчас, просвещенной стране, ...наследник трона должен был быть утвержден на выборах, с помощью одобрения народа» [20, р. 156], и добавляет свое мнение, видимо, основанное на знании сегодняшнего состояния дел: «А на выборы, как мы знаем, может слишком легко повлиять – и влияет – пропаганда, лживые сообщения и придуманные новости» [20, р. 156]. Говоря об отношениях Гамлета и Офелии, автор называет их *childhood sweethearts* [20, р. 157] – «парочка с детства» и, не выходя за рамки приличий, описывает отношения героев при помощи лексики, понятной подросткам. Пересказ сцены в покоях Гертруды заканчивается утверждением, что королева одумалась, «любя сына снова, как мать, любовью, которую она почти забыла с тех пор, когда она вышла замуж за Клавдия» [20, р. 176]. Добавления Морпурго заполняют смысловые лакуны в шекспировской трагедии, по возможности помогая современным подросткам выстраивать причинно-следственные связи между событиями.

Терри Дири, напротив, адресует свой сборник подросткам, для которых чтение классических произведений ограничено школой и проходит без всякого удовольствия, поэтому автору приходится объяснять, что Шекспир «писал пьесы не только для того, чтобы школьники читали их на уроках или чтобы учителя использовали их для невозможных экзаменационных вопросов» [12, р. 7]. Задача Дири состоит в том, чтобы показать своей читательской аудитории, что Шекспир может быть современным до сих пор. Для этой цели пересказ трагедии «Гамлет», сделанный Дири, подходит как нельзя лучше. Дири использует все три стратегии, к которым обычно обращаются авторы литературных пересказов: он меняет жанр произведения, время и место действия и главного героя [7]. Великая трагедия пересказывается от лица молодого полицейского и записывается в форме допроса единственного выжившего в кровавой бойне свидетеля – Горацио. Начальник полицейского ставит своему подчиненному условие: нужно провести допрос так, чтобы все смерти стали некриминальными – «случайная смерть» [12, р. 180], «честная дуэль» [12, р. 182], «семейные проблемы» [12, р. 182]. Смерть королевы Гертруды представлена в полицейском отчете как «пищевое отравление» [12, р. 184], а смерть Лаэрта от «ржавой шпаги» [12, р. 185] как «заражение крови» [12, р. 185]. Весь рассказ Горацио пересказывается так, чтобы полицейскому не пришлось заполнять форму «2В»: «Каждый раз, когда мы расследуем убийство, нам приходится заполнять форму 2В, и мы тратим на это часы» [12, р. 176]. Когда допрос окончен, начальник

встречает своего молодого подчиненного вопросом: *2B or not 2B? That is the question!* [12, p. 186], который можно понять одновременно и как начало знаменитого монолога «Быть или не быть? Таков вопрос» [8], и как естественный интерес к результатам допроса. Так неожиданно трагедия превращается в иронический детектив, который, тем не менее, может привлечь внимание юных читателей к тексту-исходнику.

ВЫВОДЫ

Анализ пяти сборников, содержащих пересказы шекспировской драматургии, в частности знаменитой трагедии «Гамлет», показывает, что к началу XIX в. сложилась благоприятная ситуация для формулировки принципов адаптации литературного произведения, поскольку появилась потребность в произведениях, ориентированных на детскую аудиторию. Разработав систему приемов для адаптации классических литературных произведений, Чарльз и Мэри Лэм заложили основы адаптации – авторского литературного пересказа, которые сохранили свою актуальность до наших дней. Развиваясь, техника адаптации обогащается новыми приемами, свидетельством чему становятся сборники пересказов шекспировских пьес, появившиеся на рубеже XX–XXI вв. Так, обращаясь к адаптациям шекспировской трагедии «Гамлет», читатель сталкивается с пересказом-комментарием, который помогает выстроить причинно-следственные связи внутри произведения, понять особенности поведения персонажей (пересказ М. Морпурго), с явлениями фокализации и ахронизации, которые можно наблюдать в пересказе Т. Дири, превратившего знаменитую трагедию в иронический детектив, с комиксами на темы шекспировских пьес (пересказы М. Уильямс). Простая лексика и синтаксис пересказов А. МакАллистер позволяют познакомиться с великой трагедией и младшим школьникам. Традиция, основанная Чарльзом и Мэри Лэм, не только сохранена в современной культуре, но и продолжает развиваться, открывая возможности приобщения к классической литературе новым поколениям читателей.

Список литературы

1. *Атлас А. З.* Вторичный текст: вариативность использования элементов повествования текста-источника // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2015. – №175. – С.5–16.
2. *Барагамян А. А., Зеленская В. В.* Дискурсивная деятельность: порождение вторичного текста // Культурная жизнь Юга России. – 2012. – № 1 (44). – С. 69–70.
3. *Булдакова Ю. В.* Восприятие текста классического поэтического произведения читателями фанфикшн // Филологический класс. – 2020. – Т.25. – № 3. – С.129–140.
4. *Жутова С. Ю., Сорокина Н. В.* Трансформация сюжета трагедии А.С. Пушкина «Моцарт и Сальери» в повести Н. Дашевской «День числа Пи» // Неофилология / Neofilologia = Neophilology III. – 2023. – № 9(4). – С.845–854.
5. *Ионова С. В.* О двух моделях построения вторичных текстах // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 2: Языкознание. – 2006. – № 5. – С. 69–76.
6. *Марякина Е. А., Некрасова И. В.* Вторичные тексты как вариант «перекодировки» классики // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2021. – Т. 23. – № 80. – С.86–90.
7. *Ненарокова М.Р.* О стратегиях литературного пересказа (на материале предисловий к изданиям «Пути Паломника» Джона Баньяна XVIII–XXI вв.) // Английская классическая

- литература в мировой культуре: рецепции, трансформации, интерпретации. – М.: ИМЛИ РАН, 2024. – С. 79–102.
8. *Шекспир, У.* Гамлет, принц Датский. Пер. М. Лозинского. – Режим доступа: <https://lib.ru/SHAKESPEARE/hamlet5.txt>. – (Дата обращения: 23.10.2024).
  9. *Barnett S. L., Gustafson K. B.* Introduction: The Radical Aesop: William Godwin and the Juvenile Library, 1805-1825. – Режим доступа: <https://romantic-circles.org/Editions/Article/introduction-radical-aesop-william-godwin-and-juvenile-library-1805-1825>. – (Дата обращения: 23.10.2024)
  10. Cambridge Dictionary. – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/abridge>. – (Дата обращения 23.10.2024).
  11. Collins Dictionary. – Режим доступа: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/abridge>. – (Дата обращения 23.10.2024).
  12. *Deary T.* Best Ever Shakespeare Tales. – London: Scholastic Children's Books, 2014. – 194 p.
  13. *Godwin W.* The enquirer. Reflections on education manners and literature. In a series of essays. – London: Robinson, 1797. – 481 p.
  14. *Hutcheon, L.* A Theory of Adaptation. – London, New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2006. – 232 p.
  15. *Lamb, Ch. & M.* Tales from Shakespeare. – London, Wordsworth Editions, 1994. – p.278.
  16. *May, J. L.* Charles Lamb. – London. Geoffrey Bles, 1934. – p.235.
  17. *McAllicter A.* A Stage Full of Shakespeare Stories. 12 Tales from the Bard, Retold for Children. – Minneapolis: Frances Lincoln Children's Books, 2018. – 128 p.
  18. Merriam-Webster Dictionary. – Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/abridge>. – (Дата обращения 23.10.24).
  19. Michael Morpurgo. Википедия: свобод. энцикл. – Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Michael_Morpurgo. – (Дата обращения 24.10.2024).
  20. *Morpurgo M.* Tales from Shakespeare. – Dublin: Harper Collins Children's Books, 2023. – 320 p.
  21. *Sanders, J.* Adaptation and Appropriation. Second Edition. – London, New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2016. – 240 p.
  22. *Shakespeare W.* Hamlet, Prince of Danmark. – Режим доступа: <https://www.folger.edu/explore/shakespeares-works/hamlet/read/>. – (Дата обращения: 02.01.2025).
  23. Terry Deary. Википедия: свобод. энцикл. – Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Terry_Deary. – (Дата обращения 24.10.2024).
  24. The Oxford Encyclopaedia of Children's Literature. – Режим доступа: <https://www.oxfordreference.com/search?q=abridgement&searchBtn=Search&isQuickSearch=true>. – (Дата обращения 23.10.2024).
  25. Vocabulary.com. – Режим доступа: <https://www.vocabulary.com/dictionary/abridgment>. – (Дата обращения 23.10.2024).
  26. *Williams M.* Mr. William Shakespeare's Plays. – London: Walker Books, 1998. – 40 p.
  27. *Whelehan I.* Adaptations. The contemporary dilemmas // Adaptations. From text to screen, screen to text. – London; New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 1999. – P.3–18.
  28. *Woltmann S.* What Makes an Adaptation Transformative? // How Adaptations Awaken the Literary Canon: Transformative Reimaginings. – Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2022. – P. 1–12.

References

1. Atlas A. Z. *Secondary text: variability in the use of narration elements of the source text* [Vtorichnyy tekst: variativnost' ispol'zovaniya elementov povestvovaniya teksta-istochnika]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.M. Gertsena*, 2015, no. 175, pp. 5–16.
2. Baragamyan A. A., Zelenskaya V. V. *Discursive activity: generation of secondary text* [Diskursivnaya deyatelnost': porozhdeniye vtorichnogo teksta]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*, 2012, no 1 (44), pp. 69–70.

3. Buldakova Yu. V. *Perception of the text of a classic poetic work by fan fiction readers* [Vospriyatiye teksta klassicheskogo poeticheskogo proizvedeniya chitatelnyami fanfikshn]. *Filologicheskii klass*, 2020, vol. 25, no. 3, pp. 129–140.
4. Zhutova S. Yu., Sorokina N. V. *Transformation of the plot of the tragedy by A.S. Pushkin “Mozart and Salieri” in the story “Pi Day” by N. Dashevskaya* [Transformatsiya syuzheta tragedii A.S. Pushkina «Motsart i Sal'yeri» v romane N. Dashevskogo «Den' chisla Pi»]. *Neofilologiâ / Neofilologiya = Neophilology III*, 2023, no. 9(4), pp. 845–854.
5. Ionova S. V. *About two models for constructing secondary texts* [O dvukh modelyakh postroyeniya vtorichnykh tekstakh]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya 2: Yazykoznaniiye*, 2006, no.5, pp.69–76.
6. Maryaskina E. A., Nekrasova I. V. *Secondary texts as an option for “recoding” the classics* [Vtorichnyye teksty kak variant «perekodirovki» klassiki]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. Sotsial'nyye, gumanitarnyye, mediko-biologicheskiye nauki*, 2021, vol. 23, no. 80, pp.86–90.
7. Nenarokova M.R. *On the strategies of literary retelling (based on the prefaces to the editions of “The Pilgrim’s Progress” by John Bunyan in the 18th–21st centuries)* [O strategiyakh literaturnogo pereskaza (na materiale predisloviy k izdaniyam «Puti Palomnika» Dzhona Ban'yana XVIII–XXI vv.)]. *Angliyskaya klassicheskaya literatura v mirovoy kulture: retseptsii, transformatsii, interpretatsii*. Moscow, IMLI RAN Publ., 2024, pp. 79–102.
8. Shakespeare, W. *Hamlet, Prince of Denmark*. Per. M. Lozinsky. Available from: <http://lib.ru/SHAKESPEARE/hamlet5.txt>. (accessed 23 October 2024).
9. Barnett S. L., Gustafson K. B. *Introduction: The Radical Aesop: William Godwin and the Juvenile Library, 1805-1825*. Available from: <https://romantic-circles.org/Editions/Article/introduction-radical-aesop-william-godwin-and-juvenile-library-1805-1825> (accessed 23 October 2024).
10. *Cambridge Dictionary*. Available from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/abridge> (accessed 23 October 2024).
11. *Collins Dictionary*. Available from: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/abridge> (accessed 23 October 2024).
12. Deary T. *Best Ever Shakespeare Tales*. London, Scholastic Children’s Books, 2014. 194 p.
13. Godwin W. *The enquirer. Reflections on education manners and literature. In a series of essays*. London, Robinson, 1797. XII, 481 p.
14. Hutcheon L. *A Theory of Adaptation*. London, New York, Routledge, Taylor & Francis Group, 2006. 232 p.
15. Lamb Ch. & M. *Tales from Shakespeare*. London, Wordsworth Editions, 1994. p.278.
16. May J. L. *Charles Lamb*. London. Geoffrey Bles, 1934. p.235.
17. McAllister A. *A Stage Full of Shakespeare Stories. 12 Tales from the Bard, Retold for Children*. Minneapolis, Frances Lincoln Children’s Books, 2018. 128 p.
18. *Merriam-Webster Dictionary*. Available from: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/abridge> (accessed 23 October 2024).
19. *Michael Morpurgo*. Wikipedia. Available from: https://en.wikipedia.org/wiki/Michael_Morpurgo. (accessed 23 October 2024).
20. Morpurgo M. *Tales from Shakespeare*. Dublin, Harper Collins Children’s Books, 2023. 320 p.
21. Sanders J. *Adaptation and Appropriation*. Second Edition. London, New York, Routledge, Taylor & Francis Group, 2016. 240 p.
22. Shakespeare W. *Hamlet, Prince of Denmark*. Available from: <https://www.folger.edu/explore/shakespeares-works/hamlet/read/> (accessed 02 January 2025).
23. *Terry Deary*. Wikipedia. Available from: https://en.wikipedia.org/wiki/Terry_Deary (accessed 23 October 2024).
24. *The Oxford Encyclopaedia of Children’s Literature*. Available from: <https://www.oxfordreference.com/search?q=abridgement&searchBtn=Search&isQuickSearch=true> (accessed 23 October 2024).

25. Vocabulary.com. Available from: <https://www.vocabulary.com/dictionary/abridgment> (accessed 23 October 2024).
26. Williams M. *Mr. William Shakespeare's Plays*. London, Walker Books, 1998. 40 p.
27. Whelehan I. *Adaptations. The contemporary dilemmas. Adaptations. From text to screen, screen to text*. London, New York, Routledge, Taylor & Francis Group, 1999, pp. 3–18.
28. Woltmann Suzy. *What Makes an Adaptation Transformative? How Adaptations Awaken the Literary Canon: Transformative Reimaginings*. Cambridge, Cambridge Scholars Publishing, 2022, pp. 1–12.

SHAKESPEARE'S "HAMLET" IN RETELLINGS FOR CHILDREN: CHARLES AND MARY LAMB'S TRADITION AND ITS CONTINUATION IN THE XX-XXI CENTURIES

Maria R. Nenarokova

The article deals with the problem of adaptation, which, both as a process and as a result, is a characteristic feature of modern mass culture. In modern literary criticism, the problem of adapting texts is considered from different angles. Both foreign and Russian researchers study various aspects of this problem, its causes and occurrence, the text transformation mechanism, the stages of adaptation, its evolution over two centuries. Collections of Shakespearean drama retellings for children, starting with the first collection compiled by Charles and Mary Lamb serve as a case study. Lambs' collection *Tales from Shakespeare* became the first link in a tradition that flourished at the turn of the 20th-21st centuries, when four collections of author's retellings of Shakespeare's plays were published almost simultaneously. The study showed that Charles and Mary Lam formulated the basic principles of text transformation, simplification and modification in the preface to their collection of adaptations. New strategies for adapting text have emerged over time, within which the phenomena of focalization (retelling the source text from the perspective of a minor character) and achronization (transferring the action to another time) fit into the adaptation framework.

Key words: mass culture, adaptation, William Shakespeare, Charles and Mary Lamb, tradition, focalization, achronization.

УДК 82-94

**БАРОН ДЕ БАЗАНКУР:
ЛИТЕРАТОР, ИСТОРИК, ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ.
ЧАСТЬ VI.
ВТОРАЯ РЕСПУБЛИКА:
ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ЛИТЕРАТУРА**

Орехов В. В.

*ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
e-mail: v-orehov@mail.ru*

В статье рассматривается период творческой биографии барона де Базанкура с момента выхода исторического труда «История Сицилии...» (1846) до публикации наиболее объемного романа «Монтаньяр, или Две республики. 1793 год – 1848 год» (1850–1851). На творческие планы писателя существенное влияние оказала революция 1848 г. В условиях обострившейся политической борьбы он оказался в «лагере» монархистов и старался адаптировать свою художественную манеру к требованиям политической газеты «L'Assemblée nationale». Слабый успех романа «Ангел и демон» (1848) продемонстрировал, что прежние темы и приемы приключенческого романа-фельетона не находят отклика у поглощенной политическими вопросами аудитории. Роман «Монтаньяр...» стал ответом писателя на изменившуюся политическую конъюнктуру и обновленный читательский запрос.

Ключевые слова: Революция 1848 г., монтаньяры, А. Дюма, роман-фельетон, тенденциозность.

ВВЕДЕНИЕ

Долгое время барон де Базанкур был известен в основном как беллетрист, часто обращавшийся к исторической теме. Однако в 1846 г. он опубликовал «Историю Сицилии под господством норманнов» – исторический труд, который вызвал неподдельное и в целом благожелательное внимание критики. С этого момента барон де Базанкур приобрел репутацию не только романиста, но и серьезного историка, что способствовало укреплению его авторитета в официальных кругах. В июне 1846 г. министр народного просвещения Н.-А. де Сальванди поздравил президента Общества литераторов Ж.-П.-Г. Вьенне с тем, что несколько членов Общества удостоились звания кавалеров ордена Почетного легиона. Помимо де Базанкура, это были Леон Гозлан, Ипполит Люка, Леон Галеви, Эрнест Алби и Арсен Уссе [45]. Заметим, что почти все авторы проявили себя, помимо публицистики и беллетристики, в сфере исторических изысканий – не всегда строго научных, но все же укрепляющих у публики интерес к истории.

Априори можно сказать, что репутация историка, завоеванная Базанкуром в 1846 г., должна была каким-то образом способствовать его будущей миссии (1854) на крымский театр военных действий в качестве официального корреспондента и историографа. Должна была способствовать, но могла ли быть решающим фактором? Ведь синхронно с Базанкуром изучением и популяризацией истории с неменьшим успехом занимались и другие авторы. Кроме того, миссия в Крым осуществлялась уже в новой политической реальности: не только при ином правительстве, но и при иной государственной системе. То есть официальный авторитет, завоеванный при Июльской монархии, Базанкуру необходимо было в эпоху Второй республики и Второй империи «нарабатывать» заново, что удалось далеко не всем известным литераторам и историкам.

Цель статьи – проследить, каким образом менялась творческая стратегия барона де Базанкура в условиях политического и литературного кризисов эпохи революции 1848 г. и Второй республики.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Миссия невыполнима

Видимо, сразу после выхода «Истории Сицилии...» и ее признания барон де Базанкур начал строить некоторые профессиональные планы, которые базировались на укреплении личного официального статуса. Во всяком случае на такую мысль наводит эпизод, о котором известно немного, но который, кажется, способен подсказать, каким образом позднее, в эпоху Крымской войны Базанкур получит министерское поручение описывать актуальные боевые действия.

В сентябре 1847 г. газеты сообщили, что барон покинул Париж и отправился в Тунис для выполнения некой «миссии» [30; 39]. О задачах «миссии» не говорилось, но газеты уточняли, что по роду деятельности Базанкур литератор. И это уточнение, наверняка, делалось в расчете, что читатель припомнит иную «литературную миссию» в Тунис, которая полугодом ранее бурно обсуждалась прессой.

Речь идет о поездке в Северную Африку А. Дюма в ноябре 1846 – январе 1847 гг. По воспоминаниям романиста, инициатором поездки был уже упомянутый министр народного просвещения Н.-А. де Сальванди, который решил использовать перо известного литератора для популяризации преобразований, предпринимаемых правительством в африканских колониях [25, р. 194–198]. В распоряжение Дюма, решившего отправиться в путь с целой компанией спутников, были предоставлены 10 000 франков и даже военный корабль [27, р. 434]. Путешествие действительно привлекло к себе широкое внимание, причем прежде, чем романист успел описать его в книге «*Le Véloce, ou Tanger, Alger et Tunis* [“Велос”, или Танжер, Алжир и Тунис]».

После отъезда Дюма выяснилось, что у него остались неисполненные обязательства перед газетами «*Le Constitutionnel*» и «*La Presse*», куда он должен был регулярно сдавать главы своих романов-фельетонов. Поскольку теперь газеты стали нести убытки, редакции обратились в суд. Дюма был вынужден вернуться в Париж. И уже 29 января 1847 г. участвовал в судебном заседании, собравшем множество любопытных. Дюма защищал себя «гордо и эффектно, как следует драматическому писателю» [9, с. 66], и сумел превратить заседание в театральное представление, широко обсуждавшееся прессой даже за пределами Франции. Так, «*Современник*» посвятил «процессу Дюма» несколько страниц в «*Современных заметках*» [9].

На волне шумихи к миссии Дюма оказалось привлечено и внимание парламента. На заседании 10 февраля депутаты остро высказали претензии правительству за то, что «исследование Алжира» было поручено «подрядчику-фельетонисту» [20, р. 2] и потребовало немалых казенных сумм. Дюма откликнулся на это открытым письмом [26] и даже вызывал депутатов на дуэль [10, с. 610].

Словом, Дюма сумел обратить скандал в забавный фарс, делавший ему рекламу, но правительство от его «африканской миссии» терпело лишь финансовые и репутационные издержки. На упомянутом заседании суда романист, конечно, заявил,

что готов представить рукопись своего алжирского вояжа в считанные дни [43, р. 4], но объем его прочих литературных «долгов» давал повод в этом усомниться. Действительно, повествование о поездке по колониям начнет публиковаться лишь в следующем 1848 г.

Логично предположить, что в такой ситуации барон де Базанкур в середине 1847 г. мог предложить правительству собственные услуги по литературному «освоению» африканских колоний. В пользу Базанкура говорило, например, то, что он был знаком со многими «африканскими» офицерами: его сестра Софи, напомним, была замужем за Франсуа д'Арбувилем, долгое время служившим в Африке и к тому времени уже имевшим чин бригадного генерала [36, р. 241]. Африканские сослуживцы генерала были постоянными гостями салона м-м д'Арбувиль [33, р. 160], и с ними, конечно, встречался Базанкур. Кстати, в 1851 г. Базанкур напишет некролог, посвященный памяти полковника д'Эспине, где продемонстрирует хорошее знание многих африканских кампаний [14].

Решать вопрос с поездкой в Тунис Базанкур мог через того же министра народного просвещения Сальванди, опрометчиво поручившего в 1846 г. «африканскую миссию» Дюма. Во-первых, Сальванди был заинтересован загладить негативный эффект от предыдущей «миссии». Во-вторых, он должен был хорошо знать барона. Министр был близок к кругу доктринеров, к которому принадлежал дядюшка Базанкура П. де Барант; часто посещал салон, принадлежавший сестре Базанкура [42, р. 47; 33, р. 160]; и, кстати, не столь давно рекомендовал Базанкура к званию кавалера ордена Почетного легиона [45].

В наше время антикварным книжным магазином «Librairie Trois Plumes» (г. Анже) на продажу выставлен документ [19], дополняющий картину. Это послание, написанное рукой Базанкура. В сети цифровая копия документа дана в плохом качестве, но все же удастся разобрать дату почтового штемпеля – 5 сентября 1850 г., имя адресата – Жюль Жанен и обрывки фразы: «Я написал мое путешествие в Тунис, но форма <неразб.>. Я хотел бы передать его тебе и попросить взять в “Journal des Débats” <...>» [19]. То есть поездка в Тунис действительно состоялась и нашла отражение в путевых записках Базанкура, которые были завершены только в 1850 г. Время публикации, в каком-то смысле, было выбрано обоснованно. Как помним, в июне 1850 г. Базанкур в качестве секунданта участвовал в дуэли между литераторами А. Ашаром и П. Фиорентино [6, с. 40–41]. Позднее судебное разбирательство по этому делу широко освещалось прессой. Все причастные к поединку были оправданы, но их имена, что называется, оказались на слуху. 1 сентября 1850 г. «Journal des Débats» опубликовала стенограмму этого судебного заседания (там выступал и Базанкур) [24], а уже 5 сентября Базанкур обратился в эту же газету с просьбой опубликовать текст путешествия, видимо, желая использовать инерцию читательского интереса к своему имени.

Однако просмотр номеров «Journal des Débats» за последующие месяцы говорит, что рукопись все же не была напечатана. Причина, кажется, на поверхности. В феврале 1848 г. правительство, которое могло поручить Базанкуру описание Туниса, ушло в историю вместе с эпохой Июльской монархии. Поручение утратило силу, и, видимо, потому текст был написан лишь к 1850 г. Но теперь, во-первых, этот

текст мог восприниматься политически неуместным (поскольку рекламировал достижения «прежней власти»), а во-вторых, Франция оказалась захвачена внутренними процессами, и проблемы колоний явно не находились на острие внимания. Можно резюмировать, что выполнению первой официальной миссии барона де Базанкура помешала политическая ситуация. Но организационный опыт им был приобретен: стало понятным, какие механизмы следует задействовать, чтобы поставить свое перо на государственную службу.

«Ангел и демон»

Теперь актуализируется вопрос: каким образом Базанкур в дальнейшем сумел «вписаться» в новый политический ландшафт и в 1854 г. получить миссию в Крым? Вернемся к эпохе 1848 г. После Февральской революции Франция бурлила. Весенние декреты освободили прессу, борьба политических групп требовала новых печатных трибун, количество газет значительно возросло [31, р. 16]), соответственно, расширились печатные дискуссии. Возможно, в этом контексте нужно рассматривать дуэль, состоявшуюся 8 мая 1849 г. между одним из редакторов газеты «Dix-décembre» Амеде Ашаром и главным редактором газеты «Vraie République» Э.-Ж.-Т. Торе. О сколько-нибудь серьезных ранениях дуэлянтов не сообщалось, но обратим внимание на такой момент.

Если верить публикациям в прессе, то поводом для конфликта послужило то, что «г-н Ашар, кажется, упомянул в своей газете стиль, шляпу и бороду демократического социалиста» [37], то есть Торе. Очевидно, что формальный повод имел политическую подоплеку. Газета Торе «Vraie République [Истинная Республика]» держалась левой направленности (к моменту дуэли, она, кстати, уже была закрыта властями). Газета же «Dix-décembre [Десятое декабря]» имела бонапартистский характер. И примечателен выбор секундантов: со стороны Торе – социалист Феликс Пиа, а со стороны Ашара – известный аристократическими симпатиями барон де Базанкур.

Напомним, что через год для очередной дуэли Ашар снова выберет в качестве секунданта барона де Базанкура [6, с. 40–41]. И дело, думается, не только в возможной личной дружбе или очевидной близости творческих интересов (оба писали романы «плаща и шпаги»), но еще и в партийном «родстве». Оба сотрудничали с ежедневной газетой «L'Assemblée nationale», которая была создана в марте 1848 г. как оплот консервативных партий в борьбе, прежде всего, против левых сил. Только за следующий месяц она приобрела 27 000 подписчиков [1, с. 347]. По мнению жившего тогда в Париже П. В. Анненкова, взрывной рост популярности газета обеспечила «своими шумливыми, желчными и иногда крайне меткими нападениями и откровениями касательно террористической и социальной партий» [1, с. 347]. В этой борьбе Ашар и Базанкур принадлежали к одной политической «группе».

Так, «L'Assemblée nationale» ставила перед собой политические задачи (подробнее об этом далее), но для привлечения аудитории было недостаточно лишь полемических и новостных материалов. Удерживать интерес нужно было и за счет публикаций развлекательного характера, в том числе романов-фельетонов, которые с

БАРОН ДЕ БАЗАНКУР: ЛИТЕРАТОР, ИСТОРИК, ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ. ЧАСТЬ VI...

осени 1848 г. начинают помещаться «L'Assemblée nationale». И вот А. Ашар (хоть и был известен острой публицистикой) с 15 февраля 1849 г. печатал в газете свой исторический приключенческий роман «La Chasse royale [Королевская охота]», действие которого отнесено к началу XVIII в. [12]. А незадолго перед тем, с 14 ноября по 10 декабря 1848 г. [17; 16] в этой же газете Базанкур напечатал роман «Ангел и демон».

Действие разворачивается в Нью-Йорке. Главный герой – молодой граф Морис де Сен-Леон, растративший на родине наследственное состояние и бежавший в США от кредиторов. Здесь он живет карточной игрой, но, сделав новые долги, попадает в зависимость от преступника по прозвищу Барбаросса (Рыжая борода), вхожего и в светские салоны, и в мир криминального общественного дна.

Между тем Морис спасает от несчастного случая Ангелину – юную супругу богача-банкира, к которой проникается бескорыстной привязанностью. Это чувство пробуждает в нем надежду на избавление от грехов прежней жизни, но ставит под угрозу безопасность Ангелины, поскольку Барбаросса использует юношу, чтобы втереться в доверие к банкиру. Мечта преступника – похитить бриллианты Ангелины, настолько ценные, что они, в представлении Барбароссы, равны «богатствам какого-нибудь русского князя» [15, р. 220].

Морис отчаянно пытается освободиться от кабалы преступника и защитить Ангелину, однако Барбаросса все же решается на ограбление. Он проникает в дом, но злонамеренные планы рушатся: Барбаросса убивает заметившего его банкира и в результате поднявшегося шума попадает в руки полиции.

То есть гибель банкира используется автором как «*deus ex machina*», чтобы «подверстать» развязку под требования счастливого финала: порок наказан, Морис оправдан, Ангелина теперь свободна; взаимной любви ничто не мешает. При этом автор по своей традиции использует множество высокопарных выражений. Скажем, в ситуации, когда Ангелина помогает Морису исправиться, а Барбаросса, напротив, принуждает его вернуться на порочную стезю, главный герой восклицает: «Ангел спасения показал себя, но вот возвращается демон» [15, р. 94]. Если главный герой смотрит на возлюбленную, то описывается это так: «Морис посмотрел на нее, как проклятые смотрят на небеса из пучин ада» [15, р. 228].

Критики роман не заметили, но в 1850 г. он вышел отдельной книгой [15]. А в 1852 г. был напечатан снова, однако под измененным названием: вместо «Ангел и демон» – «Крылья ангела» [18]. Что интересно, под этим заглавием сочинение Базанкура попало в личную библиотеку супруги Николая I императрицы Александры Федоровны [5].

А в начале 1850 г. Базанкур издал еще один роман «*Les hommes noirs, histoire espagnole* [Люди в черном. Испанская история]». На выход книги, кажется, откликнулась лишь газета «*Dix-décembre*» – та самая, с которой сотрудничал А. Ашар. Лаконичная рецензия напоминала рекламное объявление и характеризовала содержание романа так: «Здесь молодость и сердце, энергично борющиеся с беспрестанными препятствиями, порою возгласы радости, любви и триумфа, порою слезы отчаяния и часы уныния. Всякий пожелает прочесть эту трогательную и правдивую историю, которой мы предсказываем большой успех» [38]. Не исключено,

что эти слова – дань благодарности Ашара своему секунданту, но так или иначе, тираж книги, видимо, был невелик, поскольку отыскать ее в каталогах и библиотечных собраниях крайне сложно. И потом: почему этот роман не печатался в «L'Assemblée nationale», как это было с «Ангелом и демоном»?

1848 год: литература и политический запрос

Если не знать дату публикации «Ангела и демона», можно было бы предположить, что роман создавался в относительно безмятежный период Июльской монархии – столь мало он отличается от фельетонных сочинений Базанкура первой половины 1840-х гг. Между тем, к осени 1848 г., то есть к моменту выхода романа «Ангел и демон», жизнь страны изменилась радикально.

Кредит доверия к Июльской монархии снижался давно. Латентность процесса рождала ощущение, что столкновения в парламенте, экономические кризисы, жалобы беднейших слоев – неизбежная рутинная незыблемая политическая система. Даже знаменитые «банкеты реформистов», начавшиеся в конце 1847 г., воспринимались как ситуативная помеха, устраняемая простым ужесточением запретительных мер. В высших кругах общества и администрации не было предчувствия социального взрыва. А. Н. Карамзин, сын знаменитого историка, жил в это время в Париже, был вхож в светское общество и так характеризовал царившее там настроение: «<...> Полная беспечность всех людей, имевших власть, и большинства, с которым я был в ежедневном общении; это большинство не только отрицало опасность, но и было убеждено, что страхи и опасения “ясновидцев” были воображаемые» [4, с. 26]. Именно к этим кругам принадлежал Базанкур, и, надо думать, для него революция также оказалась неожиданностью.

Даже 23 февраля, когда на улицах появились баррикады, на общественном олимпе еще казалось, что все можно остановить, если сменить правительство и вместо Гизо назначить, например, дядюшку Базанкура графа Моле. Но уже 24 февраля под натиском восставших парижан Луи-Филипп отрекся от престола.

Режимом Луи-Филиппа были недовольны многие: от беднейших слоев до либеральной группы орлеанистов; многие внесли вклад в разрушение системы, но решающую роль сыграла сила, которую до сих пор не учитывали в качестве осмысленного участника государственного устройства. Это городское простонародье, которое со времен Великой французской революции пугало, воспринималось как фактор стихийный, ведомый коллективными эмоциями, опасный, способный к жестокости и самоотвержению, но не к самостоятельной политике; «рабочая сила» революции, не принимающая решений. Однако теперь парижское простонародье было уже иным. Эта сила оказалась представлена не только мелкими лавочниками, но и десятками тысяч рабочих, проявляла способность почти моментально приступать к действиям и консолидироваться с самыми разными социальными группами, а главное, теперь эта сила впитала доктрины социалистического и коммунистического толка, то есть имела довольно четкие представления, в каких именно формах государственной организации должны выражаться принципы свободы, равенства и братства.

После отречения Луи-Филиппа революционеры разных групп сформировали временное правительство во главе с Ламартином. Так вот: «красным» удалось не только добиться, чтобы в правительство вошли социалист Луи Блан и представитель рабочих, но и принудить это правительство провозгласить республику. Помимо того, почти сразу был принят декрет о всеобщем избирательном праве; впервые в истории Франции в выборах получило возможность участвовать простонародье, и своим правом оно могло воспользоваться менее чем через два месяца – на выборах в Учредительное собрание. В предвыборный процесс оказались вовлечены максимально широкие круги населения, и политическая жизнь улиц не умолкала. Тот же А. Н. Карамзин сообщал на родину 27 марта 1848 г.: «Вечные выступления, демонстрации, протесты без конца. По улицам постоянно ходят многочисленные процессии рабочих с трехцветными знаменами и барабанами впереди. Треск этого несчастного барабана раздаётся как похоронный звон в ушах нервных людей и наполняет их душу страхом и отчаянием» [4, с. 42].

О роли, какую играли эти события в судьбе Базанкура, мы можем высказать предположения с опорой на некоторые косвенные данные.

Если судить по настроению того социального круга, к которому принадлежал барон, с уверенностью можно сказать, что он не был сторонником революции. Однако оставаться совершенно в стороне от происходящего он тоже не мог хотя бы потому, что перемены такого масштаба и глубины затрагивают жизнь каждого. Достаточно вспомнить, что Базанкур был капитаном национальной гвардии, оказавшейся вовлеченной в события февральского восстания.

Отсутствие лояльности к власти национальная гвардия начала демонстрировать еще в период оппозиционных «банкетов». Когда же протестующие вышли на улицы, значительная часть гвардейцев поддержала их требования об отставке кабинета Гизо и проведении избирательной реформы [34, р. 381]. Командиры легионов национальной гвардии не могли добиться повиновения подчиненных, а те разоружали муниципальную охрану и защищали восставших от полиции [34, р. 382–383]. После расстрела регулярными войсками 23 февраля демонстрации на бульваре Капуцинов значительная часть национальной гвардии влилась в ряды восставших [34, р. 384]. Это происходило стихийно, и сторону революции приняли не все, что объяснялось, прежде всего, неоднородностью социального состава. Основная часть национальной гвардии была представлена гражданами среднего класса, среди которого были распространены республиканские симпатии и недовольство политикой Луи-Филиппа. Офицерский же состав зачастую был представлен привилегированным классом, где имели большое распространение монархические убеждения. Так и получалось, в частности, что 24 февраля командир 8-го легиона, полковник Боден, попытался удержать своих подчиненных от перехода на сторону инсургентов, но был смещен [7, т. 1, с. 169]. Судя по известным нам фактам биографии барона де Базанкура и по его позднейшим текстам, он был из тех, кто остался противником восстания.

Еще один факт. После февраля 1848 г. Базанкур стал подписывать свои сочинения не «барон де Базанкур», а «Ф. де Базанкур» или просто «де Базанкур». Это стало следствием декрета временного правительства, которое в первые же дни

упразднило дворянские титулы. Как помним, для писателя псевдоним «барон де Базанкур» являлся важным атрибутом литературного и светского амплуа [6, с. 24], так что необходимость отказаться от узнаваемой подписи, думается, была воспринята им с негодованием.

А теперь вернемся к истории газеты «L'Assemblée nationale», в которой Базанкур напечатал роман «Ангел и демон».

Для высших слоев общества завоеванное революцией всеобщее избирательное право было одним из наиболее шокирующих обстоятельств. Теперь для избирательной системы голос, например, графа Моле «весил» столько же, сколько голос парижанина в рабочей блузе. Поскольку пристрастие «низов» к левым идеям было известно, рождался страх, что на выборах в Учредительное собрание 23 апреля 1848 г. победят «красные», которые изначально ставили целью создание не просто республики, а т. н. «социальной республики», предполагающей упразднение общественного неравенства. Перед лицом этой угрозы монархические силы начали быстро консолидироваться, готовясь к выборам. Открытие ежедневной газеты «L'Assemblée nationale» стало одним из первых шагов на этом пути. На базе газеты сразу же был создан политический клуб «Comité préparatoire de l'Assemblée nationale» (Подготовительный комитет Национального собрания), первое заседание которого состоялось 10 марта 1848 г.

Собрание открывалось речью главного редактора «L'Assemblée nationale» Адриена де Лавалетт, который (как, впрочем, и последующие ораторы) заверял в преданности Республике и принципам «свободы, равенства и братства» [22], но звучало это как вынужденная дань формальным требованиям новой политической данности. Судя по тому, что на заседании присутствовали и выступали исключительно крупные промышленники или бывшие высокопоставленные чиновники – «плоть от плоти, кость от кости всех бывших министерств времен правления Луи-Филиппа» (как характеризовала их газета «La Voix des clubs» [23]), – понятно, что клуб призван был стать предвыборным штабом для орлеанистов и консервативно настроенных богатых буржуа.

При этом «L'Assemblée nationale» заняла активную политическую позицию, которую П. В. Анненков характеризовал так: «“L'Assemblée nationale” <...> считала правительство просто-напросто похитителем власти, <...> и следила за каждым его движением <...>. Всякое распоряжение администрации она оспаривала во всех отношениях. Разоблачение тайных пружин клубов и партий, их скандалёзная хроника составляли также часть ее программы» [1, с. 227]. Газета быстро приобретала популярность и уже в апреле считалась конкурентом «La Presse» [1, с. 227].

Впрочем, на выборах в Учредительное собрание (23 апреля 1848 г.) монархическая партия не смогла добиться победы, заняв всего около четверти мест в парламенте. Но главное, что эти выборы не привели к умиротворению общей ситуации. Большинство в Собрании получили умеренные республиканцы, которые, как и монархисты, не готовы были идти на уступки беднейшим избирателям и социалистическим группам. Это привело к очередной катастрофе: в июне вспыхнуло восстание рабочих, которое, как известно, было подавлено с исключительной жестокостью и имело два важных последствия. Во-первых, умеренные

республиканцы сблизилась с монархистами на почве экзистенциального страха перед «красными». Во-вторых, вновь созданное правительство как бы почувствовало моральное оправдание для «закручивания гаек»: сразу же была ограничена свобода собраний и подверглась сильному давлению пресса оппозиционного характера. Несмотря на все эти меры и прямые репрессии, симпатии избирателей к радикальным республиканцам сохранялись и даже росли. Становилось очевидным, что силовыми методами можно подавить «открытое горение» общественного конфликта, но не удастся выиграть идеологическую борьбу. А это означало, что издания типа «L'Assemblée nationale», созданные для предвыборной кампании весны 1848 г., должны перестраиваться для политической игры «вдолгую», что требовало удерживать читательское внимание не только в моменты социальных взрывов, но и в периоды относительного затишья. Видимо, этими соображениями и объяснялось, что с августа 1848 г. газета начинает, помимо политических новостей, помещать в «подвальном» отделении регулярную театральную хронику, а с сентября – и романы-фельетоны. И вот одним из первых в череде этих «сериальных» сочинений стал роман Базанкура «Ангел и демон», помещавшийся в газете с 14 ноября 1848 г.

В романе, конечно, можно обнаружить идеологическую составляющую. Автор пытается погрузить читателя в атмосферу «общественных низов» и вводит в повествование ряд персонажей из числа обитателей «городского дна». Это в основном поделщики главного злодея Барбароссы, принадлежащего одновременно светскому и криминальному миру. Легко заметить в этом продолжение традиции, набравшей силу после одного из самых нашумевших романов-фельетонов – «Парижские тайны» (1842–1843) Э. Сю.

В. Г. Белинский по поводу этого романа высказал проницательное предположение, что, «может быть, год-другой все литературы и все театры завялятся тайнами и нетайнами разных городов» [2, с. 184]. Сколь уж действие в романе Базанкура разворачивается в Нью-Йорке, то и в качестве подзаголовка можно было бы использовать «Нью-Йоркские тайны». Но отметим принципиальную разницу с произведением Э. Сю. «Парижские тайны» не просто знакомили читателя с миром «отверженных», они ставили проблему несправедливости социальной системы, обрекающей бедняков на прозябание или преступления. Собственно, с «Парижский тайн» началась политизация романа-фельетона [31, р. 16]; жанр, имевший широчайшую популярность, превращался в идеологический инструмент. И в этом плане Базанкур не следовал, а противоречил Эжену Сю. Представители «городского дна» у Базанкура злонамерены уже, так сказать, «по праву рождения», а социальная двойственность Барбароссы, вхожего, подобно Родолфу из «Парижских тайн», и в светские салоны, и в криминальные притоны, трактуется как верный путь к нравственному падению.

Все это не противоречило установкам «L'Assemblée nationale», но и не дотягивало до злобы дня. Потенциальная аудитория монархической газеты вряд ли имела склонность к идеализации городских «низов». В то же время криминальный сюжет в сочетании с тривиальной любовной интригой проигрывал «реальности улиц». «Девальвацию» привычных способов занять публику почувствовал на себе не только Базанкур. Достаточно вспомнить о падении интереса к театру в тот период:

скажем, Александра Дюма с его «Историческим театром» это привело к банкротству. Причину перемен очень точно оценил П. В. Анненков: «Театр был теперь не на сцене, а на улице» [1, с. 230].

Действительно, пока печатался «криминальный» роман Базанкура «Ангел и демон», страна была занята новой политической интригой – выборами президента Второй республики. Фаворитами гонки считались руководивший правительством Кавеньяк и быстро набиравший популярность Луи-Наполеон. «L'Assemblée nationale» следовало определиться с выбором стороны. Секретарь главного редактора Гюстав Клоден вспоминал, что газета колебалась, но имевшие влияние на редакцию бывшие доктринеры (и, напомним, постоянные гости в салоне сестры Базанкура) Л.-М. Моле и Ш. де Ремюза поддерживали Луи-Наполеона. Причем это вполне согласовалось с их роялистской позицией: они считали такой ход «второстепенной дорогой, позволяющей снова вернуться на королевский путь» [21, р. 72].

Внимательно следивший за событиями А. И. Герцен уже 5 ноября 1848 г. не сомневался, что победит Луи-Наполеон [3, с. 110], клявшийся в верности идеалам Республики [8, с. 123] и обещавший избирателям множество демократических свобод [11, с. 204]. Однако для многих интрига сохранялась, предвыборная борьба обострялась, а Базанкур мог предложить газете лишь роман о нью-йоркских бандитах. 10 декабря 1848 г., когда в «L'Assemblée nationale» печаталась последняя глава «Ангела и демона», Луи Наполеон был избран президентом Франции, что стало началом новой эпохи в истории страны. Это совпадение как-то особенно оттеняло контраст между исторической реальностью и отвлеченными шаблонами романа-фельетона.

Ситуация требовала обновления жанра. Политика должна была «звучать» в романе более ясно, чем это было в эпоху Июльской монархии. Такого обновленного формата искала и «L'Assemblée nationale». Газете вряд ли мог подходить роман Базанкура «Люди в черном. Испанская история», который уже своим заглавием сообщал, что повествование бесконечно оторвано от волнующей читателя действительности.

Поиски новой формы и содержания для романа-фельетона хорошо отражает сочинение с характерным заглавием «Les communistes en 1780 [Коммунисты в 1780 г.]», печатавшееся в фельетонном разделе «L'Assemblée nationale» в апреле – мае 1849 г. [35] Текст принадлежал Ксавье де Монтепену – тогда еще начинающему литератору. Ранее он успел попробовать себя в создании бульварных романов, а позднее заслужит известность на этом поприще, но сейчас, в период полемических баталий, выступил в жанре, который можно было бы назвать «беллетризованной критикой».

К. де Монтепен обратился к изданному в 1780 г. сборнику новелл известного в свое время писателя Никола Ретиф де ла Бретонна «Les contemporaines ou Aventures des plus jolies femmes de l'âge présent [Современницы, или Приключения самых милых женщин нынешней эпохи]» и сосредоточился на одной из новелл – «Les associés, nouvel ordre de maçons, plus utile que l'ancien [Товарищество; новый масонский ордер полезнее старого]». Это история о том, как несколько небогатых парижских семейств решили создать товарищество, а по существу, коммуну, где индивидуальное имущество воспринималось бы в качестве общего, а в отношениях царил бы полное

равенство; даже украшения у женщин должны были быть равной цены. Все это закончилось конфликтами, казусами морального характера и развалом сообщества. К. де Монтепен всего лишь пересказал новеллу, сопроводив фрагменты оригинального текста саркастичными комментариями. Получилось, что материал читался как беллетристика, но внушал аудитории два идеологических посыла: 1) утопические мечты о социальном равенстве пытались применить к жизни еще накануне Великой французской революции; 2) эти мечты утопичны и деструктивны сегодня, как и прежде.

Фельетон К. де Монтепена невелик по объему и не был в чистом виде беллетристикой, но он актуализировал принцип, который уже с начала 1840-х гг. «обкатывался» литературой, а теперь выглядел особенно востребованным: роман-фельетон должен служить «упаковкой» для злободневной идеологии, по существу, средством политической борьбы. И барон де Базанкур пойдет по этому пути. В мае 1850 г. он начнет печатать в «L'Assemblée nationale» свой самый объемный роман (в 8-ми томах) «Монтаньяр, или Две республики. 1793 год – 1848 год». Уже по заглавию можно догадаться, что автор решил совместить в одном художественном полотне изображение двух революционных эпох. Ясно, что революция 1848 г. рождала в обществе ассоциации с Великой французской революцией; литература, как увидим далее, эти ассоциации подогревала и развивала, но развернутое сопоставление двух революций в рамках одного художественного текста выглядело творческим экспериментом, который должен был заинтересовать аудиторию уже самой постановкой проблемы и ее масштабом. Однако прежде, чем подробно говорить о самом романе, скажем о периоде, когда текст должен был обдумываться и создаваться.

Накануне романа о революциях

1849 год выдался для барона де Базанкура тяжелым. В феврале врачи определили, что болезнь, от которой уже давно страдала его сестра Софи, неизлечима и прогрессирует [42, р. 107]. Между тем ее муж генерал д'Арбувиль был назначен командовать войсками в Лион, и Софи отправилась в этот город вслед за ним. В апреле Базанкур навестил ее, хотя сам был болен. «Приехал мой брат, – писала Софи Сент-Беву, – больной, кашляющий от воспаления гортани, которое этой зимой доставляло нам большое беспокойство. Его только что лечили, я обнаружила, что он похож на другого моего брата, которого я потеряла из-за той же болезни» [42, р. 109]. В последней фразе речь идет о брате Фредерика Базанкура Максимилиене, умершем в 1833 г. [42, р. 109].

Обратим внимание на заключение этого письма: «Прощайте, муж и брат передают вам привет. Семья подобна маленькой стране, и вы приобрели право гражданства в стране моей семьи» [42, р. 111]. Эти слова, написанные в минуту тяжелых страданий, очень убедительно характеризуют близость и важность родственных отношений не только для Софи, но, думается, и для Фредерика де Базанкура.

«Страну семьи», между тем, ждали тяжкие испытания. 15 июня 1849 г. в Лионе вспыхнуло восстание рабочих, в городе развернулись настоящие боевые действия. Генерал д'Арбувиль командовал войсками и лично руководил атаками на баррикады

и занятые повстанцами дома. На какое-то время эти события приковали внимание всей Франции; имя генерала д'Арбувиля как спасителя Лиона оказалось на первых полосах крупнейших газет. Софи в это время была в городе. Прикованная болезнью к постели, она, по свидетельству П. де Баранта, тревожилась за мужа, «зная, что он борется с яростью мятежа; слышала пушки и залпы» [13, р. XIV]. Состояние больной ухудшалось. Ее перевезли в Париж. 22 марта 1850 г. Софи д'Арбувиль умерла.

После революции 1848 г. привычный мир барона де Базанкура рушился. И дело не только в семейной трагедии. Все прежние связи барона теряли свою действенность. Родственники, граф Моле и П. де Барант, после Февраля так и не смогли восстановить свое административное влияние. Аристократический круг общения пребывал в постоянном предчувствии опасности. Дворянский титул барона теперь выглядел чуть ли не анахронизмом. Все его прежние романы почти в одночасье превратились в продукт «прежней эпохи», привычная литературная интрига уже не могла занять читателя.

В подобной ситуации оказался не только Базанкур. Многим литераторам разных политических пристрастий пришлось искать себе новое место в новых условиях. Поначалу одной из перспективных сфер казалась политика. Скажем, на выборы в Учредительное собрание баллотировались три популярнейших автора романов-фельетонов: республиканец А. Дюма, роялист П. Феваль и социалист Э. Сю [31, р. 24]. Не прошел никто! Литературная популярность не конвертировалась в политический авторитет; в Собрание проходили либо финансовые и административные «тяжеловесы», либо действительно упорные политические бойцы. На этом пути еще мог испытать судьбу «спаситель Лиона» генерал д'Арбувиль, решивший баллотироваться от департамента Сены на дополнительных выборах в Законодательное собрание. Но, во-первых, во время предвыборной кампании пресса оппонентов не пощадила генерала: его называли в числе «наиболее скомпрометированных и запятнанных» фигур «прежней коррупционной власти» [32]; писали, что он «суммирует в себе все качества, с которыми ныне идет борьба», и даже припомнили, что его тесть, отец барона де Базанкура, причастен к расправе над принцем Энгийским [29]. Во-вторых, хотя генерал д'Арбувиль и получил солидную рекламную поддержку со стороны «L'Assemblée nationale» [28], в Собрание он так и не попал, сняв свою кандидатуру накануне выборов [44]. Судя по характеру и привычкам барона де Базанкура, он сам не был склонен к подобным экспериментам.

При отсутствии непосредственной политической деятельности оставался путь литературного участия в современной жизни, но это требовало поиска новшеств. Недюжинную изобретательность в этом смысле проявил, например, А. Дюма. По меткому выражению канадского исследователя Стива Сойера, Дюма «желал творить историю», но, не найдя для себя ниши в реальной политике, «был вынужден писать историю» [41, р. 34]. Романист основал ежемесячную газету «Le Mois», которую сам же и наполнял обзорами недавних событий, исполняя таким образом роль «летописца республиканских новостей»; писатель, «сумевший донести до народа его национальную историю, стал <...> дешифровщиком современной истории» [40, р. 62]. В схожем направлении должен был рассуждать и Базанкур: освоенные прежде литературные навыки необходимо приравнивать к требованиям

современного момента. Так или иначе, но конкретное выражение поисков должно было диктоваться актуальной реальностью.

Тем временем политическая жизнь вроде бы демонстрировала успехи партии, которую поддерживал барон де Базанкур. Луи-Наполеон после избрания на пост президента сделал ставку на монархистов. Административная вертикаль подверглась «чистке», в результате которой республиканцы лишились управленческих рычагов. Затем было разрушено республиканское большинство в Учредительном собрании, а полномочия самого Собрания депутаты решили прервать ранее законных сроков; на его место должно было заступить Законодательное собрание.

На новые выборы противники республиканского образа правления шли, объединившись в т. н. «партию порядка», куда стеклись легитимисты, орлеанисты, бонапартисты, просто крупные собственники – те, в чьем распоряжении находились административный, финансовый, а соответственно, информационный ресурсы. Эта сила предсказуемо набрала большинство в Законодательном собрании, и все же результат оказался для монархистов пугающим: невзирая на все рычаги давления почти 2 мил. французов проголосовали за радикальных республиканцев, занявших в парламенте 180 мест. На карте Франции «высветились» целые регионы (вроде промышленного Лиона), голосовавшие за «красные списки» [7, т. 2, с. 7]. Не прошло и месяца после выборов, а левые силы уже сумели организовать против решений Законодательного собрания масштабную демонстрацию в Париже, а в Лионе вспыхнуло восстание – то самое, с которым пришлось бороться зятю барона де Базанкура генералу д'Арбувилю.

«Партию порядка» неслучайно называли «партией страха» [8, с. 133]. Действительно, ее участники объединились именно из опасений перед тем влиянием, которое набирали «красные» идеи. В качестве агитационного аргумента также использовался страх перед этими идеями. Как отмечает историк А. Ю. Смирнов, в 1849–1850-х гг. во Франции «были очень популярны дешевые, в смысле цены, брошюры, в которых разоблачались социализм и коммунизм: первый как простое варварство, только в невиданных масштабах, а второй как всеобщее обобществление, что неизбежно вернет человечество в состояние первобытного общества» [8, с. 162].

Тактика борьбы «партии порядка» предполагала, с одной стороны, антикоммунистическую пропаганду, с другой – законодательное давление на «красные» издания. Эффект, однако, был ограниченным: на дополнительных выборах в Законодательное собрание избиратели продолжали поддерживать демократов. Тогда монархическое большинство решилось на крайнюю меру, нарушающую конституцию, – ограничить всеобщее избирательное право, учредив замаскированный имущественный ценз и таким образом ослабив электоральную базу «красных». Это решение обнуляло одно из главных завоеваний революции 1848 г. Оно было принято 31 мая 1850 г. Как раз в этот день на страницах «L'Assemblée nationale» начал печататься роман Базанкура «Монтаньяр, или Две республики. 1793 год – 1848 год». Забегая вперед, скажем, что идеологически роман соответствовал политическим задачам «партии порядка», поскольку в невыгодном свете изображал радикальных республиканцев – прошлых и нынешних. Впрочем, подробно об этом будем говорить в продолжении этой статьи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

А пока остановимся на той мысли, что Февраль 1848 г. существенно повлиял на судьбу и творчество барона де Базанкура. С одной стороны, революция пошатнула его общественное положение, ослабив влияние социального круга, к которому он принадлежал, и сделав неактуальными налаженные контакты в сферах прежнего правительства. С другой стороны, революция радикально изменила читательскую ситуацию. Привычная для Базанкура манера письма и тематика его романов больше не могли увлекать аудиторию, всецело поглощенную бурливыми политическими событиями.

Политическая борьба охватила всю сферу печати, и писателю пришлось принимать условия этой борьбы, выбирать *свою* сторону. В результате он оказался среди сотрудников монархической газеты «L'Assemblée nationale» и, стало быть, в лагере монархических сил, полагавших среди наиболее важных задач идеологическую, пропагандистскую борьбу против левых идей и партий. Такое положение вещей закономерно подталкивало Базанкура к поиску новых творческих ходов, которые позволили бы использовать его литературный опыт в интересах *своей* политической партии. Результатом поисков стал роман «Монтаньяр, или Две республики. 1793 год – 1848 год».

Список литературы

1. Анненков П. В. Парижские письма. – М.: Наука, 1983. – 608 с.
2. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 8. Статьи и рецензии. 1843–1845. – М.: АН СССР, 1955. – 728 с.
3. Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. Т. 23. Письма 1847–1850 годов. – М.: АН СССР, 1961. – 500 с.
4. Карамзин А. Н. Письма А. Н. Карамзина. 1847–1848. Материалы по истории французской революции 1848 г. по документам Крымского центрального архивного управления / вступ. ст. Е. В. Петухова. – Л.; М.: АН СССР, 1935. – 51 с.
5. Коллекция императрицы Александры Федоровны (старшей) // НЭБ. Реестр книжных памятников. Режим доступа: <https://knpram.rusneb.ru/collections/80691>. – (Дата обращения: 21.01.2025).
6. Орехов В. В. Барон де Базанкур: литератор, историк, военный корреспондент. Часть III. Светский портрет и литературная личность // Ученые записки Крымского федерального университета. Филологические науки. – 2023. – Т. 9 (75). – № 4. – С. 21–53.
7. Революции 1848–1849 [В 2-х т.] / Под ред. Ф. В. Потемкина, А. И. Молока. – Москва: АН СССР, 1952. – Т. 1. – 847 с.; Т. 2. – 639 с.
8. Смирнов А. Ю. Империя Наполеона III. – М.: Эксмо, 2003. – 288 с.
9. Современные заметки. II // Современник. – 1847. – Т. 2. – Кн. 3. – Отд. 4. – С. 64–80.
10. Тарле Е. В. Донесения Якова Толстого из Парижа в III отделение. Июльская монархия, вторая республика, начало второй империи // Литературное наследство. Т. 31–32. – М.: Наука, 1937. – С. 563–663.
11. Черкасов П. П. Наполеон III – император французов // Новая и новейшая история. – 2012. – № 3. – С. 197–216.
12. Achard A. La chasse royale. Un lazzarone. I // L'Assemblée nationale. – 1849. – 15 février. – P. 1–2.
13. Barant de. <Préface> «Les poésies et les récits...» // Arbouville, S. d' Poésies et nouvelles. [En 3 vols]. – Paris: Amyot, 1855. – Т. 1. – P. I–XV.

БАРОН ДЕ БАЗАНКУР: ЛИТЕРАТОР, ИСТОРИК, ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ. ЧАСТЬ VI...

14. *Bazancourt [baron] de*. Nécrologie le colonel d'Espinay // La Patrie. – 1851. – 1 mai. – P. 5.
15. *Bazancourt F. [baron] de*. Ange et demon. – Bruxelles: Meline, Cans et compagnie, 1850. – 261 p.
16. *Bazancourt F. [baron] de*. Ange et demon. Chapitre douzième (Suite) // L'Assemblée nationale. – 1848. – 10 décembre. – P. 1.
17. *Bazancourt F. [baron] de*. Ange et demon. Chapitre premier // L'Assemblée nationale. – 1848. – 14 novembre. – P. 1–2.
18. *Bazancourt F. [baron] de*. Les ailes d'un ange. – Paris: Hippolyte Souverain, 1852. – T. 1. – 308 p.; T. 2. – 292 p.
19. César Lecat, baron de Bazancourt... № 013253 // Livre rare book. Available from: <https://www.livre-rare-book.com/book/23527528/013253> (accessed 21 January 2025).
20. Chambre des députés // Journal des débats politiques et littéraires. – 1847. – 11 février. – P. 2–3.
21. *Claudin G.* Mes souvenirs: les boulevards de 1840–1870. – Paris: Calmann Lévy, 1884. – 346 p.
22. Comité préparatoire de l'assemble nationale // L'Assemblée nationale. – 1848. – 11 mars. – P. 1.
23. Comité préparatoire de l'assemble nationale // La Voix des clubs. – 1848. – 13 mars. – № 2. – P. 2.
24. Cour d'assises de la Seine // Journal des débats politiques et littéraires. – 1850. – 1 septembre. – P. 3.
25. *Dumas A.* Histoire de mes bêtes. – Paris: Lévy frères, 1868. – 333 p.
26. *Duma A.* La mission dont M. Alexandre Dumas... // Le Siècle. – 1847. – 11 février. – P. 3.
27. *Dumas A.* Le Véloce, ou Tanger, Alger et Tunis. – Paris: Bureaux du "Siècle", 1855. – 127 (321–447) p.
28. Elections // L'Assemblée nationale. – 1850. – 1 mars. – P. 1.
29. Elections de Paris // La Liberté. – 1849. – 25 novembre. – P. 2.
30. Faits divers // La Patrie. – 1847. – 9 septembre. – P. 4.
31. *Hallade S.* Aux frontières de la littérature et de la politique: les feuilletonistes Alexandre Dumas, Paul Féval et Eugène Sue sous la Deuxième République, des écrivains transgressifs? // Sociétés & Représentations, 2015, no 39, p. 13–32.
32. Intérieur // L'Éclaireur des Pyrénées. – 1849. – 22 décembre. – P. 1.
33. *Janzé A. de*. Etude et récits sur Alfred de Musset. – Paris: E. Plon, Nourrit, 1891. – 279 p.
34. *La Bédollière É. de*. Histoire de la garde nationale: récit complet de tous les faits qui l'ont distinguée depuis son origine jusqu'en 1848. – Paris: H. Dumineray et F. Pallier, 1848. – 396 p.
35. *Montépin X. de*. «Les communistes en 1780» // L'Assemblée nationale. – 1849. – 26 avril. – P. 1–2; 28 avril. – P. 1–2; 1 mai. – P. 1–2; 2 mai. – P. 1–2.
36. *Mullié Ch.* Biographie des célébrités militaires des armées de terre et de mer de 1789 à 1850. T. II. – Paris: Poignavant, 1851. – 559 p.
37. Nouvelles de Paris // La République de 1848. – 1849. – 11 mai. – P. 4.
38. Nouvelles diverses // Le Dix décembre. – 1850. – 21 février. – P. 3.
39. Nouvelles et faits divers // La Presse. – 1847. – 8 septembre. – P. 1.
40. *Saminadayar-Perrin C.* Le Mois (1848). Les paradoxes d'une histoire immédiate // Un mousquetaire du journalisme: Alexandre Dumas. – Besançon: Presses universitaires de Franche-Comté, 2019. – pp. 47–62.
41. *Sawyer S.* La Revolution selon Alexandre Dumas. A thesis submitted to the Faculty of Graduate Studies and Research in partial fulfillment of the requirements of the degree of Master's of Art. – Montreal, 1994. – 162 p.
42. *Séché L.* Muses romantiques: Madame d'Arbouville d'après ses lettres à Sainte-Beuve: 1846–1850: documents inédits, portraits, vues et autographe. – Paris: Mercure de France, 1909. – 302 p.
43. Tribunal sivil de la Seine // Le Siècle. – 1847. – 30 janvier. – P. 3–4.
44. Union électorale // Journal des villes et des campagnes. – 1850. – 10 mars. – P. 1.
45. Voici dans quels termes... // Le Siècle. – 1846. – 14 juin. – P. 3.

References

1. Annenkov P. V. *Parizhskie pis'ma* [Parisian letters]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 608 p.
2. Belinskij V. G. *Polnoe sobranie sochinenij: V 13 t. T. 8. Stat'i i recenzii. 1843–1845* [Complete Works: In 13 volumes. Vol. 8. Articles and reviews. 1843–1845]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1955. 728 p.
3. Gercen A. I. *Sobr. soch.: v 30 t. T. 23. Pis'ma 1847–1850 godov* [Collected works: in 30 volumes. Volume 23. Letters from 1847–1850]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1961. 500 p.
4. Karamzin A. N. *Pis'ma A. N. Karamzina. 1847–1848. Materialy po istorii francuzskoj revoljucii 1848 g. po dokumentam Krymskogo central'nogo arhivnogo upravlenija* [Letters by A. N. Karamzin. 1847–1848. Materials on the history of the French Revolution of 1848 based on documents of the Crimean Central Archival Administration]. Leningrad, Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1935. 51 p.
5. *Kollekcija imperatricy Aleksandry Fedorovny (starshej)* [Collection of Empress Alexandra Feodorovna (the Elder)]. *NJeB. Reestr knizhnyh pamjatnikov*. Available from: <https://knpam.rusneb.ru/collections/80691> (accessed 21 January 2025).
6. Orehov V. V. *Baron de Bazankur: literator, istorik, voennyj korrespondent. Chast' III. Svetskij portret i literaturnaja lichnost'* [Baron de Bazancourt: writer, historian, war correspondent. Part III. Secular portrait and literary personality]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki*, 2023, vol. 9 (75), no. 4, pp. 21–53.
7. *Revoljucii 1848–1849. V 2-h t.* [Revolutions of 1848–1849. In 2 volumes]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1952, vol. 1–2.
8. Smirnov A. Ju. *Imperija Napoleona III* [Empire of Napoleon III]. Moscow, Jeksno Publ., 2003. 288 p.
9. *Sovremennye zametki. II* [Contemporary Notes. II]. *Sovremennik*, 1847, vol. 2, book 3, section 4, pp. 64–80.
10. Tarle E. V. *Donesenija Jakova Tolstogo iz Parizha v III otdelenie. Ijul'skaja monarhija, vtoraja respublika, nachalo vtoroj imperii* [Reports of Yakov Tolstoy from Paris to the Third Section. The July Monarchy, the Second Republic, the Beginning of the Second Empire]. *Literaturnoe nasledstvo. T. 31–32*. Moscow, Nauka Publ., 1937, pp. 563–663.
11. Cherkasov P. P. *Napoleon III – imperator francuzov* [Napoleon III – Emperor of the French]. *Novaja i novejšhaja istorija*, 2012, no. 3, pp. 197–216.
12. Achar d. *La chasse royale. Un lazzarone. I* // L'Assemblée nationale, 1849, 15 février, pp. 1–2.
13. Barant de. <Préface> «*Les poésies et les récits...*» // Arbouville S. d' Poésies et nouvelles. [En 3 vols]. Paris, Amyot, 1855, vol. 1, pp. I–XV.
14. Bazancourt [baron] de. *Nécrologie le colonel d'Espinay* // La Patrie. 1851, 1 mai, p. 5.
15. Bazancourt F. [baron] de. *Ange et demon*. Bruxelles, Meline, Cans et compagnie, 1850. 261 p.
16. Bazancourt F. [baron] de. *Ange et demon. Chapitre douzième (Suite)* // L'Assemblée nationale, 1848, 10 décembre, p. 1.
17. Bazancourt F. [baron] de. *Ange et demon. Chapitre premier* // L'Assemblée nationale, 1848, 14 novembre, pp. 1–2.
18. Bazancourt F. [baron] de. *Les ailes d'un ange*. Paris, Hippolyte Souverain, 1852, vol. 1–2.
19. *César Lecat, baron de Bazancourt... № 013253* // Livre rare book. Available from: <https://www.livre-rare-book.com/book/23527528/013253> (accessed 21 January 2025).
20. *Chambre des députés* // Journal des débats politiques et littéraires, 1847, 11 février, pp. 2–3.
21. Claudin G. *Mes souvenirs: les boulevards de 1840–1870*. Paris, Calmann Lévy, 1884. 346 p.
22. *Comité préparatoire de l'assemble nationale* // L'Assemblée nationale, 1848, 11 mars, p. 1.
23. *Comité préparatoire de l'assemble nationale* // La Voix des clubs, 1848, 13 mars, no. 2, p. 2.
24. *Cour d'assises de la Seine* // Journal des débats politiques et littéraires, 1850, 1 septembre, p. 3.
25. Dumas A. *Histoire de mes bêtes*. Paris, Lévy frères, 1868. 333 p.
26. Duma A. *La mission dont M. Alexandre Dumas...* // Le Siècle, 1847, 11 février, p. 3.
27. Dumas A. *Le Véloce, ou Tanger, Alger et Tunis*. Paris, Bureaux du “Siècle”, 1855. 127 (321–447) p.

BARON DE BAZANOUR: LITERATOR, HISTORIAN, MILITARY CORRESPONDENT. PART VI...

28. *Elections* // L'Assemblée nationale, 1850, 1 mars, p. 1.
29. *Elections de Paris* // La Liberté, 1849, 25 novembre, p. 2.
30. *Faits divers* // La Patrie, 1847. 9 septembre, p. 4.
31. Hallade S. *Aux frontières de la littérature et de la politique: les feuilletonistes Alexandre Dumas, Paul Féval et Eugène Sue sous la Deuxième République, des écrivains transgressifs?* // Sociétés & Représentations, 2015, no. 39, p. 13–32.
32. *Intérieur* // L'Éclaireur des Pyrénées, 1849, 22 décembre, p. 1.
33. Janzé A. de. *Etude et récits sur Alfred de Musset*. Paris, E. Plon, Nourrit, 1891. 279 p.
34. La Bédollière É. de. *Histoire de la garde nationale: récit complet de tous les faits qui l'ont distinguée depuis son origine jusqu'en 1848*. Paris, H. Dumineray et F. Pallier, 1848. 396 p.
35. Montépin X. de. «*Les communistes en 1780*» // L'Assemblée nationale, 1849, 26 avril, pp. 1–2; 28 avril, pp. 1–2; 1 mai, pp. 1–2; 2 mai, pp. 1–2.
36. Mullié Ch. *Biographie des célébrités militaires des armées de terre et de mer de 1789 à 1850. T. II*. Paris, Poignavant, 1851. 559 p.
37. *Nouvelles de Paris* // La République de 1848, 1849, 11 mai, p. 4.
38. *Nouvelles diverses* // Le Dix décembre, 1850, 21 février, p. 3.
39. *Nouvelles et faits divers* // La Presse, 1847, 8 septembre, p. 1.
40. Saminadayar-Perrin C. *Le Mois (1848). Les paradoxes d'une histoire immédiate* // Un mousquetaire du journalisme: Alexandre Dumas. Besançon, Presses universitaires de Franche-Comté, 2019, pp. 47–62.
41. Sawyer S. *La Revolution selon Alexandre Dumas. A thesis submitted to the Faculty of Graduate Studies and Research in partial fulfillment of the requirements of the degree of Master's of Art*. Montreal, 1994. 162 p.
42. Sèché L. *Muses romantiques: Madame d'Arbouville d'après ses lettres à Sainte-Beuve: 1846–1850: documents inédits, portraits, vues et autographe*. Paris, Mercure de France, 1909. 302 p.
43. *Tribunal sivil de la Seine* // Le Siècle, 1847, 30 janvier, pp. 3–4.
44. *Union électorale* // Journal des villes et des campagnes, 1850, 10 mars, p. 1.
45. *Voici dans quels termes...* // Le Siècle, 1846, 14 juin, p. 3.

**BARON DE BAZANOUR:
LITERATOR, HISTORIAN, MILITARY CORRESPONDENT.
PART VI.
THE SECOND REPUBLIC: POLITICAL REALITY AND LITERATURE**

Orekhov V. V.

The article examines the period of Baron de Bazancourt's creative biography from the moment of the publication of the historical work "History of Sicily..." (1846) to the publication of his most voluminous novel "Montagnard, or Two Republics. 1793-1848" (1850-1851). The writer's creative plans were significantly influenced by the revolution of 1848. In the conditions of intensified political struggle, he found himself in the "camp" of the monarchists and tried to adapt his artistic style to the requirements of the political newspaper "L'Assemblée nationale". The weak success of the novel "Angel and Demon" (1848) demonstrated that the previous themes and techniques of the adventure novel-feuilleton did not find a response among the audience absorbed in political issues. The novel "Montagnard..." became the writer's response to the changed political situation and renewed reader demand.

Key words: Revolution of 1848, Montagnards, A. Dumas, novel-feuilleton, tendentiousness.

УДК 82:81

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ В РАССКАЗЕ А. П. ЧЕХОВА «ВРАГИ»

Пономаренко Е. А.

*Институт филологии
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь, Российская Федерация
e-mail: atai2005@yandex.ru*

В статье рассматриваются интертекстуальные связи рассказа А. П. Чехова «Враги» с произведением предшествующей литературной традиции – повестью графа В. А. Соллогуба «Лев». Для выявления интертекстуальных связей привлечена культурологическая информация, проанализирован концепт европейской и русской культуры «светский лев». Констатируется, что история русской литературы демонстрирует тот факт, что (Светский) Лев как типический образ представителя дворянства присутствует на страницах многих художественных произведений вплоть до конца XIX в. Сходство рассказа «Враги» с повестью «Лев» усматривается в заглавии, в жанровых признаках водовила, сюжетной линии, основанной на запутанности интриги, а также на уровне описания портрета главного героя. Цитаты и аллюзии, использованные А. П. Чеховым, не только участвуют в психологической характеристике персонажа, но и формируют сюжет произведения. Межтекстовые параллели, выраженные посредством деталей портрета, паралингвистических средств, а также жанровых особенностей сюжета позволяют проследить динамику культурного концепта «светский лев» в разные периоды русского литературного процесса (1830-е гг. и 1880-е гг. XIX в.).

Ключевые слова: интертекстуальные параллели, «светский лев», жанровые признаки, сюжет, портрет.

ВВЕДЕНИЕ

Исследователями творчества А. П. Чехова давно и всесторонне рассматриваются специфика чеховского героя и особенности сюжета, исследуется неповторимый характер авторской позиции, обсуждается проблематика межличностной коммуникации персонажей [6; 8; 17; 22]. Несмотря на то, что литературное наследие писателя достаточно обстоятельно и всесторонне изучено, «многие произведения Чехова вообще еще никогда не были удовлетворительно прочитаны и поняты» [25, с. 9]. К таким произведениям, на наш взгляд, принадлежит и рассказ «Враги», опубликованный в 1887 г. Хотя следует сделать оговорку. А. Д. Степанов в монографии «Проблемы коммуникации у Чехова» (2005) обращается к этому произведению и рассматривает его с точки зрения «коммуникативного чеховедения» [5, с. 73]. Он проводит своеобразное речеведческое исследование: через противопоставление «двух жанровых доминант – мелодрамы и публицистического дискурса» [22, с. 168] выявляет проблему «взаимонепонимания» главных героев.

На наш взгляд, рассказ «Враги» интересен, прежде всего, многообразием смыслов, передающихся благодаря уникальному художественному методу А. П. Чехова, который характеризуется тщательным прорисовыванием деталей, тонким и изящным подтекстом, различными типами интертекстуальных взаимодействий.

Об интертекстуальных связях в художественном целом чеховской прозы, о возвращении автора к уже найденным образам писали [6; 8; 17; 20]. Исследования последнего времени ориентированы, главным образом, на изучение различных форм интертекстуальных включений (цитат, реминисценций, аллюзий, парафраз,

изречений и т.д.), способствующих раскрытию идейно-тематического содержания чеховской прозы [15]. В них рассматриваются ассоциативные связи чеховских текстов с более широким затекстовым, в частности, мифологическим пространством и выявляются потенциальные возможности смыслопорождения [16]. Кроме того, исследования последних десятилетий в компаративном отношении ориентированы преимущественно на литературный материал современности (1990-е – 2000-е гг.).

Цель настоящей работы – на основе историко-культурного подхода выявить интертекстуальные параллели чеховского рассказа с произведением предшествующей литературной традиции – светской повестью графа В. А. Соллогуба «Левъ» (1841 г.). Под интертекстуальностью будем понимать способность художественного произведения полностью или частично формировать свой смысл «посредством ссылки на иной текст, который отыскивается в творчестве того же автора, в смежном искусстве, в смежном дискурсе или предшествующей литературе» [20, с. 11].

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

В рассказе «Враги» интертекстуальный слой обнаруживается, в частности, при характеристике одного из центральных персонажей – аристократа Абогина. Абогин – человек, принадлежащий своему времени, – типичный представитель дворянской культуры: у него безукоризненные манеры, уверенная и выразительная речь, одет он изысканно и модно.

Заметим также, что характерной особенностью его внешнего облика является сходство со *львом*, которое передается посредством языковых единиц, описывающих экстерьер этого животного: *грива, львиный, ноздри, большая голова*. Например: «*Это был плотный солидный блондин, с большой головой и крупными, но мягкими чертами лица, одетый изящно по самой последней моде. В его осанке, в плотно застёгнутом сюртуке, в гриве и в лице чувствовалось что-то благородное, львиное*» [27, с. 38]. – «*Вот вам за ваш визит! – сказал он, шевеля ноздрями, – вам заплачено!*» [27, с. 42].

Для выявления интертекстуальных параллелей обратимся к культурологической информации. В Словаре В. И. Даля отмечается, что: «**ЛЕВЪ** – хищный звѣрь знойной Африки и Азии, рода кошек, именуемый царёмъ звѣрей» [2, с. 242]. Лексикографические справочники более позднего периода вносят дополнительную информацию, основанную на ассоциациях с природными качествами «царя зверей»: «**ЛЕВ**, льва, м. 1. Крупное хищное млекопитающее семейства кошачьих, желтоватой окраски, с пышной гривой у самцов. || *Скульптурное изображение этого животного на столбах ворот, на подъездах, на лестницах, а также изображение его на гербах*» [24, с. 31]. Поскольку ассоциативные связи возникают «в силу свойственной нашему сознанию привычки связывать изложенное вербально с накопленным личным и общественным опытом» [1, с. 45], *лев* в русской культуре воспринимался как один из самых древних мифологических символов: «символ высшей божественной силы, мощи, власти, величия; солнца и огня. <...> львом нередко называют царя, героя и просто мифологизированный персонаж» [12, с. 41]. Как символ благородства, великодушия, доблести, гордости, храбрости *лев* присутствует также и в индоевропейской культуре. Ср.: «сражается как лев» (храбро) [23, с. 399]. Кроме

того, являясь знаком королевского могущества, «царь зверей» выступает характерным элементом геральдической традиции. Так, изображение льва можно видеть на гербах Великобритании, Испании, Дании и других государств. Один из самых первых российских гербов относится к XII веку. Герб с изображением льва как символа силы, мужества и великодушия стал родовым знаком Владимиро-Суздальских князей. Львиный образ использовали на своих печатях Владимир Мономах и Александр Невский.

Во второй половине XVIII в. образ льва получает иное наполнение. Дело в том, что в это время в России как отражение дворянской культуры формируется новое социальное явление – «свет». По утверждению русского историка В. О. Ключевского, «свет» появляется как отдаленный продукт реформ Петра I. Ученый указывает на связь русской светскости XVIII–XIX вв. с традициями французской культуры: «С тех пор как дворянство, освободившись от обязательной службы, почувствовало себя на досуге, оно стало стараться наполнить этот досуг, занять скукающую лень плодами чужих умственных и нравственных усилий, цветками заимствованной культуры. Отсюда развился среди него усиленный спрос на изящные украшения жизни, на эстетические развлечения. Французские вкусы, моды, костюмы, манеры стали водворяться при петербургском дворе и в высшем русском обществе» [7, с. 149]; «...это было общество французского языка и легкого романа, состоявшее из “модных щеголей и светских вертопрашек”» [7, с. 149]. Ю. М. Лотман в книге «Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства» также отмечает, что светская жизнь была нормой для дворянина, «формой социальной организации <...> и в этом смысле получила ценность общественного дела» [10, с. 91].

В Словаре В. И. Даля лексема **СВѢТЬ** имеет несколько значений. В нашем случае актуально следующее: «**СВѢТЬ** – отборное, высшее общество, суетное въ обычаяхъ или условіяхъ жизни» [3, с. 157]. Там же находим производное от **СВѢТЬ** – «**свѣтскій** – ко свѣту (міру) отнсщ., земной, мірской, суетный» [3, с. 158], которое противопоставляется «духовному, нравственному, божескому» [3, с. 157]. То есть, «**свѣтскій челоѡкъ**», в понимании В. И. Даля – «посѣтитель обществъ, сборищъ, увеселеній; ловкій приемами, свѣдущій въ гостинныхъ обычаяхъ» [3, с. 158]. В. И. Даль приводит также характерные для его эпохи выражения «свѣтскія утѣхи, шумныя, чувственныя» [3, с. 158]. Следует отметить, что светский образ жизни в обществе XIX века воспринимался неоднозначно. Многие поэты, писатели, публицисты давали негативную оценку светскости, отмечая при этом ее чужеродность по отношению к русской культуре. Уместно вспомнить строки из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: «*Иль взор унылый не найдѣт знакомых лицъ на сценѣ скучной / И, устремив на чуждый светъ Разочарованный лорнетъ, / Веселья зритель равнодушный*» [18, с. 18]. «*Кто страннымъ снамъ не придавался, / Кто черни светской не чуждался / Кто в двадцать летъ былъ франтъ иль хват / А в тридцать выгодно женатъ*» [18, с. 159]. В комментарии к «Евгению Онегину» Ю. М. Лотман обращает внимание на мотив замены большого света дружеским кругом: «*Условій света свергнувъ бремя / Какъ онъ, отставъ отъ суеты...* и считает, что вопрос противопоставления «светского» и «задушевного» является частью более общего вопроса – об отношении света к народной культуре [11, с. 581].

Образ *света* с его фальшивыми манерами, правилами и отношениями представляется объектом осуждения и в творчестве В. Ф. Одоевского, который сам являлся завсегдатаем светских литературных салонов и знал светскую жизнь изнутри. В произведении «Княжна Мими» можно встретить такие строки: «*Баронесса знала, что княжна Мими принадлежала к сему нравственному сословию, знала также, что это сословие, в свою очередь, принадлежит к тому страшному обществу, которое бросило свои отпрыски во все классы. <...> Оно держит в руках и авторов, и музыкантов, и красавиц, и гениев, и героев. Оно ничего не боится – ни законов, ни правды, ни совести. Оно судит на жизнь и смерть и никогда не меняет своих приговоров, если бы они и были противны рассудку*» [14, с. 220]. «Ненавистью к *свету* пронизаны все «мирные главы» «Войны и мира» Л. Н. Толстого – начиная от обличения равнодушия и презрения людей *света* к русскому языку, культуре и заканчивая по сути дела предательской, соглашательской ролью в войне 1812 года» [4, с. 149]. Итак, светское общество XIX в. представляло собой мир, в котором за внешним блеском дворянской жизни порой скрывается полная безнравственность, пошлость и разврат.

Во второй половине 30-х годов XIX в. под влиянием французского *lion* со словом *светский* стало употребляться существительное *лев*, получившее значение: «Законодатель мод, правил светского поведения, покоритель женских сердец (устар., ирон.)» [24, с. 31]. В. О. Ключевский в «Курсе русской истории» пишет: «В дворянском обществе к половине XVIII века сложились два любопытных типических представителя общезжития <...> они получили характерные названия “петиметра” и “кокетки”. Петиметр – великосветский кавалер, воспитанный по-французски; русское для него не существовало или существовало только как предмет насмешки и презрения...» [7, с. 154]. По сути дела, понятие *светский лев* в России появляется в тот период, когда возникает течение дендизма в Европе: «*Светским львом* начинают именовать модно и со вкусом одетого человека, вхожего в лучшие дома, умеющего ценить изящное и ведущего сибаритский образ жизни. Светский лев не стремится во что бы то ни стало производить впечатление – внешне он даже равнодушен ко всему. Однако он знает, что все обращают на него внимание и перенимают его манеры и стиль одежды» [19].

История русской литературы демонстрирует тот факт, что (*Светский*) *Лев*, являясь культурным концептом, как типический образ представителя дворянства присутствует на страницах многих художественных произведений вплоть до конца XIX в. Так, в образе «пресыщенного, эксцентричного *светского льва*» [13, с. 49] предстают Евгений Онегин у А. С. Пушкина, Евгений Арбенин у М. Ю. Лермонтова, Николай Ставрогин у Ф. М. Достоевского, Алексей Вронский у Л. Н. Толстого и др.

Классическим образцом *светского льва* является герой одноименной «светской повести» графа В. А. Соллогуба «Левъ» – молодой человек (*лев*), живущий интересами высшего света: «...тогда появились первые *львы*, т. е. люди, стремящиеся только к удовлетворению собственного уюта, собственных желаний, подобно животному, которого имя они присвоили, и обнародовали себя властелинами над миром мелких животных, пресмыкающихся у ног их» [21, с. 348].

Рассказ «Враги» обнаруживает тесную связь с этим произведением. Сходство усматривается, прежде всего, в заглавии, которое «выступает как цитата в “чужом” тексте и представляет собой интертекст, открытый различным толкованиям» [26, с. 350]. А. П. Чехов использует существительное *лев*, чтобы передать, с одной стороны, изящество и даже красоту внешнего облика персонажа Абогина, сравниваемого со львом, а с другой – неискренность и бесчувственность его натуры, стремящейся к удовлетворению своих низменных желаний. Знакома читателей с этим персонажем, автор называет его только по фамилии – *Абогин*, в которой угадывается прозрачная внутренняя форма: приставка *а-*, употребляясь с именами существительными или прилагательными, вносит значение отрицания или отсутствия какого-л. качества, свойства, то есть, *А + бог + ин* – существующий вне идеи Бога. В данном контексте приставка *а-* акцентирует отсутствие качества. И действительно, в тексте дворянин Абогин представлен как человек, живущий вне ценностей русской духовной культуры.

В. А. Соллогуб также отказывает своему герою в имени, используя лишь биологическое название животного – отряда кошек – *лев*: «...друг мой *лев* – не *Лев Александрович* и не *Лев Петрович*, а истый *лев*, безгривый представитель львиного мира» [21, с. 348], где под *львиным миром* подразумевается светское общество, противопоставленное «российскому духу, не приемлющему нормативности и ограниченности» [10, с. 124]. Заметим, что «имя-наименование» *лев* в тексте подается с маленькой буквы и нередко заменяется местоимением *он*.

Неназывание персонажей по имени – это, прежде всего, стремление писателей показать, что их герои принадлежат к внеличной сфере жизни – жизни, в которой человек воспринимается как «абстрактный носитель социальной функции» [4, с. 83], то есть, замена имени фамилией или каким-либо другим наименованием, в данном случае, представляется своеобразным знаком отсутствия персональности.

Кроме того, и рассказ «Враги», и светская повесть «Лев» несут жанровые признаки *водевиля* – «шутливой песенки народного характера, легкой по мелодической композиции, насмешливо-сатирической по содержанию. <...> В России прототипом водевиля была небольшая комическая опера конца XVII в., удержавшаяся в репертуаре русского театра к середине XIX в. [9, с. 129]. Жанр *водевиля* имеет свои характерные признаки. Ему присущи и напряженный темп действия, который ускоряется за счет специальных рычагов (*внезапные приезды героев*, неожиданная помощь со стороны, обнаружение новых обстоятельств, *введение тайны* и т.п.); запутанность интриги, возникающая благодаря таким приемам, как *обман*, обоюдный обман (поединок мистификаторов), «случайно случившийся случай» и др.; использование узнаваемых положений любовной коллизии (муж, жена, пара влюбленных, различные варианты помощников и злодеев); стандарт развития сюжетной схемы (более подробно см. дис. Шахматовой Т. С.). «Пьесами с такими сюжетами были заполнены театральные сцены чеховского времени» [22, с. 168]: «...*тот же час завелись и у нас львы, слегка переделанные на русские нравы, как **бенефисные водевили**, которые играют на Александринском театре*» [21, с. 348]. В последовательности событий, описываемых как в рассказе «Враги», так и в повести «Лев», нетрудно усмотреть

напряженный темп действия, который в первом случае наблюдается благодаря внезапному появлению аристократа Абогина, пришедшего к доктору Кирилову за медицинской помощью: «...в передней резко прозвучал звонок» [27, с. 30]. Однако доктор Кирилов из-за тяжелых личных обстоятельств (у него умер единственный сын) отказывается его принять. Во втором случае (в повести «Лев») в квартиру ко льву мимоходом заходит давнишний друг, впоследствии вовлеченный в его личную тайну: «Намедни, когда в своей енотовой шубе, за которую меня так бранят, мне стало жарко; и так как я был близ дома, где он живет, решился к нему войти» [21, с. 350].

В обоих произведениях имеет место и сходство сюжетной линии, в основе которой лежит запутанность интриги, строящаяся на обмане одного из супругов. Так, в рассказе «Враги» с женой Абогина случился сердечный приступ. Однако позже выяснилось, что она инициировала болезнь, чтобы бежать от мужа к любовнику Папчинскому: « – Обманула! Ушла! Заболела и усала меня за доктором для того только, чтобы бежать с этим шутом Папчинским! Боже мой!» [27, с. 39]. В повести «Лев» главный герой во время маскарада ради развлечения соблазняет замужнюю даму из высшего света, при этом очень гордится своим поступком. «Скажи мне, она замужем? – разумеется, брат, замужем. Кто же влюбляется в незамужних женщин?» [21, с. 355]. «Любить наших дам истинно невозможно. Притворяться – другое дело. <...> Зачем давать настоящие деньги за фальшивую монету? Любовь в большом свете – просто комедия» [21, с. 371].

Соотнесение с текстом В. А. Соллогуба прослеживается и на уровне художественного описания внешности главного героя Абогина. Уже с первых строк рассказа Чехов знакомит читателя с портретом персонажа, отмечая при этом внешние, особенные признаки, отличающие людей привилегированного класса от представителей других сословий. Это худощавость, бледность лица, тонкие длинные пальцы: «...и в человеке, который вошёл, можно было различить <...> большое чрезвычайно бледное лицо, такое бледное, что казалось, от появления этого лица в передней стало светлее...» [27, с. 30]. Автор подчеркивает элегантность и изысканность костюма Абогина – одну из основных составляющих образа светского льва: «...и в человеке, который вошёл, можно было различить только средний рост, белое кашне...» [27, с. 30]; «В его осанке, в плотно застёгнутом сюртуке, в гриве и в лице чувствовалось что-то благородное...» [27, с. 38]. В данном случае наблюдается сходство аллюзивного характера: типаж из текста В. А. Соллогуба избирательно определяет элементы портретной характеристики светского льва у Чехова, вследствие чего комплексы определений и предикативных конструкций переносятся в текст рассказа «Враги», причем целое высказывание или строка «текста-донора» присутствуют в последнем как бы «за текстом», имплицитно. Ср.: «Теперь в своем коротком сюртуке, в модных узких брюках, в которых ноги казались не по корпусу тонкими, со своей большой головой и гривой он чрезвычайно походил на льва» [27, с. 38] – «...в том неопределенном существе, которое с утра до ночи, обтянутое узким платьем и узкими перчатками, ...» [21, с. 346].; «... одетый изящно по самой последней моде» [27, с. 38] – «обстриженный по последней моде, с бородой-

ожерельем <...>лев был **одет прекрасно...**» [21, с. 350]. Дополняет внешний облик светского льва наличие необычной детали мужского костюма – маленькой шапочки – предмета домашнего туалета: «маленькая студенческая **шапочка**, едва прикрывавшая темя» [27, с. 38] – «...на голове **шапочка бархатная, вышитая золотом**» [21, с. 350]. В данном случае речь идет об *ермолке*. В XIX веке ермолка была домашним головным убором знатного человека. Ее носили, надевая только с халатом или шлафроком (домашним пиджаком). Также известна академическая ермолка – головной убор ученых, традиция носить который сохранялась вплоть до середины XX века (см. фотопортреты Н. Д. Зелинского, А. Ф. Лосева). Возникает вопрос: если ермолку носили в домашней обстановке, то почему же Абогин появляется в ней перед Кириловым? Можно предположить, что он либо впопыхах забыл снять ее, либо намеренно оставил, чтобы выставить напоказ свою принадлежность к университетской среде (из текста известно, что Абогин, вероятно, получал профессиональное музыкальное образование). Данный факт говорит о том, что он хотел казаться модным и преуспевающим. Стремление к успеху и довольству противопоставлено у Чехова бедности и обездоленности.

Заметим также, что светский лев – это человек, который не только тщательно следит за красотой внешнего вида, но и имеет манеры, отвечающие требованиям высшего света: «...чтобы быть **львом**, недостаточно хорошо одеваться, хорошо уметь жить, обманывать женщин, что, впрочем, главные львиные достоинства; но надо уметь властвовать над мнением» [21, с. 353].

Лев в рассказе В. А. Соллогуба старается казаться воспитанным и образованным. В общении с окружающими он обходителен и учтив. Речь его грамотна и выразительна, сопровождается жестами вежливости: « – Не можешь ли ты поехать со мной? Я недавно приехала и никого здесь, кроме тебя, не знаю. – **Очень рад**, отвечал лев, **почтительно подавая руку маске...** [21, с. 369]. *Лев* ведет умные разговоры и делает комплименты: «...мои размышления были прерваны **цицероновским красноречием** моего приятеля – льва, который возвращался в мою сторону с прежней маской и горячо о чем-то проповедывал» [21, с. 370]. Однако за обходительностью, красноречием и комплиментами кроется пустота, непрактичность, лицемерие и обман. Ради своих эгоистических желаний, забавы и удовольствия *лев* способен на сумасбродные поступки. Текст произведения сообщает, что он ухаживает за молодой привлекательной дворянкой и пытается ее соблазнить. Но интрига его не удастся. Он терпит неудачу. « – **Напрасно, говорил он: – вы думаете, что я люблю светских женщин. Они сами от себя отталкивают... в принужденной своей добродетели утешаются наружностью и выражениями порока**» [21, с. 370–371].

Таков и Абогин. В начале рассказа перед читателем предстает солидный мужчина, подчеркнута следящий за эстетикой внешнего вида и поведения, безупречными манерами, изысканностью и красотой речи. *В его осанке, в плотно застегнутом сюртуке, в гриве и в лице чувствовалось что-то благородное, львиное; ходил он, держа прямо голову и выпятив вперед грудь, говорил приятным баритоном, и в манерах, с какими он снимал свое кашне или поправлял волосы на голове, сквозило тонкое, почти женское изящество* [27, с. 38]. Обращаясь к доктору

Кирилову, он предельно вежлив: *Я – Абогин... имел удовольствие видеть вас летом у Гнучева. Очень рад, что застал...Бога ради, не откажите поехать сейчас со мной ...У меня опасно заболела жена... [27, с. 30]. «–Верьте, я сумею оценить ваше великодушие, – бормотал Абогин, подсаживая доктора в коляску» ... [27, с. 36]. Но по ходу развития сюжета выявляется эгоистичная сущность персонажа. Чтобы овладеть вниманием несчастного доктора, Абогин философствует по поводу человеколюбия, при этом он «полностью поглощен своими интересами, способен изъясняться только монологами, раскрывающими его собственные страдания» [22, с. 69]. Даже в тот момент, когда Абогин просит Кирилова поехать к заболевшей жене и сообщает о ее страданиях, он не забывает о своих: *«Я боялся не застать вас, <...> пока ехал к вам, исстрадался душой...» [27, с. 42].* Неспособность Абогина к сочувствию, черствость его натуры поддерживается прямой авторской характеристикой, которая реализуется путем использования качественных прилагательных и наречий, имеющих в своем составе префиксы *не-*, *без-* и содержащих сему 'мертвый': *бездушный, неуместно цветистый, ходульный* (ходульный = неестественный, пошлый, деланный). *«Абогин был искренен, но замечательно, какие бы фразы он ни говорил, все они выходили у него ходульными, бездушными, неуместно цветистыми и как будто даже оскорбляли и воздух докторской квартиры и умирающую где-то женщину» [27, с. 35].* Бесчувственность, равнодушие Абогина к Кирилову также передается благодаря использованию некоторых жестов: *– Доктор, я не истукан, отлично понимаю ваше положение...сочувствую вам! – сказал умоляющим голосом Абогин, прикладывая к своему кашне руку. – Но ведь я не за себя прошу... Умирает моя жена! [27, с. 34].* Слово сочетание *прикладывать руку к груди, к шее, к сердцу* представляет собой преобразованный фразеологический оборот *положа руку на сердце*, который имеет значение 'совершенно чистосердечно, откровенно, искренне'. В поведенческой характеристике героя А. П. Чехов использует его как знак отношения к собеседнику и как обозначение его собственного эмоционального состояния. Писатель намеренно заменяет слово *сердце* наименованием модного аксессуара *кашне*, показывая таким образом мнимость и поверхностность чувств персонажа.*

В конце рассказа между Абогиным и Кириловым вспыхивает ссора, в процессе которой поведение Абогина резко меняется – вежливый и учтивый господин превращается в злого и жестокого человека. Он своими действиями и словесно унижает, и оскорбляет собеседника: *«Абогин торопливо полез в боковой карман. Вытащил оттуда бумажник и, достав две бумажки, швырнул их на стол. – Вот вам за ваш визит! – сказал он, шевеля ноздрями. – вам заплачено! <...> Абогин и доктор стояли лицом к лицу и в гневе продолжали наносить друг другу незаслуженные оскорбления» [27, с. 42].* В этот момент проявляется его истинная сущность.

Описывая образ жизни Абогина, Чехов вводит в повествование незначительные, на первый взгляд, детали, указывающие на то, что герой рассказа – эгоистичный бездельник. Так, музыкальные инструменты – рояль и виолончель (знак принадлежности Абогина к музыкальной профессии) – являются лишь украшением роскошной гостиной, поскольку на них давно никто не играет: *«...доктор покосился*

на *футляр с виолончелью...*» [27, с. 42]. В диалоге с Кириловым Абогин сам говорит о себе: «для нее я пожертвовал всем: поссорился с родней, бросил службу и музыку...» [27, с. 40]. Подтверждением праздной и беспечной жизни аристократа являются и слова Кирилова, который сравнивает Абогина с каплуном, страдающим от ожирения: «...играйте на контрабасах и тромбонах, *жирейте как каплуны...*» [27, с. 41]. Это также делает рассказ созвучным с текстом Соллогуба, где автор по поводу образа жизни светского льва пишет: «лев большею частью чрезвычайно богат и тратит весь доход свой на все излишества жизни», «...он ничем почти не занимается и ни к чему не имеет наклонности» [21, с. 345].

Казалось бы, портретная характеристика Абогина (манеры, речевое поведение, физические характеристики) должна соответствовать человеку благородному, которому свойственны честь и достоинство. Однако, в ходе развития действия, перед нами предстает другой человек – эгоистичный и неискренний, потерявший достоинство и честь, человек бездушный с фальшивыми манерами.

ВЫВОДЫ

Итак, материал рассказа «Враги» убедительно демонстрирует наличие в прозе зрелого А. П. Чехова сложных интертекстуальных связей с художественной литературой предшествующей эпохи. Межтекстовые параллели, выраженные посредством деталей портрета, паралингвистических средств, а также жанровых особенностей сюжета позволяют проследить динамику культурного концепта «светский лев» в разные периоды русского литературного процесса (1830-е гг. и 1880-е гг. XIX в.).

Список литературы

1. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: КомКнига, 2006. – 144 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. – М.: «Русский язык». – Т. 2. – 2000. – 799 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. – М.: «Русский язык». – Т. 4. – 2000. – 683 с.
4. Дементьев В. В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория личности в лексике и прагматике. – М.: Глобал Ком, 2013. – 336 с.
5. Дементьев В. В. Речевые коммуникативные ценности в новых и новейших сферах русской речи. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2016. – 396 с.
6. Катаев В. Б. Литературные связи Чехова. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – 261 с.
7. Ключевский В. О. Курс русской истории. Сочинения в 9-ти т. – Т. 5, Ч. V. – М.: Мысль, 1989. – 469 с.
8. Кубасов А. В. Проза А. П. Чехова: искусство стилизации. – Екатеринбург: Изд-во Уральского педагогического института, 1998. – 397 с.
9. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – 1600 с.
10. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб: Искусство, 1994. – 399 с.
11. Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Пособие для учителя // Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. – СПб., 2003. – С. 472–762.

12. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. – Т. 2. – М.: НИ «Большая Российская энциклопедия», 1998. – 720 с.
13. *Набоков В. В.* Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». – СПб.: Искусство, 1998. – 925 с.
14. *Одоевский В. Ф.* Княжна Мими. Сочинения: в 2-х т. – Т. 2. – М.: Художественная литература, 1981. – 368 с.
15. *Петровская Н. И.* Интертекстуальные включения в эпических произведениях А. П. Чехова: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – Таганрог, 2006. – 197 с.
16. *Петракова Л. Г.* Художественная семантика межтекстовых связей в прозе А. П. Чехова: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – Воронеж, 2010. – 162 с.
17. *Полоцкая Э. А.* О поэтике Чехова. – М.: Наследие, 2001. – 240 с.
18. *Пушкин А. С.* Евгений Онегин. Собрание сочинений: в 10-ти т. – Т. 4. «Евгений Онегин». – М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1960. – 595 с.
19. *Рейтблат А. И.* Булгарин Ф. В. – писатель, журналист, театральный критик // Новое литературное обозрение. – Режим доступа: <https://books.google.ru/books?id=Q12HDwAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=falsehttps://books.google.ru/books?id=Q12HDwAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>. – (Дата обращения 01.02.25).
20. *Смирнов И. П.* Порождение интертекста: Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Л. Пастернака. – С-Петербургский. ун-т. – Изд. 2-е. – СПб.: Языковой центр СПбГУ, 1995. – 189 с.
21. *Соллогуб В. А.* Левь. Сочинения: в 5-ти т. Томь 1. – С.Петербург: Издание придворного книгопродавца А. Смирдина (сына), 1855. – 525 с.
22. *Степанов А. Д.* Проблемы коммуникации у Чехова. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 400 с.
23. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов: РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: «Азбуковник», 2008. – 1175 с.
24. Толковый словарь русского языка: в 4 т. – Т. 2: Л-О / под ред. Д. Н. Ушакова. – 1938 г. – М.: Русские словари, 1994. – 523с.
25. *Толстая Е. Д.* Поэтика раздражения: Чехов в конце 1880 – начале 1890-х годов. – Изд. 2-е. – М.: РГГУ, 2002. – 366 с.
26. *Фатеева Н. А.* Типология интертекстуальных элементов и межтекстовых связей в художественном тексте // Теория литературы. Том II. Произведение. – М.: ИМЛИ РАН, 2011. – С. 331–374.
27. *Чехов А. П.* Враги. Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. – Т. 6. – М.: Издательство «Наука», 1985. – 733 с.
28. *Чистова И.* Беллетристика и мемуары Владимира Соллогуба. – Режим доступа: <http://www://sollogub.lit-info.ru/sollogub/kritika>. – (Дата обращения 30.01.25).
29. *Шахматова, Т. С.* Традиции водевиля и мелодрамы в русской драматургии XX – начала XXI веков: дис. ...канд. филол. наук: 10.01.01. – Казань, 2009. – 210 с.

References

1. Galperin I. R. *Tekst Kak Ob'ekt Lingvisticheskogo Issledovaniya* [Text as an Object of Linguistic Research]. Moscow, KomKniga Publ., 2006. 144 p.
2. Dal V. I. *Tolkovyi slovar zhivogo velikoruskogo yazika* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Moscow, Russkiy yazik Publ., 2000, Vol. 2, 799 p.
3. Dal V. I. *Tolkovyi slovar zhivogo velikoruskogo yazika* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Moscow, Russkiy yazik Publ., 2000, Vol. 4. 683 p.

4. Demytyev V. V. *Kommunikativnyye Tsennosti Russkoi Kul'tury: Kategoriya Personal'nosti v Leksike i Pragmatike* [Communicative Values of Russian Culture: the Category of Personality in Language and Pragmatics]. Moscow, Global Kom Publ., 2013. 336 p.
5. Demytyev V. V. *Rechezhanrovyye Kommunikativnyye Tsennosti v Novykh i Noveishih Sferah Russkoi Rechi* [Speech Genres Communicative Values in New and Newest Areas of Russian Speech]. Saratov, Saratovskii universitet Publ., 2016. 396 p.
6. Kataev V. B. *Literaturniye Svyazi Chehova* [Chekhov's Literary Connections]. Moscow, Moskovskii Gosudarstvennii Universitet Publ., 1989. 261 p.
7. Kluchevskii V. O. *Kurs Russkoi Istorii* [The Course of Russian History]. Moscow, Mysl Publ., 1989, Vol. 5, Ch. 5. 469 p.
8. Kubasov A. V. *Proza A.P. Chehova: Iskusstvo Stilizatsii* [Anton. P. Chekhov's Prose: the Art of Stylization]. Ekaterinburg: Uralskii pedagogicheskii institute Publ., 1998. 397 p.
9. *Literaturnaya Enstiklopediya Terminov i Ponyatii* [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts]. Moscow, NPK "Intelvak" Publ., 2003. 1600 p.
10. Lotman Yu. M. *Besedy o Russkoi Kulture: Byt i Traditsii Russkogo Dvoryanstva (18 – nachalo 19 veka)* [Conversations about Russian Culture: Everyday Life and Traditions of the Russian Nobility (in the 18th century-early 19th century)]. Saint-Petersburg, Iskusstvo-Sankt-Peterburg Publ., 1994. 399 p.
11. Lotman Yu. M. *Roman A.S. Pushkina "Evgeniy Onegin": Kommentariy: Posobiye dla uchitelya. Stat'i i zametki; 1960 – 1990 "Evgeniy Onegin: Kommentarii* [Aleksandr. S. Pushkin's Novel "Eugene Onegin": Comment: Teacher's Guide. Articles and Notes 1960 – 1990]. Saint-Petersburg, 2003, pp. 472–762.
12. *Mify Narodov Mira. Enstiklopediya* [Myths of the Peoples of the World. Encyclopedia]. Moscow, Bol'shaya Rossiyskaya enstiklopediya Publ., 1998, Vol. 2. 720 p.
13. Nabokov V. V. *Komentariy k Romanu A.S. Pushkina "Evgeniy Onegin"* [Comment on the Novel by Alexander Pushkin "Eugene Onegin"]. Saint-Petersburg, Iskusstvo-Sankt-Peterburg Publ., 1998. 925 p.
14. Odoevskii V.F. *Knyazna Mimi* [Princess Mimi]. Moscow, Hudozhestvennaya literature Publ., 1981, Vol. 2. 368 p.
15. Petrovskaya N. I. *Intertekstualnyye Vklyucheniya v Epicheskikh Proizvedeniyah A.P. Chehova: Dis. ... kand. filol. nauk* [Intertextual Inclusions in the Epic Works of Anton P. Chekhov. Thesis]. Taganrog, 2006. 197 p.
16. Petrakova L. G. *Hudozhestvennaya Semantika Mezhtekstovykh Svyazei v Proze A.P. Chehova: Dis. ...Kand. Filol. Nauk* [Artistic Semantics of Intertextual Connections in Prose by Anton P. Chekhov. Thesis]. Voronezh, 2010. 162 p.
17. Polotsrfya E. A. *O Poetike Chehova* [On Chekhov's Poetics]. Moscow, Naslediye Publ., 2001. 240 p.
18. Pushkin A. S. *Evgeniy Onegin* [Evgeniy Onegin]. Moscow, Gosudarstvennoye Izdatelstvo Hudozestvennoy Literatury Publ., 1960, Vol. 4. 595 p.
19. Reitblat A. I. *Bulgarin F. V. – Pisatel', Dgurnalist, Teatral'nii Kritik* [F. V. Bulgarin – Writer, Journalist, Theater Critic]. Available from: <https://books.google.ru/books?id=Q12HDwAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=falsehttps://books.google.ru/books?id=Q12HDwAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (accessed 01 January 2025).
20. Smirnov I. P. *Porozhdeniye Interteksta: Elementy Intertekstualnogo Analiza s Primerami iz Tvorchestva B.L. Pasternaka* [Generation of intertext: elements of intertextual analysis with examples from the work of Boris L. Pasternak]. Saint-Petersburg, Yazykovoii Tsentri Sankt-Peterburgskogo Universiteta Publ., 1995. 189 p.
21. Sollogub V. A. *Lev* [Leo]. Saint-Petersburg, Pridvornii Knigoprodavets A. Smirdin (cyn) publ., 1855. Vol. 1. 525 p.
22. Stepanov A. D. *Problemy Kommunikatsii u Chehova* [The Problems of Communication in Chekhov]. Moscow, Yazyki Slavyanskoy Kultury Publ., 2005. 400 p.

23. *Tolkovyi Slovar Russkogo Jazyka s Vklucheniem Svedenii o Proishozhdeniyi Slovo* [The Explanatory Dictionary of the Russian language Inclusive Information About Origin of the Words Ed. by N. Y. Shvedova]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2008. 1175 p.
24. *Tolkovyi slovar' russkogo jazyka* [The Explanatory Dictionary of the Russian language] Ed. by D.N. Ushakova. Moscow, Russkiye slovari, 1994, Vol. 2. 523 p.
25. Tolstaya E. D. *Poetica razdrzheniya: Chehov v kontse 1880 – nachale 1890-h godov* [Poetics of irritation: Chekhov in the late 1880s and early 1890 s]. Moscow, Rossiiskii Gosudarstvennyi Gumanitarnyi Universitet Publ., 2002. 366 p.
26. Fateeva N. A. *Tipologiya Intertekstualnykh Elementov i Meztekstovykh Svyazei v Hudozhestvennom Tekste* [Typology of intertextual elements and intertextual connections in a literary text]. Teoriya literatury. Proizvedeniye. Moscow, IMLI RAN, 2011, Vol. 2, pp. 331–374.
27. Chehov A. P. *Vragi* [Enemies]. Moscow, Nauka Publ., 1985, Vol. 6. 733 p.
28. Chistova I. *Belletristika i Memuary Vladimira Solloguba* [Fiction and memoirs of Vladimir Sollogub]. Available from: <http://www://sollogub.lit-info.ru/sollogub/kritika> (accessed 30 January 2025).
29. Shahmatova T. S. *Tradiciyi Vodevilya i Melodramy v Russkoi Dramaturgii XX – Nachala XXI Vekov: Dis. ...Kand. Filol. Nauk* [Vaudeville and Melodrama Traditions in Russian Drama of the 20-early 21 centuries]. Kazan, 2009. 210 p.

INTERTEXTUAL PARALLELS IN ANTON P. CHEKHOV'S SHORT STORY “ENEMIES”

Elena A. Ponomarenko

In this article the author considers intertextual connections of Anton Chekhov's story "Enemies" with the work of the previous literary tradition – the story “Lev” (“The social Lion”) by Count Vladimir A. Sollogub. To identify intertextual connections, culturological information is used, and the concept of the European and Russian culture "social Lion" is analyzed. It is stated that the history of Russian literature demonstrates the fact that the "social Lion" as a typical image of a representative of the nobility is present on the pages of many works of belletristic literature up to the end of the 19th century. It is noted that the similarity of the short story "Enemies" with the story "The social Lion" is seen in the title, in the genre features of vaudeville, the storyline based on the confusion of intrigue, as well as at the level of description of the portrait of the main character. The quotations and allusions used by Anton Chekhov are not only involved in the psychological characterization of the character, but also form the narrative of the work. At the end of the article, it is concluded that the intertextual parallels expressed through portrait details, paralinguistic means, and genre features of the storyline allow us to trace the dynamics of the cultural concept of the "social lion" in different periods of the Russian literary process (1830s and 1880s of the XIX century).

Key words: intertextual parallels, “social lion”, genre features, storyline, portrait.

3. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

УДК 81'373.611

КВАЗИАББРЕВИАТУРНОЕ ГНЕЗДО ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ¹

Емельянова К. Ю.

*ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
Донецк, Российская Федерация
e-mail: kemelanova966@gmail.com*

Статья посвящена описанию квазиаббревиатурного гнезда эквивалентности. В работе обоснована необходимость введения понятия «квазиаббревиатурное гнездо эквивалентности», уточнено понятие «гнездо эквивалентности» и расширено понятие «гнездо псевдоэквивалентности». Квазиаббревиатурное гнездо эквивалентности рассматривается как совокупность единиц, сформированных в результате псевдоунивербализации и деривационно связанных с абброэквивалентной аббревиатурой и абброморфемной квазиаббревиатурой. В исследовании даются базовые положения синхронного анализа теории аббревиации Экспериментальной лаборатории исследований тенденций аббревиации, на основе которых формируется работа.

Ключевые слова: синхронный подход, гнездо эквивалентности, квазиаббревиатурное гнездо эквивалентности, гнездо псевдоэквивалентности, псевдоунивербализация, дешифровальный стимул.

ВВЕДЕНИЕ

Работа Экспериментальной лаборатории исследований тенденций аббревиации (далее – Лаборатория) при кафедре русского языка Донецкого государственного университета привела к расширению представлений о способах образования сложносокращённых слов. Традиционная модель *словосочетание* > *слово* дополнена и иначе репрезентирована в теории Лаборатории.

М. А. Ярмашевич утверждала, что «любое сокращение выступает сначала как вариант уже существующего слова или словосочетания» [11, с. 4], а В. В. Борисов писал о том, что «об аббревиации мы говорим тогда, когда в системе языка, в данный период его развития, сосуществуют полные и сокращённые формы» [1, с. 62]. В исследованиях Лаборатории было выдвинуто и доказано иное положение: «...большое количество слов, имеющих на синхронном срезе языка мотивационно связанные эквивалентные словосочетания, возникли не в результате универбализации этих словосочетаний, а по другим причинам: вследствие либо прямого присоединения абброконструкта к производящему слову, либо аббревиатурного калькирования иноязычного слова, либо сохранения абброконструкта в сложнопроизводном слове» [8, с. 79]. Эта идея лежит в основе диахронного подхода к анализу сложносокращённых слов. Она предполагает необходимость разработки моделей определения деривационного статуса сокращений / этимологизации аббревиатур. Другая идея связана с рассмотрением сложносокращённых слов на синхронном срезе языка: в этом случае определяются не деривационные, а мотивационные (эквивалентностные) отношения между сокращением и словосочетанием.

---

¹ Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX–XXI столетий в его региолектном и общезыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).

Актуальность данной работы заключается в необходимости расширения некоторых установившихся в теории аббревиации Лаборатории представлений об аббревиатурах в синхронии.

Целью предлагаемого исследования является введение и обоснование понятия «квазиаббревиатурное гнездо эквивалентности».

Материалом исследования стала картотека Толкового словаря сложносокращённых слов русского языка (далее – Словарь), собранная Лабораторией.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

В основу **синхронного подхода** положен анализ мотивационных отношений между сложносокращённым словом и его текстовыми эквивалентами. На основе данного подхода создаётся Словарь Лаборатории. Особенность Словаря заключается в том, что он, в отличие от всех остальных словарей сокращений (Большой словарь сокращений русского языка Sokr.Ru: <http://sokr.ru>; Словарь сокращений и аббревиатур: <https://sokrasheniya.academic.ru/> и т. д.), предусматривает включение всех словосочетаний, которые являются действительными эквивалентами сложносокращённых слов. Так, в Толковом словаре сложносокращённых слов русского языка представлено 6 текстовых эквивалентов аббревиатуры *энергоснабжение*: *снабжение электроэнергией, снабжение энергией, энергетическое снабжение, снабжение электрической энергией, снабжение энергоресурсами, снабжение энергоносителями*; в то время как в Большом словаре сокращений русского языка Sokr.Ru и в Словаре сокращений и аббревиатур представлен только один эквивалент данного сложносокращённого слова – *снабжение электроэнергией*.

Все обнаруженные текстовые эквиваленты сложносокращённого слова образуют его **гнездо эквивалентности** («совокупность единиц, прямо или опосредованно связанных деривационными отношениями с аббревиатурным словом» [7, с. 17]). Например, гнездо эквивалентности сложносокращённого слова *экоконтроль* образуют следующие словосочетания: *экологический контроль, контроль в области экологии, контроль экологии, контроль по экологии, контроль в сфере экологии, контроль экологии, контроль в области экологической безопасности, контроль в экологической сфере, контроль экологической безопасности, контроль в сфере экологической безопасности*.

Основным инструментом верификации эквивалентностных отношений выступает **текст**, общий для аббревиатуры и связанного с ней словосочетания. Различаются **три типа эквивалентных текстов**:

1) **Собственно эквивалентный текст**, то есть «один текст, в котором аббревиатура и её дублет используются для обозначения одного и того же референта» [9, с. 83]: *Авиабаза Фархор – военная авиационная база, расположенная недалеко от города Пархар (тадж. Фархор) в 130 километрах к юго-востоку от столицы Таджикистана Душанбе* (<https://ru.wikipedia.org/wiki/>) и т. д.;

2) **Параллельные эквивалентные тексты**, то есть «разные тексты, в которых аббревиатура и словосочетание используются для обозначения одного референта» [9, с. 83]: *По направлению Херсон Анталия можно купить билет на авиарейс с пересадками* (<http://aviapoisk.ua/bilet/dnepropetrovsk-antaliya>) – *Эмирейтс имеет*

право отказать Вам в перевозке или в транспортировке вашего багажа на любом рейсе (даже если Вы имеете на руках действительный **авиабилет** и посадочный талон) (<https://cdn.ek.aero/ru/russian/images/>) и т. д.;

3) **Условно эквивалентные тексты**, то есть «разные тексты, в которых аббревиатура и её эквиваленты имеют тождественное сигнификативное значение, но употребляются для обозначения разных референтов» [9, с. 84]: *Как доложил замгубернатора Томской области Игорь Шатурный, сейчас **авиагруппировка** в регионе насчитывает 13 воздушных судов, в том числе самолёт Бе-200, вертолёт Ми-26, пять вертолётов Ми-8* (<https://ria.ru/tomsk/20120727/497620671.html>) – *Авиационная группировка Сибирского регионального центра МЧС в Красноярске пополнилась тяжёлым транспортным самолётом Ил-76* (<https://www.aviaport.ru/digest/2017/04/10/434953.html?bb>) и т. д.

Существование нескольких текстовых эквивалентов свидетельствует о множественной текстовой трактовке сокращения. Например, *авиаагентом* может быть: 1) специалист, занимающийся авиабилетами (*агент по продаже авиабилетов, агент по бронированию и продаже авиабилетов*); 2) работник авиакомпании (*агент авиакомпании, авиационный агент*); 3) специалист по авиаперевозкам (*агент по авиаперевозкам, агент по организации обслуживания авиаперевозок*). При этом перечисленные «направления» не исключают друг друга: *авиаагент* может одновременно являться работником авиакомпании, заниматься авиабилетами и авиаперевозками.

Формирование множественной эквивалентности объясняется действием процесса **псевдоунивербализации**, под которым понимается «развёртывание аббревиатурного слова в словосочетание с тождественным значением» [7, с. 20]. Возникновение вторичных эквивалентов «обусловлено действием сложившегося в сознании носителей языка стереотипа: если в состав слова входит абброконструкт, этому слову должно соответствовать словосочетание, в котором должен присутствовать словесный эквивалент этого абброконструкта» [8, с. 79]. «Носитель языка попросту конструирует словосочетание, которое, по его мнению, должно быть источником для слова с абброконструктом» [8, с. 79].

Псевдоунивербализация «уравнивает» собственно аббревиатуры и квазиаббревиатуры.

Собственно аббревиатуры (**абброэквивалентные аббревиатуры**) – это сокращения, которые возникли в результате трансформации словосочетания в слово. Данный процесс определяется нами как **универбализация**. Помимо первичного словосочетания, у абброэквивалентной аббревиатуры под воздействием псевдоунивербализации может формироваться множественная эквивалентность. Например, аббревиатура *агробригада* имеет только первичное словосочетание *агрономическая бригада*, в то время как у аббревиатуры *агроинститут* формируется множественное гнездо эквивалентности, куда входит как первичное словосочетание *аграрный институт*, так и вторичные словосочетания *агрономический институт* и *агропромышленный институт*.

Квазиаббревиатуры (**абброморфемные квазиаббревиатуры**) – это сокращения, которые возникли в результате присоединения абброконструкта к слову и

трансформировались в словосочетание / словосочетания вследствие псевдоунивербализации. Данный процесс определяется нами как **квазиунивербализация**. Например, квазиаббревиатура *агроавиация* разворачивается в единственный эквивалент – *аграрная авиация*, в то время как квазиаббревиатура *агродепартамент* трансформируется в три словосочетания: *агропромышленный департамент*, *аграрный департамент*, *агрономический департамент*.

Как видно из примеров, процесс псевдоунивербализации нивелирует диахронный статус единиц, определяя оба типа сокращений в разряд собственно аббревиатур. Это позволяет включать в Словарь Лаборатории как аббревиатуры, так и квазиаббревиатуры. Словарь даёт возможность разграничения первичных и вторичных словосочетаний: в блоке эквивалентов каждой словарной статьи приводятся все частотные эквиваленты сложносокращённого слова, отмеченные в эквивалентных текстах. Текстовые эквиваленты располагаются по мере увеличения их баланса индексов. «Важной для словаря характеристикой является "баланс индексов" употребления сложносокращённого слова и его эквивалента, который определяется как частное от деления количества употреблений слова на количество употреблений эквивалентного словосочетания» [10, с. 22]. В Словарь включаются только те эквиваленты, баланс индексов которых не превышает 500. «Балансы индексов постоянно меняются – в сети появляются новые тексты и удаляются старые. Но амплитуда разновременных замеров индексов в большинстве случаев реализуется в пределах достаточно ограниченного числового расстояния. Поэтому в словаре даны не точные балансы, а реперные точки (оформление: цифра + двоеточие), представляющие собою отмеченные регулярные интервалы колебаний балансов» [10, с. 22].

В Словаре размещаются два блока реперных точек. Один объединяет эквиваленты, которые употребляются чаще слов (баланс индексов меньше 1). В данном блоке используется знак ◀. Другой блок содержит эквиваленты, употребляющиеся реже слов (баланс индексов больше 1). В этом случае используется знак ▶.

Например:

Академрисунок, -нка, м. То же, что *академработа* ◀ 0,1: *академический рисунок* ▶ 20: *академичный рисунок*.

Формальные показатели первичности / вторичности текстовых эквивалентов в Словаре – реперные точки и баланс индексов. В работах же Лаборатории нет терминологического разграничения словосочетаний по этому параметру. Понятие «гнездо эквивалентности» применяется как к собственно аббревиатурам, так и к квазиаббревиатурам, то есть на синхронном срезе языка (а «гнездо эквивалентности – это единица именно синхронии) обозначить разные по мотивации эквиваленты на данный момент нельзя. В силу этого считается необходимым введение понятия «квазиаббревиатурное гнездо эквивалентности» в терминологическую базу Лаборатории. Необходимость этого понятия также обусловлена тем, что в теории Лаборатории уже была осуществлена попытка разграничения разных по способу образования эквивалентов, результатом чего стало введение понятия **гнездо псевдоэквивалентности**, под которым понимается «совокупность единиц, которые

формально тождественны возможным эквивалентам сложносокращённого слова и которые формируют небинарную псевдоэквивалентность с абброаффиксоидной квазиаббревиатурой» [5, с. 9], где псевдоэквивалентность – «"фиктивное" тождество аббревиатурных слов соответствующим эквивалентам, основывающееся на номинативном несоответствии глосс» [5, с. 18], а абброаффиксоидные квазиаббревиатуры – сложносокращённые слова, которые не имеют действительных текстовых эквивалентов. Однако рассмотрение этих единиц на синхронном срезе языка возможно благодаря обнаружению псевдоэквивалентов («фиктивных» дублетов) и окказиональных эквивалентов (словосочетаний, употребляющихся меньше 500 раз в текстах интернет-пространства). При обнаружении этих единиц мы говорим о формировании гнезда псевдоэквивалентности. Например, гнездо псевдоэквивалентности формируется у сокращения *евроцит* (строительный материал): *европейский щит* (название типа щитов) и *щит Европы* (человек или страна, защищающие определённые территории).

Квазиаббревиатурное гнездо эквивалентности – совокупность единиц, сформированных в результате псевдоунивербализации и деривационно связанных с абброэквивалентной аббревиатурой и абброморфемной квазиаббревиатурой. Данное понятие имеет в своей основе явление псевдоунивербализации, поскольку определяется только на базе констатации наличия у слова вторичных эквивалентов. В силу этого предлагается рассматривать его не только в рамках абброморфемных квазиаббревиатур, но и в рамках абброэквивалентных аббревиатур. Например, абброэквивалентная аббревиатура *биопотенциал* имеет как первичное словосочетание-эквивалент *биологический потенциал*, так и вторичные текстовые эквиваленты *биоэнергетический потенциал*, *биоэлектрический потенциал*. Вторичные словосочетания образуют квазиаббревиатурное гнездо эквивалентности абброэквивалентной аббревиатуры *биопотенциал*. У абброморфемной квазиаббревиатуры *биоблок* квазиаббревиатурное гнездо эквивалентности образуют вторичные эквиваленты *блок биологической очистки*, *блок биологической загрузки*, *блок биохимической очистки*.

Внесение в терминологическую базу теории аббревиации Лаборатории понятия «квазиаббревиатурное гнездо эквивалентности» требует уточнения понятия «гнездо эквивалентности». В гнездо эквивалентности будут в этом случае входить только первичные словосочетания, которые стали источником для вторичных сокращений: формирование гнезда эквивалентности становится возможным только в рамках абброэквивалентных аббревиатур. Например, у аббревиатуры *биопроблема* были обнаружены три первичных эквивалентных словосочетания: *биологическая проблема*, *проблема в биологии*, *проблема биологии*. Какое из них стало основой для сокращения, необходимо доказать при помощи диахронного анализа, но в рамках синхронии мы отнесём эти словосочетания в гнездо эквивалентности. При этом у рассматриваемой аббревиатуры найдены также вторичные эквиваленты *биомедицинская проблема* и *биомеханическая проблема*, которые формируют квазиаббревиатурное гнездо эквивалентности.

Также считается необходимым расширить понятие «гнездо псевдоэквивалентности», в которое предлагается ввести не только псевдоэквиваленты и окказиональные эквиваленты абброаффиксоидных

квазиабревиатур, но и окказиональные эквиваленты абброэквивалентных аббревиатур и абброморфемных квазиабревиатур. О псевдоэквивалентах в рамках абброэквивалентных аббревиатур и абброморфемных квазиабревиатур мы не говорим, поскольку таких примеров обнаружено не было, но не исключена возможность их существования. Например, вторичные эквиваленты абброморфемной квазиабревиатуры *авиабилет* формируют квазиабревиатурное гнездо эквивалентности этого слова: *авиационный билет, билет на авиаперевозку, билет на авиарейс*. В то же время окказиональные эквиваленты рассматриваемого сокращения образуют его гнездо псевдоэквивалентности: *билет на авиацию* и *билет на авиационную перевозку*.

Появление квазиабревиатурных гнезд эквивалентности обусловлено влиянием на носителя языка **дешифровальных стимулов** – «стереотипных моделей расшифровки сложного слова» [6, с. 118]. Например, абброэквивалентная аббревиатура *веломагазин* была образована в результате универбализации (*велосипедный магазин* > *веломагазин*), то есть изначально у этого сокращения отмечается один первичный эквивалент, однако благодаря применению дешифровальных стимулов у этого слова формируется квазиабревиатурное гнездо эквивалентности, состоящее из 8 вторичных словосочетаний: *магазин велосипедов, магазин велотоваров, магазин по продаже велосипедов, магазин велозапчастей, магазин запчастей для велосипедов, магазин для велосипедистов, магазин велоаксессуаров, магазин запчастей для велосипеда*. Другой пример: абброморфемная квазиабревиатура *энергозависимость* появилась в результате присоединения абброконструкта *энерго-* к слову *зависимость* – *энергозависимость*. Далее вследствие псевдоунивербализации эта квазиабревиатура приобрела 10 вторичных текстовых эквивалентов: *энергетическая зависимость, зависимость от поставок электроэнергии, зависимость от энергии, зависимость от поставок энергоресурсов, зависимость от поставок энергоносителей, зависимость от поставок энергии, зависимость в сфере энергетики, зависимость в области энергетики, зависимость в энергетической сфере, зависимость от энергопоставок*. Вторичные эквиваленты, в отличие от первичного словосочетания, структурно и семантически усложняют аббревиатуру. В теории аббревиации Лаборатории уточняющие дешифровальные стимулы называются **интерпретативами**, а реализующие регулярную модель развёртывания слова – **репрезентативами** / **презентативами**: «ДС (дешифровальный стимул. – К. Е.) – это один из вариантов трактовки сложносокращённой единицы, и в зависимости от того, как образованный синтаксический эквивалент соотносится с ССС (сложносокращённым словом. – К. Е.): строго воспроизводит или усложняет его структуру, «калькирует» или модифицирует его семантику, – мы предлагаем выделять два типа ДС по результату его воплощения в текстовом эквиваленте – абсолютный (**репрезентатив**) и уточняющий (**интерпретатив**) [2, с. 52]. В последующих работах А. И. Бровца репрезентатив называется презентативом [3]. Этот термин будет использоваться и в данной работе.

Презентативный дешифровальный стимул наиболее предсказуемый, стереотипный. «Он является семантически универсальным, поскольку в условиях привативной оппозиции чаще всего выступает немаркированным её членом, в отличие от интерпретативных дешифровальных стимулов, производящих

грамматическую или лексическую интерпретацию абброконструкта» [3, с. 492]. Ср.: велоаллея – велосипедная аллея, велоаттракцион – велосипедный аттракцион, велобаза – велосипедная база, велозал – велосипедный зал, велокомната – велосипедная комната, велокомпания – велосипедная компания, веломагазин – велосипедный магазин и т. д.; энергетические активы – энергоактивы, энергетическая акция – энергоакция, энергетическая база – энергобаза, энергетическая безопасность – энергобезопасность, энергетический бонус – энергобонус, энергетический гигант – энергогигант и т. д.

«К интерпретативным дешифровальным стимулам относятся предложно-падежные формы существительных (релятивы: *бензопылесос — пылесос на бензине*) и словосочетания с дополнительным ономаσιологическим признаком, отсутствующим в аббревиатуре (модификативы: *авиашкола — авиатехническая школа*)» [3, с. 492]. Интерпретативные дешифровальные стимулы делятся на **релятивные**, «выраженные падежными и предложно-падежными формами и актуализирующие значения числа и падежа» [4, с. 246], и **модификативные**, «включающие значимые компоненты, отсутствующие в структуре аббревиатуры» [4, с. 246]. В рассмотренных квазиабревиатурных гнездах эквивалентности аббревиатуры *веломагазин* и квазиабревиатуры *энергозависимость* обнаруживаются как релятивные, так и модификативные интерпретативные дешифровальные стимулы:

- релятивные – *магазин велосипедов, магазин для велосипедистов* (2 единицы); *энергетическая зависимость, зависимость от энергии* (2 единицы);
- модификативные – *магазин велотоваров, магазин по продаже велосипедов, магазин велозапчастей, магазин запчастей для велосипедов, магазин велоаксессуаров, магазин запчастей для велосипеда* (6 единиц); *зависимость от поставок электроэнергии, зависимость от поставок энергоресурсов, зависимость от поставок энергоносителей, зависимость от поставок энергии, зависимость в сфере энергетики, зависимость в области энергетики, зависимость в энергетической сфере, зависимость от энергопоставок* (8 единиц).

Интересным представляется проведение сопоставительной характеристики словосочетаний в квазиабревиатурных гнездах эквивалентности по типам дешифровальных стимулов и по балансу индексов:

1) ► 10: *магазин велосипедов* (релятив); 30: *магазин велотоваров* (модификатив), *магазин по продаже велосипедов* (модификатив); 50: *магазин велозапчастей* (модификатив), *магазин запчастей для велосипедов* (модификатив); 60: *магазин для велосипедистов* (релятив); 400: *магазин велоаксессуаров* (модификатив); 500: *магазин запчастей для велосипеда* (модификатив);

2) ► 10: *энергетическая зависимость* (релятив), *зависимость от поставок электроэнергии* (модификатив), *зависимость от энергии* (релятив); 20: *зависимость от поставок энергоресурсов* (модификатив), *зависимость от поставок энергоносителей* (модификатив); 50: *зависимость от поставок энергии* (модификатив); 70: *зависимость в сфере энергетики* (модификатив), *зависимость в области энергетики* (модификатив), *зависимость в энергетической сфере* (модификатив); 100: *зависимость от энергопоставок* (модификатив).

Количество употреблений модификативных интерпретативных дешифровальных стимулов превышает количество употреблений релятивных интерпретативных дешифровальных стимулов. По мере увеличения баланса индексов чаще встречаются именно модификативные интерпретативные дешифровальные стимулы.

ВЫВОДЫ

Таким образом, введение понятия «квазиабревиатурное гнездо эквивалентности» позволяет избежать неточностей при работе с текстовыми эквивалентами сложносокращённого слова. Разграничение гнезд эквивалентности, квазиабревиатурных гнезд эквивалентности и гнезд псевдоэквивалентности расширит терминологическую базу теории аббревиации Экспериментальной лаборатории исследований тенденций аббревиации и позволит совместить элементы диахронного и синхронного подходов при анализе сложносокращённых слов. В дальнейших работах предполагается проведение обобщённого анализа разных квазиабревиатурных гнезд эквивалентности и выработка единой методики исследования этих аббревиатурных единиц.

Список литературы

1. *Борисов В. В.* Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках. – М.: Воениздат, 1972. – 320 с.
2. *Бровец А. И., Теркулов В. И.* Базовые типы дешифровальных стимулов в гнезде эквивалентности сложносокращённого слова // Наука и мир в языковом пространстве: Сб. научных трудов II Республиканской очно-заочной научной конференции (Макеевка, 23 ноября 2016 г.). – Макеевка: ФГБОУ ВО «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры», 2016. – С. 51–57.
3. *Бровец А. И.* Дешифровальный стимул сложносокращённого слова: к проблеме определения и описания // Русистика. – 2019. – Т. 17. – № 4. – С. 487–501.
4. *Бровец А. И.* Дешифровальный стимул аббревиатуры: когнитивная, диахронная и синхронная трактовки // Русский язык в поликультурном мире: Сб. научных статей III Международного симпозиума (Ялта, 08–12 июня 2019 г.). – Симферополь: Ариал, 2019. – С. 244–251.
5. *Емельянова К. Ю.* Абброаффиксоиды в русском языке // Конкурсная работа. – Донецк, 2018. – 32 с.
6. *Рязанова В. А.* Типология аббревиатурных групп: принципы и реализация // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – 2020. – № 1. – С. 114–122.
7. *Теркулов В. И.* Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации // Восточнославянская филология. Языкознание. – 2016. – № 3. – С. 13–25.
8. *Теркулов В. И.* Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2017. – № 6. – С. 73–97.
9. *Теркулов В. И.* Отношения эквивалентности в синхронном гнезде эквивалентности аббревиатуры // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2017. – № 9. – С. 82–87.
10. Толковый словарь сложносокращённых слов русского языка / под ред. В. И. Теркулова. – Донецк, 2024.
11. *Ярмашевич М. А.* Аббревиация в современных европейских языках: структурный, семантический и функциональный аспекты: Дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19. – Саратов, 2004. – 480 с.

References

1. Borisov V. V. *Abbreviatsiya i akronimiya. Voennye i nauchno-tehnicheskie sokrashcheniya v inostrannykh yazykakh* [Abbreviations and acronyms. Military and scientific-technical abbreviations in foreign languages]. Moscow, Voenizdat Publ., 1972. 320 p.
2. Brovets A. I., Terkulov V. I. *Bazovye tipy deshifroval'nykh stimulov v gnezde ehkvivalentnosti slozhnosokrashchennogo slova* [Basic types of decoding stimuli in the equivalence nest of a compound word]. *Nauka i mir v yazykovom prostranstve: Sb. nauchnykh trudov II Respublikanskoi ochno-zaochnoi nauchnoi konferentsii (Makeevka, 23 noyabrya 2016 goda)*. Makeyevka, Donbasskaya natsional'naya akademiya stroitel'stva i arkhitektury Publ., 2016, pp. 51–57.
3. Brovets A. I. *Deshifroval'nyi stimul slozhnosokrashchennogo slova: k probleme opredeleniya i opisaniya* [Decoding stimulus of a compound abbreviated word: on the problem of definition and description]. *Rusistika*, 2019, vol. 17, no. 4, pp. 487–501.
4. Brovets A. I. *Deshifroval'nyi stimul abbreviatury: kognitivnaya, diakhronnaya i sinkhronnaya traktovki* [Decoding stimulus of abbreviations: cognitive, diachronic and synchronic interpretations]. *Russkii yazyk v politikul'turnom mire: Sbornik nauchnykh statei III Mezhdunarodnogo simpoziuma (Yalta, 08–12 iyunya 2019)*. Simferopol, Arial Publ., 2019, pp. 244–251.
5. Emelyanova K. Yu. *Abbroaffiksoidy v russkom yazyke* [Abbroaffixoids in Russian]. *Konkursnaya rabota*, 2018. 32 p.
6. Ryazanova V. A. *Tipologiya abbreviaturnykh grupp: printsipy i realizatsiya* [Typology of abbreviation groups: principles and implementation]. *Vestnik Donetskogo natsional'nogo universiteta. Seriya D: Filologiya i psikhologiya*, 2020, no 1, pp. 114–122.
7. Terkulov V. I. *Materialy k slovaryu terminov Eksperimental'noi laboratorii issledovaniya tendentsii abbreviatsii* [Materials for the dictionary of terms of the Experimental Laboratory for the Study of Abbreviation Trends]. *Vostochnoslavianskaya filologiya. Yazykoznanie*, 2016, no 3, pp. 13–25.
8. Terkulov V. I. *Slozhnosokrashchennyye slova: sinkhronnyi i diakhronnyi aspekty opisaniya* [Compound words: synchronic and diachronic aspects of description]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*, 2017, no 6, pp. 73–97.
9. Terkulov V. I. *Otmosheniya ehkvivalentnosti v sinkhronnom gnezde ehkvivalentnosti abbreviatury* [Equivalence relations in the synchronous equivalence nest of the abbreviation]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2017, no 9, pp. 82–87.
10. *Tolkovyi slovar' slozhnosokrashchennykh slov russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of complex abbreviated words of the Russian language]. Ed. by V. I. Terkulov. Donetsk, 2024.
11. Yarmashevich M. A. *Abbreviatsiya v sovremennykh evropeiskikh yazykakh: strukturnyi, semanticheskii i funktsional'nyi aspekty*: Dis. ... dokt. filol. nauk [Abbreviation in modern European languages: structural, semantic and functional aspects. Thesis]. Saratov, 2004. 480 p.

QUASI-ABBREVIATION EQUIVALENCE NEST

Emelyanova K. Yu.

The article is devoted to the description of the quasi-abbreviation equivalence nest. The work substantiates the need to introduce the concept of a "quasi-abbreviation equivalence nest", clarifies the concept of an "equivalence nest" and expands the concept of a "pseudo-equivalence nest". A quasi-abbreviation equivalence nest is considered as a set of units formed as a result of pseudo-universalization and derivationally related to an abbreviation equivalent abbreviation and an abbreviated morphemic quasi-abbreviation. The study provides the basic concepts of the synchronous analysis of the abbreviation theory of the Experimental Laboratory for Research of Abbreviation Trends, on the basis of which the work is formed.

Keywords: synchronous approach, equivalence nest, quasi-abbreviation equivalence nest, pseudo-equivalence nest, pseudo-universalization, decoding stimulus.

УДК 811.161.1

ДИНАМИКА КОНЦЕПТА «ПАТРИОТИЗМ» В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Мусса М. А.

*Департамент медиакоммуникаций (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»,
Ставрополь, Российская Федерация
e-mail: mariam.moussa.1997@gmail.com*

Статья посвящена комплексному исследованию представленности структуры концепта «патриотизм» в современной лексикографической практике. Данная проблематика актуализирована в современной парадигме научных исследований в сфере политической лингвистики, лингвокультурологии, философии, социологии, политологии и др. областей знаний, что объясняется структурно-семантическими сдвигами в содержании понятия «патриотизм». В исследовании рассматривается содержание концепта «патриотизм», формируемого из когнитивных признаков нормативного значения слова, оттенков значения, узуальных и авторских смыслов. В результате анализа устанавливается, что кроме базовых понятийных признаков, совпадающих с семантическими компонентами в содержании слова «патриотизм» (такими, как любовь к родине и народу, готовность к ее защите, любовь к родине, свободная от ослепления и ксенофобии, отличающаяся от национализма), понятие «патриотизм» включает слои смысла, связанные с индивидуально-психологической сферой жизни субъекта, духовно-нравственной, социально-общественной, социокультурной, общественно-политической. Материал исследования подтверждает необходимость зафиксировать в современных лексикографических источниках новые компоненты смысла, развиваемые в современной практике функционирования концепта «патриотизм».

Ключевые слова: русская лингвокультура, лексикография, семантическая структура слова, концепт, патриотизм.

ВВЕДЕНИЕ

Для русской языковой картины мира и отечественной лингвокультуры концепт «патриотизм» имеет особое значение, поскольку он не только объединяет людей в общности национального самосознания, но также олицетворяет знаковую социальную доминанту, влияющую на поведение и мировоззрение человека [12, с. 120–131].

Исследование концепта «патриотизм» представляет интерес для различных областей знания, таких как история, философия, социология, политология, культурология, языкознание и др. В ходе таких исследований проясняются значения, ассоциации и семантические связи этого понятия в различных контекстах. Анализ различных трактовок понятия «патриотизм» позволяет утверждать, что это один из важнейших концептов, определяющих коллективную самоидентификацию людей, и его изучение позволяет лучше понять ценностные ориентации общества, его историю и перспективы развития [25, с. 4].

Актуальность рассматриваемой проблематики определяется включенностью в современную парадигму научных исследований в сфере лингвокультурологии, политической лингвистики и др. областей науки, а также потребностью осмысления изменений, происходящих в содержании понятия «патриотизм» в условиях современных трансформаций общества.

Цель работы заключается в комплексном исследовании структуры концепта «патриотизм» в современной лексикографической практике и его динамики в современной отечественной лингвокультуре.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Степень разработанности проблемы в науке

Название данного концепта происходит от древнегреческого корня (*πατριός* – «отеческий»), что говорит о его заимствовании из иной лингвокультуры. При внедрении в культуру чужих ментальных образований, основанных на культурном опыте, как отмечает В. И. Карасик, происходит их трансформация, причем некоторые из таких концептов со временем могут занимать в языке-реципиенте ключевые позиции, заполняя номинативные или ценностные пробелы [8, с. 13–15.]. К таким ментальным образованиям относится и концепт патриотизм.

В последние десятилетия в отечественной науке возрастает внимание к исследованию когнитивной структуры понятия «патриотизм». Она рассматривается в различных аспектах: философском, социологическом, политическом, филологическом, медиакоммуникационном, психолого-педагогическом и пр.

Так, с точки зрения социально-философского подхода понятие «патриотизм» рассматривается в трудах С. Ю. Ивановой (2004), А. П. Погорелова (2004), С. В. Слукина (2005), А. И. Туманова (2006), В. А. Минакова (2009), И. В. Наливайченко (2011), М. Х. Халимбековой (2012), И. А. Лукиновой (2013), Л. Х. Дзаховой, Т. О. Цахилова (2015), М. А. Абрамова (2018), З. В. Сикевич и А. А. Федоровой (2021), А. З. Адиева (2023), С. В. Расторгуева (2024) и др.

С точки зрения политической коммуникации концепт «патриотизм» рассматривается в работах Ю. И. Лаптевой (2007), Ю. П. Денисова (2009), Т. В. Беспаловой (2011), В. А. Калинина (2016), С. Ю. Рафалюк (2016), Ю. Н. Трифонова (2017, 2021), В. А. Середнева (2022), А. В. Моргун (2023), Е. В. Малышевой (2024), Н. П. Медведева, Д. Е. Слизовского (2024) и др.

В рамках филологических исследований рассматриваются различные аспекты содержания и функционирования концепта патриотизм в разных лингвокультурах. Сопоставительный анализ представленности данного концепта в отечественной и зарубежной речевой практике исследуется в работах Е. В. Декленко (2004), Е. В. Ноженко (2008), Т. А. Пашутиной (2009), Т. Л. Зенкова (2016), М. А. Новикова (2016), П. Д. Никитиной (2020), Т. Гао (2021), Л. П. Репиной (2022), Х. С. Шагбановой (2023), И. В. Фомкиной и К. Чжао (2024) и др.

Весомый вклад в исследование структурно-семантических и функциональных параметров концепта «патриотизм» в русском языке внесли такие ученые, как Т. Б. Радбиль, Н. В. Радбиль, Н. В. Наговицына. Так, в работах Н. В. Радбиль рассматриваются различные семантические и коннотативно-оценочные трансформации лексем-репрезентантов концепта «патриотизм» в современной русской речи [14]. В исследованиях Н. В. Наговицыной рассматриваются смысловое наполнение концепта «патриотизм» в русском языке и его различные трансформации, концептуально-метафорическое содержание лексемы «патриотизм»,

фразеологическая и паремиологическая репрезентация данного концепта в русской языковой картине мира, парадигматические, синтагматические и деривационные отношения лексемы «патриотизм» с другими лексическими единицами [11]. В исследованиях и Т. Б. Радбиль, и Н. В. Наговицыной значимое внимание уделено проблеме оценочного потенциала лексем-репрезентантов концепта «патриотизм» в русском языке [15]. Метафорические основания концепта «патриотизм» рассматриваются также в работах Ю. А. Мартыновой [10], И. В. Скрынниковой, Т. М. Пермяковой, Е. В. Поздеевой [17] и др.

Вербализация концепта «патриотизм» в русском языке (по данным лингвистических словарей)

Содержание концепта «патриотизм» формируется из когнитивных признаков – нормативного значения слова, оттенков значения, узуальных и авторских смыслов. Ядром концепта является лексема-репрезентант «патриотизм».

Рассмотрим представленность лексемы «патриотизм» в русской лексикографической практике.

В российской истории слово «патриот» появилось лишь в XVIII в. и было зафиксировано в письмах Алексея Романова I и в речи Петра I перед Полтавской битвой. До тех пор людей, любящих свою Родину и готовых пожертвовать своими интересами ради неё, называли соотечественниками, земляками, отчизнолюбцами, отечестволюбцами. Слово «патриотизм» вошло в русский язык позже, во времена Екатерины II, но до XIX века его употребление оставалось редкостью.

В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера слово «патриот» обозначено как позднее заимствование из немецкого “Patriot” (с XVI в.) или из французского “patriot” – сын отечества. Словарь определяет это понятие, как «сын отечества», «земляк, соотечественник» [23, с. 217].

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля слово «патриот» означает «любитель отечества, ревнитель о благе его, отчизнолюб, отечественник или отчизник», а слово «патриотизм» – «любовь к отчизне» [6, с. 24]. В словаре также приводятся определения «отеческий», «отний», «отчий», «отчинный» и впервые фиксируется слово «ура-патриотизм», которое трактуется как «ложный патриотизм».

Проанализируем содержание и структуру лексемы «патриотизм» на основе анализа толковых словарей современного русского языка. В Толковом словаре русского языка Д. Н. Ушакова значение лексемы «патриот» (от греч. *патри́ос* – земляк) толкуется как «человек, преданный своему народу, любящий свое отечество, готовый на жертвы и совершающий подвиги во имя интересов своей родины», а значение лексемы «патриотизм» как «любовь, преданность и привязанность к отечеству, своему народу» [21, с. 68]. Здесь же приводится с пометой «ироничное» фразеологизм «квасной патриотизм» – ‘упрямая, тупая приверженность к мелочам национального быта’. Данный фразеологизм вошел в оборот в 20-х годах XIX в. Д. Н. Ушаков фиксирует и производное слово «ура-патриотизм», который трактуется им как «ложный патриотизм» и имеет пометку употребления «презрительный». В словаре зафиксированы и производные лексемы «патриотичный» (‘проникнутый патриотизмом’), «патриотичность» (‘абстрактное к патриотичный’), «патриотический» (‘проникнутый патриотизмом’).

Толковый словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой сужает толкование концепта «патриотизм», устранив сему «привязанность»: «Патриотизм – это преданность и любовь к своему отечеству, к своему народу» [20, электронный ресурс].

Большой академический словарь русского языка представляет более расширенное толкование слова: «Патриотизм – это любовь к своему отечеству, преданность своему народу, готовность к любым жертвам и подвигам во имя интересов своей родины». Представлено в словаре и другое значение: «Преданность чему-либо, горячая любовь к чему-либо (своему делу, краю и т. п.)» [3, с. 481]. В словаре приводятся фразеологизмы «квасной патриот» и «квасной патриотизм» с таким толкованием 'восхваление всего своего (государственного, национального и т. п.), преклонение перед всеми формами жизни, быта своей страны, воспринимаемое как выражение подлинной любви к Отечеству (обычно с оттенком иронии или неодобрительно)' [3]. Кроме того, в словаре можно найти разговорную лексику «патриотствовать» ('подчеркнуто выражать, демонстрировать свой патриотизм, свои патриотические взгляды'), которая употребляется с оттенком иронии или неодобрения.

Словарь русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой (МАС) при толковании значения слова «патриотизм» на первое место выдвигается сема «любовь»: патриотизм – это «любовь к родине, преданность своему отечеству, своему народу». В словаре представлены такие синонимы, как верноподданничество, верноподданность, верноподданство, отчизнолюбие; великодержавник, верноподданный, джинго, отчизник, отчизнолюб, отчизнолюбец, ура-патриот. Антонимы – космополитизм, коллаборационизм [19, с. 33].

Большой толковый словарь русского языка С. А. Кузнецова уточняет дефиницию из МАС, подчеркивая, что патриотизм – это «любовь к отчизне, преданность своему отечеству, своему народу, выражающаяся в готовности отстаивать интересы родины»; «чувство гордости за принадлежность к какому-л. коллективу; приверженность к какому-л. месту и т. п.». Идиоматическое выражение «квасной патриотизм» трактуется как «восхваление всего своего, даже отсталых форм жизни и быта, и порицание всего чужого». Отметим у С. А. Кузнецова наличие термина «социал-патриотизм», который трактуется как «совокупность политических взглядов, основанных на сочетании патриотической идеологии и социалистических идей; общественное течение с таким уклоном». Из парадигматических элементов, которые не были упомянуты в рассмотренных нами словарях, выделим антонимическую пару «патриотический» – «антипатриотический» (в значении «направленный против своей родины, её народа. А. поступок. А-ая деятельность, политика») [4, электронный ресурс].

Новый толково-словообразовательный словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой расширяет значение лексики патриотизм:

1) «любовь к своему отечеству, преданность своему народу и ответственность перед ним, готовность к любым жертвам и подвигам во имя интересов своей Родины»;

2) разг. «преданность ч.-л., горячая любовь к ч.-л.» [7, электронный ресурс].

На основании анализа лексической структуры концепта патриотизм в толковых словарях русского языка, мы можем выделить несколько семантических компонентов в содержании данного слова:

- любовь к родине;
- преданность своему отечеству, своему народу;
- ответственность перед своей родиной и своим народом;
- готовность к любым жертвам и подвигам во имя интересов своей родины;
- разг. преданность ч.-л., горячая любовь к ч.-л.;
- привязанность к месту своего рождения, месту жительства;
- безусловное восхваление всего, что своё, «наше» (с отрицательной оценкой, в противопоставлении подлинному патриотизму).

Таким образом, рассмотрение толкования лексемы «патриотизм» в лингвистических словарях русского языка позволило выявить, что ядерными компонентами семантической структуры лексемы «патриотизм» являются любовь к родине; преданность своему отечеству, своему народу; ответственность перед своей родиной и своим народом.

Структура концепта «патриотизм» по данным энциклопедических словарей

Энциклопедические словари являются таким же важным источником для исследования структуры концепта «патриотизм», так как содержат обширное и систематизированное описание тем и понятий из различных областей знаний. Анализ понятия «патриотизм» по данным энциклопедических словарей позволяет выявить структуру данного понятия, его историю и динамику.

В «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» описывается, что патриотизм существует уже несколько тысячелетий и «превышает оседло-земледельческий стаж человечества, охватывая не только биологические и кровнородственные аспекты, но и духовные символы веры, идеологии и героизма предков». Словарь называет патриотизмом любовь к отечеству, которая является следствием сознания солидарности интересов граждан государства или нации [26, с. 36–38].

М. М. Скибицкий в Большой советской энциклопедии (1969–1986) определяет патриотизм как «любовь к отечеству, преданность ему, стремление своими действиями служить его интересам», а также «одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями обособленных отечеств». Автор статьи отмечает, что «исторически элементы П. в виде привязанности к родной земле, языку, традициям формируются уже в древности. В классовом обществе содержание П. становится классовым, ибо каждый класс выражает своё отношение к отечеству через присущие ему специфические интересы» [2].

Согласно «Большому энциклопедическому словарю» (1997), в котором уже нашли отражение процессы социального обновления российского общества в условиях постсоветского периода, понятие «патриотизм» определяется как «любовь к родине; привязанность к месту своего рождения, месту жительства» [5, с. 885].

«Большая российская энциклопедия», являющаяся новейшим, постоянно обновляющимся электронным изданием, описывающим экономику, историю, науку, искусство и другие важные аспекты мировой цивилизации, характеризует патриотизм как «осознанная любовь к родине, своему народу, его традициям». Данный источник объясняет предпосылки возникновения патриотизма, его историческое развитие, а также отличительные национальные особенности путём противопоставления патриотизму западному. «Если на Западе понятие “П.” широко используется в том же значении, что и понятие “национализм” (впрочем, Ш. де Голль, напр., подчёркивал, что он патриот, а не националист), то в России они по традиции оппонировали друг другу, приобретая аксиологические оттенки: П. имеет определённо положительный смысл, тогда как национализм (и особенно его крайняя форма – шовинизм) рассматривается в негативном плане как идеология, противопоставляющая народы и государства. В последнее время широкое распространение среди отеч. обществоведов получила идея «гражданского патриотизма», связанная с концепцией «российской гражданской нации»» [1].

Динамику понятия «патриотизм» в российском языковом сознании отражают и специальные словари, представляющие ракурсную интерпретацию понятий в соответствии с определенной предметной областью знаний. Так, Словарь военных терминов (1989) так раскрывает понятие «патриотизм»: «Патриотизм – это преданность своему отечеству, любовь к родине, стремление служить её интересам, защищать от врагов. Патриотизмом высшего типа является социалистический П., в котором воплощаются лучшие национальные традиции народа и беззаветная преданность идеалам социализма и коммунизма, сочетается верность своей родине с твёрдой поддержкой всего социалистического содружества, с борьбой трудящихся всех стран против империализма» [18].

В научно-справочном словаре «Политическая наука» (2010) патриотизм рассматривается как «эмоциональное отношение к родине, выражающееся в готовности служить ей и защищать ее от врагов; любовь к родине; привязанность к месту своего рождения, месту жительства» [13].

В Российской педагогической энциклопедии (1993–1999) понятие «патриотизма» определяется как «социально-политический и нравственный принцип, выражающий чувство любви к родине, заботу о ее интересах и готовность к ее защите от врагов» [16].

В Этнопсихологическом словаре В. Г. Крысько (1999) под патриотизмом понимается «сложное явление общественного сознания, связанное с любовью к Родине, Отечеству, своему народу, которое проявляется в виде социальных чувств, нравственных и политических принципов жизни и деятельности людей» [27, с. 204].

В Словаре-справочнике по культурологии (2009) под патриотизмом понимается «нравственный принцип, нравственная норма и нравственное чувство, возникшие еще на заре становления человечества и глубоко осмысленные уже античными теоретиками». Понятие патриот, по определению авторов словаря, обозначает человека, выражающего и реализующего в своих поступках глубокое чувство уважения и любви к родной стране, ее истории, культурным традициям, ее народу. Авторы утверждают, что «патриотизм вырастает из особенностей образа жизни и культурных традиций того или иного этноса, формируется в процессе овладения подрастающими поколениями языком и господствующими формами мышления,

нормами и эталонами культуры и закрепляется в определенных фиксированных установках поведения» [9, с. 463].

Анализ энциклопедических источников позволяет выявить структуру концепта «патриотизм» в русском языковом сознании, исходя из слоев смысла, составляющих понятие «сферы жизнедеятельности субъекта» (см. таблицу 1).

**Таблица 1. Структура концепта «патриотизм»
(по данным энциклопедических словарей)**

Базовые информационные слои концепта	Содержание
Индивидуально- психологическая сфера жизни субъекта	<ul style="list-style-type: none"> • одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками • привязанность к месту своего рождения, месту жительства, родной земле, роду, семье • эмоциональное отношение к родине, выражающееся в готовности служить ей и защищать ее от врагов
духовно- нравственная сфера жизни субъекта	<ul style="list-style-type: none"> • нравственный принцип, нравственная норма и нравственное чувство, возникшие еще на заре становления человечества и глубоко осмысленные теоретиками древности • любовь к родине и народу, преданность, осознанная в свете интеллектуальных и моральных потребностей общества; • ответственность перед страной, обязанность и добродетель
Социально- общественная сфера жизни субъекта	<ul style="list-style-type: none"> • неотъемлемая часть общественного сознания, связанная с любовью к Родине, Отечеству, своему народу • сложное явление общественного сознания, которое проявляется в виде социальных чувств, нравственных и политических принципов жизни и деятельности людей • любовь к отечеству, вытекающая из сознания солидарности интересов граждан данного государства или членов данной нации
Социокультурная сфера жизни субъекта	<ul style="list-style-type: none"> • любовь к своей культурной среде • гордость за прошлое и настоящее страны
Общественно- политическая сфера жизни субъекта	<ul style="list-style-type: none"> • социально-политический принцип, выражающий чувство любви к родине, заботу о ее интересах и готовность к ее защите от врагов

Сопоставляя семантические компоненты в содержании слова «патриотизм» и элементы соответствующего понятия, мы видим, что информация, передаваемая понятием, гораздо шире. Кроме базовых понятийных признаков, совпадающих с семантическими компонентами в содержании слова «патриотизм» (такими, как любовь к родине и народу, готовность к ее защите, любовь к родине, свободная от ослепления и ксенофобии, отличающаяся от национализма), понятие «патриотизм» включает слои смысла, связанные с индивидуально-психологической сферой жизни субъекта, духовно-нравственной, социально-общественной, социокультурной, общественно-политической.

В настоящее время в условиях нарастающей геополитической напряженности и необходимости противодействия угрозам суверенитету и национальной безопасности России в отечественной науке активно разрабатываются новые подходы к интерпретации содержания понятия патриотизм, которые пока не отражены в лексикографических источниках. В Указах Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» и от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» патриотизм назван в ряду ключевых традиционных российских духовно-нравственных ценностей: «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [22].

В рамках Проекта «ДНК России», направленного на вовлечение академического сообщества в учебно-методическое и научно-исследовательское сопровождение государственной политики в области просвещения, высшего образования и молодежной политики, было разработано обновленное содержание понятия патриотизм. На основании данных социологических и социолингвистических исследований учеными был сделан вывод о том, что такая ценностная доминанта, как патриотизм, включает, помимо ядерного смысла «любовь к Отечеству», смыслы, связанные с такими ценностными установками, как стремление идентифицировать себя с Родиной, связывать с ней свою жизнь, видеть в ней будущее своих детей; гордиться страной; понимать важность защиты целостности, суверенитета, независимости пути России [24, с. 9].

Таким образом, в ближайшее время стоит ожидать фиксирования в энциклопедическом описании понятия «патриотизм» новых векторов смысла: в слое «индивидуально-психологическая сфера жизни субъекта» – идентификация себя с Родиной, связывание с Родиной своего будущего и будущего своих детей; в слое «общественно-политическая сфера жизни субъекта» – осознание независимости пути страны, понимание важности защиты её целостности и суверенитета.

В перспективе дальнейшего изучения структурно-семантических сдвигов, происходящих в содержании концепта «патриотизм», будет продолжено исследование функционирования данного концепта в различных дискурсивных практиках, прежде всего в медиадискурсе.

ВЫВОДЫ

Таким образом, в современной науке актуализирована проблематика комплексного исследования структуры ключевого для российской ментальности концепта «патриотизм», его представленности в современной лексикографической практике и структурно-семантическими сдвигами, происходящими сегодня в содержании понятия «патриотизм» в условиях современных социально-политических трансформаций.

Для русской языковой картины мира рефлексия субъекта по отношению к своему Отечеству оказывается чрезвычайно важной, что определяет место концепта «патриотизм» в ряду ключевых концептов отечественной лингвокультуры. Исследование подтверждает, что этот концепт существенным образом влияет на самоидентификацию индивида и формирует его отношение к родной стране, истории, традициям и культуре.

Концепт «патриотизм» в русском языке представлен обширным лексико-семантическим полем слов, содержащих сему духовного чувства любви к Родине и народу (*патриот, патриотка, социал-патриотизм, ура-патриотизм, ура-патриот, национализм, националист, отчизнолюб, отечественник, отчизник, патриотичный, патриотичность, патриотический, патриотствовать* и др.). Именем концепта является номинация патриотизм. Ядром этого концепта мы считаем функционально-семантическое единство однокоренных слов *патриотизм – патриот // патриотка*. Отметим, что одна из важнейших характеристик патриотизма заключается в «любви к отечеству, своему народу»; при этом важно, что настоящий патриотизм не уживается с неприязнью к отдельным народностям.

В настоящее время в условиях социально-политических трансформаций происходит динамика концепта «патриотизм», в его структуре актуализируются новые векторы смысла, связанные с идентификацией себя с Родиной, осознанием независимости пути страны, пониманием важности защиты её целостности и суверенитета. Важно зафиксировать эти смыслы в современной лексикографической практике.

Список литературы

1. Большая Российская энциклопедия. В 30 т. Т. 25 / науч.-ред. совет: пред. Ю. С. Осипов и др. – М.: Большая Рос. энцикл., 2005–2014. – 764 с. – Режим доступа: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/2324213>. – (Дата обращения: 23.01.2025).
2. Большая советская энциклопедия. В 30-ти т. Т. 19. – М.: Советская энциклопедия, 1969–1986, 1975. 648 с. – Режим доступа: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/087/435.htm>. – (Дата обращения: 23.01.2025).
3. Большой академический словарь русского языка. Т. 15. / Герд А. – СПб.: Наука, 2011. – 612 с.
4. Большой толковый словарь русского языка: А-Я / РАН. Ин-т лингвистических исследований; Сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1534 с. – Режим доступа: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar>. – (Дата обращения: 23.01.2025).
5. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – М., СПб.: Большая Рос. Энцикл., Норинт, 1997. – 1456 с.
6. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 3. – СПб.: Диамант, 1996.– 688 с.

7. *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Т. 2. – М.: Русский язык, 2000. – 1084 с. – Режим доступа: <https://efremova.slovaronline.com/67189-PATRIOTIZM>. – (Дата обращения: 23.01.2025).
8. *Карасик В. И., Слышкин Г. Г.* Базовые характеристики лингвокультурных концептов // Антология концептов. Т. I. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 13–15.
9. *Культурология : словарь-справочник / Н. В. Шишова, Д. В. Волкова, А. Ю. Новиков, И. В. Топчий.* – Ростов-на-Дону: Феникс, 2009. – 596 с.
10. *Мартынова Ю. А.* Метафорические основания российского патриотического дискурса // Известия Саратовского университета. – 2011. – Т. 11. – Сер. Социология. Политология. – Вып. 1. – С. 93–97.
11. *Наговицына Н. В.* Смысловое наполнение концепта «патриотизм» и его языковая объективация в современной русской речи: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Нижний Новгород, 2021. – 210 с.
12. *Наговицына Н. В.* Языковое воплощение концепта патриотизм в современном русском языковом сознании (по данным цепочечного ассоциативного эксперимента) // Научный диалог. – 2017. – № 11. – С. 120–131.
13. *Политическая наука: Словарь-справочник / Сост. И. И. Санжаревский.* – 2010. – Режим доступа: <http://niv.ru/doc/dictionary/political-science/fc/slovar-207-1.htm#zag-1830>. – (Дата обращения: 23.01.2025). – Режим доступа: <http://niv.ru/doc/dictionary/political-science/fc/slovar-207-1.htm#zag-1830>. – (Дата обращения: 23.01.2025).
14. *Радбиль Н. В.* Семантические и коннотативно-оценочные трансформации лексем – репрезентантов концепта «патриотизм» в русской речи: слово «патриотка» // Дискурсивные практики в цифровую эпоху: традиции и инновации. – Нижний Новгород, 2024. – С. 218–225.
15. *Радбиль Т. Б., Наговицына Н. В.* Новые явления в лексической объективации концепта «патриотизм» в современной русской речи: лингвокультурологический аспект // Язык, культура, творчество в трансдисциплинарном измерении: традиции и инновации: тезисы докладов международной научной конференции, приуроченной к 90-летию со дня рождения проф. В. Н. Телия и 100-летию Белорусского государственного университета. – Минск: БГУ, 2021. – С. 148–150.
16. *Российская педагогическая энциклопедия : В 2 т. Т. 2 / Ред. кол. В. В. Давыдов (гл. ред.) и др.* – М.: Большая Рос. энцикл., 1993–1999, 1999. – 669 с. – Режим доступа: <http://www.otrok.ru/teach/enc/index.html>. – (Дата обращения: 23.01.2025).
17. *Скрынникова И.В., Пермякова Т.М., Поздеева Е.В.* Спорные метафоры русского патриотизма // Когнитивные исследования языка. – 2021. – № 3. – С. 314–318.
18. *Словарь военных терминов / Сост. А. М. Плехов; ред. С. Г. Шапкин.* – М.: Воениздат. 1989. – 335 с. – Режим доступа: <https://rus-military-terms-dict.slovaronline.com/1660-Патриотизм>. – (Дата обращения: 23.01.2025).
19. *Словарь русского языка. В 4-х т. Т. 3. П–Р. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой.* – 3-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1987. – 752 с.
20. *Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова.* – М.: Азбуковник, 1997. – 944 с. – Режим доступа: <https://ozhegov.info/slovar/?q=патриотизм>. – (Дата обращения: 23.01.2025).
21. *Толковый словарь русского языка. В 4-х тт. Т. 3 / Под ред. Д. Н. Ушакова.* – М.: Советская энциклопедия: ОГИЗ, 1935–1940. – 712 с.
22. *Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»* – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/. – (Дата обращения: 23.01.2025).
23. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3. – М.: Прогресс, 1987. – 832 с.

24. Харичев А. Д., Шутов А. Ю., Полосин А. В., Соколова Е. Н. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации) // Журнал политических исследований. 2022. – Т. 6. – № 3. – С. 9–19.
25. Щетинина А. В. Идеографический словарь русской социальной лексики: государство, власть, внутренняя политика. – Екатеринбург: Ажур, 2018. – 768 с.
26. Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. XXIII (45). – СПб.: Семеновская Типолиитография (И.А. Ефрона), 1898. – 487 с. – С. 36–38.
27. Этнопсихологический словарь / Г. Н. Волков, В. М. Григорьев, Н. В. Данилов и др. Под ред. В. Г. Крысько. – М.: Московский психолого-социальный институт, 1999. – 342 с.

References

1. *Bol'shaja Rossijskaja enciklopedija* [The Great Russian Encyclopedia]. In 30 vol., vol. 25. Ed. by Ju. S. Osipov, et al. Moscow, Bol'shaja rosijskaja enciklopedija Publ., 2005–2014. 764 p. Available from: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/2324213> (accessed 23 January 2025).
2. *Bol'shaja sovetskaja enciklopedija* [The Great Soviet Encyclopedia]. In 30 vol. Mol. 19. Moscow, Sovetskaja enciklopedija Publ., 1969–1986, 1975. 648 p. Available from: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/087/435.htm> (accessed 23 January 2025).
3. *Bol'shoj akademicheskij slovar' russkogo jazyka* [The Great Academic Dictionary of the Russian Language]. Vol. 15. St. Petersburg, Nauka Publ., 2011. 612 p.
4. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka*. [The Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. RAS. Institute of Linguistic Research. Ed. by S. A. Kuznecov. St. Petersburg, Norint Publ., 1998. 1534 p. Available from: <https://gramota.ru/biblioteka/slovary/bolshoj-tolkovyy-slovar> (accessed 23 January 2025).
5. *Bol'shoj enciklopedicheskij slovar'* [The Great Encyclopedic Dictionary]. Ed. by A. M. Prohorov. Moscow, St. Petersburg, Bol'shaja rosijskaja enciklopedija Publ., Norint Publ., 1997. 1456 p.
6. Dal' V. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 3. St. Petersburg, Diamant Publ., 1996. 688 p.
7. Efremova T. F. *Novyj slovar' russkogo jazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj* [New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and Word-Formation]. Vol. 2. Moscow, Russkij jazyk Publ., 2000. 1084 p. Available from: <https://efremova.slovaronline.com/67189-PATRIOTIZM> (accessed 23 January 2025).
8. Karasik V. I., Slyshkin G. G. *Bazovye harakteristiki lingvokul'turnyh konceptov* [Basic characteristics of linguocultural concepts]. *Antologija konceptov*. Vol. I. Volgograd, Paradigma Publ., 2005, pp. 13–15.
9. *Kul'turologija: slovar'-spravochnik* [Culturology: dictionary-reference book]. Comp. by N. V. Shishova, D. V. Volkova, A. Ju. Novikov, I. V. Topchij. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2009. 596 p.
10. Martynova Ju. A. *Metaforicheskie osnovanija rossijskogo patrioticheskogo diskursa* [Metaphorical foundations of Russian patriotic discourse]. *Izvestija Saratovskogo universiteta*, 2011, Vol. 11, Ser. Sociologija. Politologija, no. 1, pp. 93–97.
11. Nagovicyna N. V. *Smyslovoe napolnenie koncepta «patriotizm» i ego jazykovaja ob'ektivacija v sovremennoj russoj rechi: Dis. ... kand. filol. nauk* [Semantic content of the concept "patriotism" and its linguistic objectification in modern Russian speech. Thesis]. Nizhny Novgorod, 2021. 210 p.
12. Nagovicyna N. V. *Jazykovoje voploshhenie koncepta patriotizm v sovremennom russkom jazykovom soznanii (po dannym cepochechnogo associativnogo jeksperimenta)* [Linguistic embodiment of the concept of patriotism in modern Russian linguistic consciousness (according to the chain associative experiment)]. *Nauchnyj dialog*, 2017, no. 11, pp. 120–131.

13. *Politicheskaja nauka: Slovar'-spravochnik* [Political Science: Dictionary-Reference]. Ed. by I. I. Sanzharevskij. 2010. Available from: <http://niv.ru/doc/dictionary/political-science/fc/slovar-207-1.htm#zag-1830> (accessed 23 January 2025).
14. Radbil' N. V. *Semanticheskie i konnotativno-ocenochnye transformacii leksem – reprezentantov koncepta «patriotizm» v russkoj rechi: slovo «patriotka»* [Semantic and connotative-evaluative transformations of lexemes - representatives of the concept "patriotism" in Russian speech: the word "patriotka"]. *Diskursivnye praktiki v cifrovuju jepohu: tradicii i innovacii*. Nizhny Novgorod, 2024, pp. 218–225.
15. Radbil' T. B., Nagovicyna N. V. *Novye javlenija v leksicheskoj ob#ektivacii koncepta «patriotizm» v sovremennoj russkoj rechi: lingvokul'turologicheskij aspekt* [New phenomena in the lexical objectification of the concept "patriotism" in modern Russian speech: linguocultural aspect]. *Jazyk, kul'tura, tvorcestvo v transdisciplinarnom izmerenii: tradicii i innovacii*. Minsk, Belorusskij gosudarstvennyj universitet Publ., 2021, pp. 148–150.
16. *Rossijskaja pedagogicheskaja enciklopedija* [Russian Pedagogical Encyclopedia]: In 2 vol. Vol. 2. Moscow, Bol'shaja rossijskaja enciklopedija Publ., 1993–1999, 1999. 669 p. Available from: <http://www.otrok.ru/teach/enc/index.html> (accessed 23 January 2025).
17. Skrynnikova I. V., Permjakova T. M., Pozdeeva E. V. *Spornye metafory rossijskogo patriotizma* [Contested Metaphors of the Russian Patriotic Discourse]. *Kognitivnye issledovanija jazyka*, 2021, no. 3, pp. 314–318.
18. *Slovar' voennyh terminov* [Dictionary of military terms]. Compiled by A. M. Plehov, Ed. by S. G. Shapkin. Moscow, Voenizdat Publ., 1989. 335 p. Available from: <https://rus-military-terms-dict.slovaronline.com/1660-Патриотизм> (accessed 23 January 2025).
19. *Slovar' russkogo jazyka* [Dictionary of the Russian language]. USSR Academy of Sciences, Institute of Russian Language. In 4 vol., vol. 3. Ed. by A. P. Evgen'eva. Moscow, Russkij jazyk Publ., 1987. 752 p.
20. *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Ed. by S. I. Ozhegov, N. Ju. Shvedova. Moscow, Azbukovnik Publ., 1997. 944 p. Available from: <https://ozhegov.info/slovar/?q=патриотизмС> (accessed 23 January 2025).
21. *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. In 4 vol. Vol. 3. Ed. by D. N. Ushakov. Moscow, Sovetskaja enciklopedija OGIZ Publ., 1935–1940. 712 p.
22. *Ukaz Prezidenta RF ot 9 nojabrja 2022 g. № 809 «Ob utverzhenii Osnov gosudarstvennoj politiki po sohraneniju i ukrepleniju tradicionnyh rossijskih duhovno-nravstvennyh cennostej»* [Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 No. 809 "On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values"]. Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (accessed 23 January 2025).
23. Fasmer M. *Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. In 4 vol., vol. 3. Moscow, Progress Publ., 1987. 832 p.
24. Harichev A. D., Shutov A. Ju., Polosin A. V., Sokolova E. N. *Vosprijatie bazovyh cennostej, faktorov i struktur social'no-istoricheskogo razvitija Rossii (po materialam issledovanij i aprobacii)* [Perception of Basic Values, Factors and Structures of the Socio-Historical Development of Russia (Based on Research and Testing)]. *Zhurnal politicheskijh issledovanij*, 2022, vol. 6, no. 3, pp. 9–19.
25. Shhetinina A. V. *Ideograficheskij slovar' russkoj social'noj leksiki: gosudarstvo, vlast', vnutrennjaja politika* [Ideographic dictionary of Russian social vocabulary: state, power, domestic policy]. Yekaterinburg, Azhur Publ., 2018. 768 p.
26. *Entsiklopedicheskij slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Ed. by F. A. Brockhaus, I. A. Efron. Vol. XXIII (45). St. Petersburg, Semenovskaya Typographical Museum (I. A. Efron), 1898. 487 p.
27. *Jetnopsihologicheskij slovar'* [Ethnopsychological dictionary]. Compiled by G. N. Volkov, V. M. Grigor'ev, N. V. Danilov, et al. Ed. by V. G. Krys'ko. Moscow, Moskovskij psihologo-social'nyj institut Publ., 1999. 342 p.

**DYNAMICS OF THE CONCEPT OF "PATRIOTISM"
IN RUSSIAN LINGUISTIC CULTURE**

Moussa M. A.

The article is devoted to a comprehensive study of the structure of the key concept of the Russian mentality "patriotism" in modern lexicographic practice and its dynamics in the domestic linguaculture. This issue is relevant in the modern paradigm of scientific research in the field of political linguistics, linguacultural studies, philosophy, sociology, political science and other areas of knowledge, which is explained by structural and semantic shifts in the content of the concept of "patriotism" in the context of modern socio-political transformations. The work considers issues related to the degree of elaboration of the problem in various branches of science, the processes of verbalization of the concept of "patriotism" in the Russian language, the representation of the structure of the concept of "patriotism" in the domestic lexicographic practice. The study examines the content of the concept of "patriotism", formed from the cognitive features of the normative meaning of the word, shades of meaning, usual and author's meanings. As a result of the analysis, it is established that in addition to the basic conceptual features that coincide with the semantic components in the content of the word "patriotism" (such as love for the homeland and people, readiness to defend it, love for the homeland, free from blindness and xenophobia, different from nationalism), the concept of "patriotism" includes layers of meaning associated with the individual-psychological sphere of the subject's life, spiritual-moral, socio-public, socio-cultural, socio-political. The research material confirms the need to record in modern lexicographic sources new components of meaning developed in the modern practice of the functioning of the concept of "patriotism".

Keywords: Russian linguistic culture, lexicography, semantic structure of the word, concept, patriotism.

УДК 81.26 347.78.034

ВЛИЯНИЕ КОНТЕКСТУАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ НА ПЕРЕВОД ТЕКСТА

Седина И. В., Вехова Е. А.

*ФГБОУ ВО «Мордовский государственный
университет имени Н. П. Огарёва», Саранск, Российская Федерация
e-mail: sedina64@yandex.ru; norkina.elena@bk.ru*

В данной статье предлагается относительно краткое изложение теории релевантности и ее связи с переводом в сфере прагматики. В ней вводится понятие текста и то, как он выполняет перформативную функцию для своих реципиентов, будь то устный или письменный текст, раскрывается задача, которую должен выполнить переводчик, заключающаяся в выявлении иллокутивного акта и перлокутивных эффектов исходного текста, а затем в попытке воспроизвести их в целевом тексте. Статья затрагивает концепцию оптимальной релевантности, касается различных вариантов использования языка в соответствии с теорией релевантности с наглядной демонстрацией перевода как интерпретативного использования языка. Кроме того, в статье рассматривается прагматический аспект перевода, и приводится утверждение о том, что, хотя переводчик, согласно теории релевантности, должен воспроизвести текст перевода (ТП), который может представлять собой точную передачу исходного текста (ИТ), переводчик, тем не менее, должен придать переведенному тексту релевантности для целевого читателя.

Ключевые слова: коммуникация, понимание контекстуальной информации, интерпретация, теория релевантности, перевод, целевой текст, целевой язык, текст перевода.

ВВЕДЕНИЕ

Во всех видах коммуникации решающее значение имеют элементы кодирования, передачи и декодирования, однако в соответствии с теорией релевантности очень важно делать соответствующие выводы из текущего контекста. Для полного понимания точного значения конкретного высказывания не всегда достаточно семантического содержания, поскольку значение этого высказывания может зависеть от контекстуальных особенностей, с которыми данное высказывание логически связано. Успех в процессе коммуникации зависит от того, опирается ли получатель сообщения на заданный контекст, задуманный говорящим. Если участник коммуникации игнорирует контекстуальную информацию, то существует риск возникновения недопонимания. Перевод как коммуникативный акт предполагает интерпретацию, осуществляемую переводчиком с учетом понимания читателем контекста целевого текста (ЦТ) и фоновых знаний целевой аудитории. В данной статье приведено утверждение о том, что, хотя переводчик, согласно теории релевантности, должен воспроизвести текст перевода (ТП), который может представлять собой точную передачу исходного текста (ИТ), переводчик, тем не менее, должен придать переведенному тексту релевантности для целевого читателя. Это во многих случаях может потребовать применения определенных манипуляций, вносящих пояснения в ТП, чтобы снабдить целевого читателя соответствующей контекстуальной информацией, необходимой для того, чтобы получатель сообщения мог сделать соответствующие выводы из соответствующего высказывания и, следовательно, мог правильно интерпретировать ТП. Такие изменения должны быть добавлены в текст перевода, поскольку та контекстуальная информация, которая может быть воспринята читателем текста оригинала (ТО), может быть недоступна для понимания из-за когнитивных и культурных различий.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Перевод как коммуникативный акт предполагает интерпретацию, осуществляемую переводчиком с учетом понимания контекста целевого текста читателем и фоновых знаний получателя сообщения. Интерпретация текста переводчиком осуществляется таким образом, который будет передавать релевантность текста для целевого читателя в соответствии с теорией релевантности. Так, И. Мейсон утверждает, что перевод считается коммуникативным актом, который включает в себя как исходный, так и рецепторный тексты, которые рассматриваются как имеющие одинаковые релевантные намерения, когда их пользователи предполагают и делают вывод о значении определенного высказывания [9, с. 170]. Д. Спербер и Д. Уилсон придерживаются мнения, что коммуникация включает представление о том, что передаваемая информация актуальна для адресата, поскольку внимание в коммуникации уделяется только важным для нас деталям. Далее ученые утверждают, что релевантность новой информации для адресата может быть оценена в свете того, как эта релевантность отражает передаваемое сообщение, например через призму понимания нашей реальности [12, с. 103]. Данную мысль подтверждает М. Бейкер, который утверждает, что приемлемость того или иного текста оценивается не по его контекстуальному соответствию информации о реальном положении дел в мире, а на основе однородности и актуальности сообщения для получателя [1, с. 232].

Согласно теории релевантности, контекст конкретного высказывания рассматривается как «психологическая конструкция», которая считается частью предположений слушателя об окружающей его действительности. Задача слушателя/читателя состоит в том, чтобы создать модель предполагаемого значения высказывания или текста, передаваемого говорящим/писателем. Получатели сообщения должны создать модель, которая согласуется с указаниями, понятными из речи или текста, и тем, что слушатель/читатель знает об окружающей его действительности. Другими словами, Хатим и Мейсон проводят различие между «текстовым/представленным знанием» и «мировым знанием» [4, с. 92]. В том же духе Ларсон придерживается мнения, что количество деталей, содержащихся в конкретном тексте, устном или письменном, в первую очередь зависит от объема общих знаний между говорящим/пишущим и получателем [6, с. 43].

Говоря об исследованиях в переводе, стоит отметить, что образы, которые ситуативно вызываются или выводятся для читателя исходного текста, могут никогда не сформировать то же самое впечатление для читателя целевого текста. Находясь под влиянием различных когнитивных и культурных условий, читатели как исходного, так и целевого текстов не в равной степени способны выполнять задачу равного для обоих восприятия [4, с. 93]. Данную идею поддерживает Ларсон, утверждающий, что всегда возможно, что конкретный человек, читая письменный материал о другой культуре, не понимает огромного количества деталей, поскольку эта информация была опущена или подразумевается в соответствующем тексте [6, с. 46]. Однако от переводчика как воспроизводителя текста требуется установить баланс между новыми, вызываемыми и выводимыми образами до такой степени, что их комбинация позволяет слушателю/читателю сделать соответствующий вывод, задуманный говорящим/писателем. Данный баланс должным образом

поддерживается за счет принципа эффективности, который в основном заключается в достижении максимальной передачи соответствующих деталей или достижения коммуникативных целей и эффективности, которая в первую очередь заключается в выполнении рассматриваемой задачи с минимальными усилиями.

Опираясь на тот факт, что текст может быть либо произнесен, либо написан при условии, что он создает логически связанное единство, крайне важно обратиться к понятию текста, поскольку оно охватывает как устные высказывания, так и письменные слова. Переводоведы выделили ряд функций, которые должен выполнять текст по отношению к основной функции языка. Ряд лингвистов в области прагматики и системного подхода утверждает, что, когда происходит написание определенного текста, а затем его публикация, он выполняет перформативную функцию, которая может иметь как иллокутивный, так и перлокутивный эффекты. То же самое утверждение может относиться к устному тексту в том смысле, что, когда произносится конкретная речь, она может выполнять перформативную функцию, которая, в свою очередь, также имеет как иллокутивный, так и перлокутивный эффекты на слушателей [13; 8; 5].

В сфере перевода прагматическая теория не может быть применима без теории текстового акта, поскольку и переводчики, и теоретики должны найти и полностью понять воздействие предполагаемых эффектов оригинальных текстов и целевого текста, чтобы воссоздать, обсудить и проанализировать их [10, с. 15]. Если переводчик планирует воспроизвести целевой текст на языке перевода точно в том же виде, как и написанный исходный текст, сохраняя при этом все языковые и культурные особенности, то в этом случае ему следует сконцентрироваться на воспроизведении собственно текстового акта коммуникации, а не просто формальных признаков текста. Иллокутивные эффекты, обнаруженные в исходном тексте, во многом представляют большую важность, чем перлокутивные эффекты текста [10, с. 16]. Это связано с тем, что воспроизведение одинакового воздействия на целевого читателя не всегда возможно, поскольку из-за различий в культуре и языковых нормах разные тексты на разных языках могут оказывать различное воздействие на своих читателей. Данная мысль стала важной причиной резкой критики динамической эквивалентности, основанной на принципе эквивалентного эффекта, предложенного Найдой.

Акт перевода включает в себя прагматическую неопределенность, однако данный факт может быть скрыт склонностью самого переводчика к нейтрализации собственного воздействия на переводимый текст и к осуществлению попытки создать целевой текст, который может представлять собой точный эквивалент исходного текста [14, с. 217]. Однако перевод неизбежно предполагает своего рода переписывание исходного текста. Убеждения и взгляды переводчика повлияют на его работу, которая, конечно же, будет соответствовать нормам его общества и культурной среде, даже если у переводчика нет четкого проявления его собственного мировоззрения, которое может быть идентифицировано в переводимом тексте.

Существует утверждение, что стремление к оптимальной релевантности как со стороны коммуникатора, так и со стороны получателя сообщения считается решающим фактором, делающим коммуникацию успешной, высказывание является оптимально релевантным, когда оно позволяет получателю без лишних усилий

понять предполагаемый смысл сообщения, в то время как само это значение в то же время дает получателю соответствующие преимущества. Такие преимущества, естественно, являются психологическими, поскольку состоят из конкретных знаний, относящихся к конкретному человеку, и известны как «положительные контекстуальные эффекты» [3, с. 43]. В рамках принципа релевантности обнаруживается функция оптимальной релевантности в общении, которая, как утверждается, является естественным элементом психологической конструкции людей. Исходя из вышеизложенного, когда отдельно взятый человек намеревается сообщить конкретную информацию, он/она спонтанно высказывает презумпцию того, что сам факт того, что он/она транслирует определенную информацию, считается оптимально релевантным для получателя [3, с. 44].

Перевод с точки зрения теории релевантности естественно классифицируется как интерпретативное использование языка. Другими словами, перевод означает воспроизведение слов, произнесенных или написанных конкретным человеком на одном языке с использованием другого языка. Грубо говоря, это похоже на речевое сообщение во внутриязыковых лингвистических ситуациях, хотя перевод отличается тем, что исходный текст и переведенный текст принадлежат к двум разным языковым и культурным средам [3, с. 46]. Имея в виду теорию релевантности, переводчик будет стремиться спланировать свой перевод таким образом, чтобы он максимально напоминал исходный текст в релевантных отношениях [12, с. 137]. Действительно, теория релевантности предлагает четкое описание переводов как явных примеров интерпретативного использования языка. Обычно это достигается без необходимости предоставления теоретической основы, которая помогла бы предложить определение перевода [3, с. 48].

Иногда в процессе перевода может возникнуть ситуация, когда переводчик передает культурно-специфический текст таким образом, который соответствует культурным ожиданиям целевого читателя, и в то же время противоречит способу, принятому в исходном тексте оригинала писателем. После таких огромных культурных изменений в переведенном тексте переводчик заставит его/ее цитировать автора вне контекста или создать то, что Гатт называет «вторичными коммуникативными ситуациями» [3, с. 72]. Действительно, переводчик сталкивается с двумя возможными вариантами и должен выбрать один из них. Он или она передает целевому читателю контекст исходного текста как он есть, контекст, который может казаться реципиенту чуждым. В этом случае переводчику рекомендуется соответствующим образом адаптировать свой переведенный текст [11, с. 23]. В качестве альтернативы он/она может выбрать адаптацию контекста исходного текста в соответствии с культурными ожиданиями целевого читателя. Последний способ может также подразумевать наличие опущений определенных элементов, характерных для исходной культуры, которые, если их оставить нетронутыми, создадут экзотический эффект для целевого читателя. Выбрав второй вариант, переводчик будет считаться создателем вторичных коммуникативных ситуаций. Поэтому можно утверждать, что техника, необходимая для достижения конкретной коммуникативной цели в культуре целевого языка, полностью оставлена на усмотрение переводчика.

Стоит отметить, что не все проблемы, возникающие в процессе перевода, связаны с текстовыми трудностями перевода. На самом деле, когда текст переводится из исходного контекста в другой контекст, на него однозначно влияет факт самого перехода, который также влияет на его внутреннее значение, даже если в этом процессе нет языковых изменений. Например, понимание классической английской поэзии двадцатилетним англичанином может вызвать проблемы из-за разницы во времени и контексте.

Существенные несоответствия в отношении контекстуальных деталей могут привести к неправильному значению контекста, а также повлиять на исходный текст в целом. Причина этой дилеммы заключается в принципе релевантности, который требует согласованности с оптимальной релевантностью; такая согласованность в первую очередь основана на контексте. Когда переводчик сталкивается с проблемами, вытекающими из вторичных коммуникативных ситуаций, он может найти пути их преодоления. Они могут заключаться в стратегиях предоставления целевому читателю дополнительных контекстуальных деталей. Недавние исследования поддержали идею о том, что переводчики, работающие с разными языками, часто имеют склонность к уточнению, упрощению и превращению неявных идей исходного текста в явные в рамках целевого текста [7; 2; 1]. Возможно, это связано с представлением о том, что переводчики обычно считаются частично ответственными за информационное предложение воспринимаемого текста и любые экзотические элементы действительно приписываются в первую очередь им, а не первоначальным авторам.

ВЫВОДЫ

Само собой разумеется, что кодирование, передача и декодирование, несомненно, являются важными элементами коммуникации, однако в значительной степени коммуникация также зависит от использования получателем соответствующего контекста и соответствующей интерпретации им конкретного высказывания. Другими словами, семантического содержания не всегда достаточно для полного понимания предполагаемого значения конкретного высказывания, поскольку это значение может зависеть от контекстуальной информации, с которой оно логически связано. Следовательно, отказ от ориентации на контекст сообщения, задуманного коммуникатором, несомненно, приведет к недопониманию.

Перевод тесно связан с теорией релевантности и взаимосвязан с ней через интерпретативное использование языка. Переводчик, как получатель текста, должен быть вооружен соответствующей контекстуальной информацией, составляющей центральную часть его предположения, олицетворяющего предпосылку, на которой основана его интерпретация конкретного высказывания. С другой стороны, переводчик, как производитель текста, должен создавать целевой текст, который считается актуальным для целевого читателя, принимая во внимание понимание контекста и личностные знания целевого читателя. От переводчика требуется произвести текстовый акт, полностью осознавая иллокутивные и перлокутивные эффекты исходного текста, пытаясь воспроизвести их в тексте перевода. Данный тип деятельности может создать различия между переводчиками, поскольку

интерпретация иллюкутивных и перлокутивных эффектов текста может в значительной степени отличаться у разных переводчиков.

Учитывая, что переводчик должен создать целевой текст, который должен полностью соответствовать в своей эквивалентности исходному тексту в соответствии с теорией релевантности, всегда следует помнить: то, что можно вывести для получателя исходного текста, может не быть выводом для целевого текста из-за когнитивных и культурных различий. Следовательно, переводчик должен сделать все возможное, чтобы сделать целевой текст релевантным для получателя сообщения посредством определенных процедур экспликации, используя принципы как эффективности, так и результативности, пытаясь снабдить получателя целевого текста всей соответствующей контекстуальной информацией, необходимой для того, чтобы сделать соответствующий вывод по контексту и правильно интерпретировать текст.

Список литературы

1. *Baker M.* In other words: A course book on translation. – 2nd ed. – Oxon: Routledge. – 2011. – 352 p.
2. *Blum-Kulka S.* Shifts of cohesion and coherence in translation // *Interlingual and intercultural communication: Discourse and cognition in translation and second language acquisition studies.* – Tübingen: Gunter Narr., 1986. – P. 17–35.
3. *Gutt E.* Pragmatic aspects of translation: Some relevance-theory observations // *The pragmatics of translation.* – Clevedon: Multilingual Matters Ltd., 1998. – P. 41–53.
4. *Hatim B., Mason I.* Discourse and the translator. – London: Longman. – 1990. – 272 p.
5. *Labov W.* *Language in the inner city.* – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972. – 412 p.
6. *Larson M. L.* *Meaning-Based translation: A guide to cross-language equivalence.* – 2nd ed. – Lanham, Maryland: University Press of America, 1998. – 600 p.
7. *Laviosa S.* *Corpus-Based translation studies: Theory, findings, applications.* – Amsterdam: Rodopi, 2002. – P. 3–12.
8. *Martin J.R., White P. R. R.* *The language evaluation: Appraisal in English.* – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005. – 290 p.
9. *Mason I.* Discourse connectives, ellipsis and markedness // *The pragmatics of translation.* – Clevedon: Multilingual Matters Ltd., 1998. – P. 170–184.
10. *Morini M.* *The pragmatic translator: An integral theory of translation.* – London / New York: Bloomsbury Publishing Plc., 2013. – 240 p.
11. *Nord C.* *Translating as a purposeful activity: Functionalist approaches explained.* – Manchester: St. Jerome Publishing., 1997. – 160 p.
12. *Sperber D., Wilson D.* *Relevance: Communication and cognition.* – Oxford: Blackwell, 1986. – 288 p.
13. *Thompson G., Hunston S.* *Evaluation in text.* – Oxford: Oxford UP, 2000. – 238 p.
14. *Venuti L.* *The translator's invisibility: A history of translation.* – London: Routledge, 1995. – 368 p.

References

1. Baker M. *In other words: A course book on translation.* 2nd ed. Oxon, Routledge, 2011. 352 p.
2. Blum-Kulka S. *Shifts of cohesion and coherence in translation. Interlingual and intercultural communication: Discourse and cognition in translation and second language acquisition studies,* Tübingen, Gunter Narr, 1986, pp. 17–35.
3. Gutt E. *Pragmatic aspects of translation: Some relevance-theory observations. The pragmatics of translation.* Clevedon, Multilingual Matters Ltd, 1998, pp. 41–53.

4. Hatim B., Mason I. *Discourse and the translator*. London, Longman, 1990. 272 p.
5. Labov W. *Language in the inner city*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 1972. 412 p.
6. Larson M. L. *Meaning-Based translation: A guide to cross-language equivalence*. 2nd ed. Lanham, Maryland, University Press of America, 1998. 600 p.
7. Laviosa S. *Corpus-Based translation studies: Theory, findings, applications*. Amsterdam, Rodopi, 2002, pp. 3–12.
8. Martin J. R., White P. R. R. *The language evaluation: Appraisal in English*. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2005. 290 p.
9. Mason I. *Discourse connectives, ellipsis and markedness. The pragmatics of translation*. Clevedon, Multilingual Matters Ltd., 1998, pp. 170–184.
10. Morini M. *The pragmatic translator: An integral theory of translation*. London / New York, Bloomsbury Publishing Plc., 2013. 240 p.
11. Nord C. *Translating as a purposeful activity: Functionalist approaches explained*. Manchester, St. Jerome Publishing, 1997. 160 p.
12. Sperber D., Wilson D. *Relevance: Communication and cognition*. Oxford, Blackwell, 1986. 288 p.
13. Thompson G., Hunston S. *Evaluation in text*. Oxford, Oxford UP, 2000. 238 p.
14. Venuti L. *The translator's invisibility: A history of translation*. London, Routledge, 1995. 368 p.

IMPACT OF CONTEXTUAL INFORMATION ON TEXT TRANSLATION

Sedina I. V., Vekhova E. Al.

The article deals with the short description of the relevant theory and its connection with the translation in the sphere of pragmatics. It introduces the concept of a text and how it performs a performative function for its recipients, whether oral or written text, reveals the task that the translator must perform, which is to identify the illocutionary act and locutionary effects of the source text, and then in an attempt to reproduce them in the target text. The article touches on the concept of optimal relevance, concerns various language use cases in accordance with the theory of relevance with the visual demonstration of translation as an interpretative use of language. The article also examines the pragmatic aspect of translation, and makes the statement that, although the translator, according to the theory of relevance, must reproduce the text of the translation (TT), which may represent an accurate transfer of the source text (ST), the translator, nevertheless, must give the translated text relevance to the target reader.

Keywords: communication, understanding contextual information, interpretation, relevance theory, translation, target text, target language, translation text.

УДК 81'373.611

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ РЕЛЯЦИОННЫХ ДЕШИФРОВАЛЬНЫХ СТИМУЛОВ

Станкус Е. Н.

*ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
Донецк, Российская Федерация
e-mail: e.n.stankus@mail.ru*

Статья посвящена описанию реляционных дешифровальных стимулов с точки зрения синхронно-эквивалентностного подхода, отличающегося от традиционного тем, что констатирует возможность наличия у аббревиатуры множественной эквивалентности. Под реляционным дешифровальным стимулом понимается модель, которая реализует актантную и актантно-числовую семантику двух других моделей дешифрования аббревиатуры – презентатива и модификатива. Основным методом в работе стал метод ономаσιологического анализа, который позволил определить семантические характеристики текстовых эквивалентов, соотношение ономаσιологического базиса и признака, пути нивелирования семантики реляционного и презентативного дешифровальных стимулов, особенности реализации глубинных падежей в разных моделях дешифрования. В результате исследования определены четыре ономаσιологические модели дешифрования, две из которых – реляционные. Отмечено, что презентативные ономаσιологические модели не отражают семантику текстовых эквивалентов в полной мере. Реляционные трактовки аббревиатуры отличаются друг от друга по формальным и семантическим показателям. Подробное описание актантной и актантно-числовой семантики сложносокращённых слов подтверждает, что реляционные модели дешифрования не только являются самыми продуктивными, но и могут влиять на семантику других дешифровальных стимулов. Это мотивирует необходимость исследований для оптимизации дальнейшего лексикографического описания аббревиатуры.

Ключевые слова: дешифровальный стимул, сложносокращённое слово, ономаσιологическая модель, глубинные падежи.

ВВЕДЕНИЕ

Описание Экспериментальной лабораторией тенденций аббревиации при кафедре русского языка Донецкого государственного университета (далее – Лаборатория) сложносокращённых слов (далее – ССС), то есть «нарицательных лексем, связанных мотивационными отношениями со словосочетаниями и включающими в свой состав эквиваленты не менее двух слов этих словосочетаний» [5, с. 104], отличается от традиционного изучения таких единиц тем, что они рассматриваются с точки зрения синхронно-эквивалентностного подхода, который заключается в установлении связей актуальной эквивалентности между аббревиатурой и её синтаксическим коррелятом и определении для неё производящей языковой единицы. Результаты использования методики этимологизации сложных слов, разработанной Лабораторией, показали, что существует два процесса, определяющих возникновение для них текстовых эквивалентов, – **универбализация** и **псевдоунивербализация**. При универбализации словосочетания являются производящими для аббревиатур. Например, в поисковой машине Google сложносокращённое слово *финданные* отмечается 1866 раз, а эквивалентное ему словосочетание *финансовые данные* – 2630500 раз, что почти в 1400 раз больше и является косвенным доказательством его первичности. Псевдоунивербализация – процесс разворачивания ССС в

эквивалентные словосочетания, которые выступают вторичными знаками по отношению к аббревиатуре. Например, сложное слово *финпоток* употребляется в текстах, представленных поисковой машиной Google, 84374 раза, а эквивалентное ему словосочетание *поток финансов* – 50462 раз, то есть в полтора раза реже, и это косвенно указывает на вторичную – интерпретационную природу последнего. Оба процесса могут реализоваться одновременно в одном гнезде эквивалентности, где полиэквивалентность, т. е. существование на актуальном срезе языка несколько эквивалентных структурных трактовок аббревиатуры, обусловлена действием дешифровальных стимулов. Под **дешифровальными стимулами** понимаются модели расшифровки абброконструкта (сокращённого компонента), которые осуществляются по усвоенным языком моделям, т. е. стереотипно. Например, у ССС *информресурс* ‘запасы, источники информации’ на актуальном срезе языка зафиксировано 4 синтаксических эквивалента: *информационный ресурс*, *ресурс с информацией*, *ресурс информации*, *ресурс для информации*, где представлены 2 структурно и ономаσιологически разные модели дешифрования сложного слова – презентативная и релятивная. Все возможные трактовки аббревиатуры зафиксированы в «Толковом словаре сложносокращённых слов русского языка» (далее — Словарь), составлением которого занимается Лаборатория. Комплексное описание моделей дешифрования текстовых эквивалентов сложносокращённых слов – **актуальная** задача в первую очередь именно для лексикографической практики: для составления словарей, полноценно раскрывающих возможности синтаксической интерпретации семантики аббревиатур в тексте. **Цель** исследования – охарактеризовать реляционные дешифровальные стимулы ССС, поскольку они выступают самыми продуктивными моделями дешифрования семантики сложного слова.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Идею выделения дешифровальных стимулов развивали А.И. Бровец [1], В.И. Теркулов [5], В.А. Рязанова [4] и др. Они связывают её с утверждением о структурно-семантической определённости абброконструкта: при разворачивании аббревиатуры носитель языка не создаёт уникальной конструкции, а использует существующие стереотипные модели синтаксической интерпретации слова. С точки зрения формального подхода выделяются три типа дешифровальных стимулов:

- **презентативный** ДС – модель, где неинициальная аббревиатура и текстовый эквивалент являются абсолютными синонимами, поскольку абброконструкт разворачивается в адъектив с обобщённой семантикой: *ботсад* – *ботанический сад* [1, с. 100];
- **модификационный** ДС – модель, где эквивалентное словосочетание гипонимизирует семантику аббревиатуре путём включения в свой состав «дополнительного ономаσιологического признака, отсутствующего в структуре сложносокращённого слова»: *бумпромышленность* – *картонно-бумажная промышленность* [1, с. 100];

- **реляционные ДС** – модель, реализующая актантную и актантно-числовую семантику как презентатива (*матзапас – запас материалов*), так и модификатива (*медзаклучение – заключение медицинского осмотра – заключение медосмотра*) [3, с. 142–143].

Два последних типа являются интерпретативными ДС, так как эквивалентные словосочетания образуются аналитико-синтаксическим способом, что приводит к формированию гиперонимической и гипонимической семантики аббревиатуры.

Ономасиологический анализ моделей дешифрования позволил выделить ономасиологические модели (далее – ОМ), в которых подробно отражена семантика ДС. В основе нашего подхода лежит ономасиологическая модель, которую предлагает в своих работах Е.С. Кубрякова. Она состоит из трёх элементов: ономасиологического базиса (далее – ОБ), ономасиологического признака (ОП) и связки-предиката [2, с. 232]. В наших моделях в качестве ОБ выступает главное слово, которое отражает основной ономасиологический статус словосочетания. ОП соотносится с аброконструктом ССС и реализуется в текстовом эквиваленте через **признак** с адъективной семантикой (*бандгруппировка – бандитская группировка*) и **объект**, в котором воспроизводится актантная и актантно-числовая семантика в том или ином глубинном падеже (*бандгруппа – группа бандитов*). С учётом формальных особенностей синтаксических эквивалентов аббревиатуры связка-предикат нами не выделяется. Однако нами учитываются синтаксические связи, которые отмечаются у синтаксических эквивалентов.

Мы предлагаем выделить базовые ОМ, которые уточняются и дополняются в зависимости от наполнения гнёзд эквивалентности.

Презентативная модель. В основе неё лежат презентативные ДС. Она считается базовой, так как представляет нулевую степень интерпретации аббревиатуры. Иными словами, ССС и синтаксический эквивалент в текстах являются абсолютными синонимами: *«Средние данные по неудовлетворительным результатам бакконтроля в течение двух лет находились примерно на одном уровне. – Данные по бактериологическому контролю паровой и воздушной стерилизации по городу и административным округам представлены в таблицах 1 и 2»* (<https://medi.ru/info/10240/>). В состав данной модели входит базис и подчинённый ему признак. Основной глубинный падеж, реализуемый в этой модели, – **квалификатив**. Формально эту модель можно представить следующим образом: [базис] + (признак)⁰ = ССС, где степень указывает на уровень интерпретации ДС. При анализе конкретных сложносокращённых единиц эта схема может выглядеть следующим образом: [приспособление] + (квалификатив)⁰ = *бурустановка / буровая установка*.

Модификационная модель, или модель презентативного модификатива. Отличается от предыдущей не только распространением признакового компонента на формальном уровне, но и отсутствием абсолютной синонимичности между ССС и текстовым эквивалентом. Например, ССС *газокомплекс* и его эквивалент *газохимический комплекс* – семантические (идеографические) синонимы, которые предполагают одно значение с разными оттенками: *«СНПС войдет в состав СП по строительству газоконцентрации в Узбекистане стоимостью \$2,5 млрд – Китайская национальная нефтегазовая корпорация войдет в состав СП*

UzIndoramaGasChemical, осуществляющего строительство газохимического комплекса в Кашкадарьинской области на юге Узбекистана» (<https://www.oilpipelines.ru/novosti/5162-cnpc-voydet-v-sostav-sp-po-stroitel-stvu-gazokompleksa-v-uzbekistane-stoimost-yu-2-5-mlrd.html>).

В базовом варианте эту модель можно представить следующим образом: [учреждение] + (n-признака)[†] ≠ ССС, где n указывает не только на то, что количество признаков может варьироваться, но и на то, что все они находятся в подчинении у одного базиса. Например, в гнездо эквивалентности ССС *авиапредприятие* входят такие единицы: *авиационное предприятие, предприятие авиационной промышленности, авиаремонтное предприятие, предприятие авиапромышленности, предприятие по авиаперевозкам, авиакосмическое предприятие, авиапромышленное предприятие, предприятие авиации, авиационно-промышленное предприятие*. К модели презентативного модификатива мы отнесём только: *авиаремонтное предприятие, авиакосмическое предприятие, авиапромышленное предприятие, авиационно-промышленное предприятие*. Все они могут быть представлены одной ономаσιологической моделью [учреждение] + (2-квалификатив)[†] ≠ ССС. Однако следует отметить, что такая модель обобщает эти языковые единицы и не указывает на их различия в семантике.

Реляционные ономаσιологические модели отличаются от предыдущих не только разнообразием ОБ и ОП, но и наличием особых синтаксических связей, которые реализуют единицы ДС как в морфологизованной, так и в неморфологизованной позициях.

Модель реляционного презентатива характеризуется тем, что базису подчинён ОП, выраженный объектом. По степени интерпретации семантики ССС эта модель занимает промежуточное положение между презентативной и модификативной моделями, так как сохраняет синонимичность аббревиатуры и эквивалента: «*Если говорить о конструкционном исполнении, то можно выделить три основные категории велопедалей – В данной статье собраны советы, подсказывающие, как правильно выбрать педали для велосипеда*» (<https://shimano-russia.ru/blog/kak-vybrat-pedali-dlya-velosipeda-neskolko-rekomendacij>).

Стоит отметить, что наличие синонимичности в этой модели может приводить к нейтрализации реляционных и презентативных дешифровальных стимулов, которая проявляется нивелированием их семантики. Это, как правило, происходит в том случае, когда абброконструкт разворачивается в синтаксические эквиваленты с практически равным балансом индексов (далее – БИ) употребления, то есть практически совпадающим частным от деления индекса употребления аббревиатурного слова на индекс употребления словосочетания, и в одном семантическом падеже по формуле: $nРДС > ПДС$, где РДС – реляционный ДС, ПДС – презентативный ДС, $n - 2$ и более ДС. По этой причине нами выделяется ещё одна ономаσιологическая модель, занимающая промежуточное положение между реляционной и презентативной моделями – **презентатив²**. В ней ДС, создавая оппозицию немаркированного компонента, реализует новые интерпретации своего значения. Например, гнездо эквивалентности ССС *автотуризм* наполняют такие синтаксические эквиваленты: ► 10 (словосочетание употребляется реже слова

в 10 раз): *путешествие на автомобиле, путешествие на авто, автомобильное путешествие*; 20: *путешествие на автомобилях*; 100: *путешествие на автомашине*. Среди них можно выделить эквиваленты, образованные как по презентативным моделям (*автомобильное путешествие*), так и по реляционным (все остальные единицы). И между всеми единицами, наполняющими это ГЭ, семантика нейтрализуется, так как:

1. Текстовые эквиваленты с реляционными ДС реализуются в одном семантическом падеже – инструментальном.

2. По отношению к реляционным ДС презентатив находится в роли немаркированного компонента, а реляционные – маркированного.

3. Реляционные ДС первичны по отношению к презентативному ДС, на что указывает числовой показатель БИ – слова расположены в порядке его возрастания.

Таким образом, эквиваленты с формальным показателем актанта выполняют функцию квалификатива, а словосочетания с относительными прилагательными помимо квалификативной семантики приобретают дополнительное значение, в данном случае инструментальное.

Поскольку ономасиологический базис определяет валентность текстового эквивалента, для анализа семантики ССС важно определить их реестр. Нами было обнаружено более 10 ономасиологических базисов, самые частотные из которых следующие.

1. **Предмет** – обозначает физически воспринимаемый объект с определёнными свойствами, находящийся в отношениях с другими объектами. Значения номинатива, входящих в этот базис, определяются как субстантивные, например: ССС *газобаллон* разворачивается в словосочетание *баллон с газом*, где главное слово выступает базисом.

Этот базис, вступая в отношения с ОП, реализует такие семантические падежи с актантной семантикой:

- **дестинатив** – падеж, выражающий назначение предмета. Например: в аббревиатуре *автовесы* эквивалентно словосочетание *весы для автомобиля*, где *весы* – ОБ предмета, а компонент *для автомобиля* указывает на дестинативное значение базиса;
- **фабрикатив** – падеж, характеризующий предмет по материалу, веществу, из которого он сделан или изготовлен: *асбокартон – картон из асбеста, мехжилет – жилет из меха*;
- **посессив** – падеж, указывающий на отношения принадлежности или владения актантом: *бензоцепь – цепь бензопилы, медобувь – обувь медика*;
- **локатив** – указывает на местонахождение актанта ситуации по отношению к базису: *автоаптечка – аптечка в автомобиль, метрореклама – реклама в метрополитене*;
- **делибератив** – со значением содержания речемыслительного, социального действия или восприятия: *автожурнал – журнал об автомобилях*.

2. **Процедура** – этот ОБ определяется как скриптовый и имеет значение «упорядоченной совокупности взаимосвязанной определенными отношениями действий, направленных на решение задачи», например: *велопродажа – продажа велосипедов, газообеспечение – обеспечение газом*. Он сочетается, как правило, со следующими семантическими падежами:
- **медиатив** – указание на актанта, который является средством для выполнения действий по отношению к базису: *газолечение – лечение газом, газоокуривание – окуривание газом*;
  - **бенефициатив** – указывает на объект, в пользу которого разворачивается событие: *абонентообслуживание – обслуживание абонентов*;
  - **трансгрессив** – указывает на объект превращения: *мусорообработка – обработка мусора*;
  - **финитив** – объект, который возникнет в результате развития ситуации: *жилстроительство – строительство жилья*;
  - **аллатив** – объект, над которым совершается действие: *мусороудаление – удаление мусора*.
3. К ОБ **процессы** относятся единицы, обозначающие процессы живой и неживой природы, не контролируемые человеком. Реализуется, как правило, через употребление отглагольных существительных, например: *газовыделение – выделение газов, ледообразование – образование льда*. Этот базис активен с **фактитивом**, который указывает на возникающий объект: *жирообразование – образование жиров, тепловыделение – выделение теплоты*.
4. **Приспособление** – ономаσιологический базис, в который входят единицы, обозначающие устройство, при помощи или посредством которого производится какая-нибудь работа или действие: *бензосамокат – самокат на бензине, маслонасос – насос для масел*. Этот базис сочетается со следующими актантами:
- **дестинатив**: *бензоколонка – колонка для бензина, автоинвертор – инвертор для автомобилей*.
  - **локатив**: *автоинвертор – инвертор в автомобиль, автокомпьютер – компьютер в автомобиль*.
  - **комитатив** – указывает на объект, выступающий в роли сопроводителя или соучастника, например: *термобарометр – барометр с термометром*.
5. ОБ **Субъект** объединяет в себе несколько значений «субъект, производящий действия» и «профессия, род деятельности». В данный ОБ входят как отглагольные существительные, которые реализуют словообразовательный перифраз «тот, кто совершает действие, обозначенное производящем глаголом» (*бензозаправщик – заправщик бензином*), так и непрямые и отыменные существительные. В реляционных моделях презентатив этот базис подчиняет себе объекты в следующих семантических падежах:
- **локатив**: *домоуправляющий – управляющий в доме*;
  - **инструменталис**: *автоизвозчик – извозчик на автомобиле*;
  - **посессив**: *автопассажир – пассажир автомобиля*;

- **фактитив** *автопроизводитель* – производитель автомобилей;
  - **фабрикатив**: *звукооператор* – оператор звука;
  - **дестинатив**: *завлабораторией* – заведующий лабораторией, *женврач–врач для женщин*;
  - **рубрикатив** – падеж, указывающий на лицо или предмет по признаку «из однородного ряда»: *страхагент* – агент по страхованию, *директор по маркетингу*.
6. В ОБ **объединение предметов или приспособлений** – ономасиологический базис, обозначающий соединение нескольких предметов или приспособлений в единую группу, например: *VELOИНВЕНТАРЬ* – **ИНВЕНТАРЬ** велосипедиста. Этот базис активизирует следующую семантику объектов в эквивалентных словосочетаниях:
- **дестинатив**: *автопринадлежности* – принадлежности для автомобилей, *авиадетали* – детали для авиации.
  - **посессив**: *автозапчасти* – запчасти автомобилей, *пожаринвентарь* – инвентарь пожарного.
7. Базис **документы и их совокупность** реализует значение «деловые бумаги, служащие доказательством чего-нибудь, подтверждающие право на что-нибудь, а также акты, письменные свидетельства о чем-нибудь»: *АБОНБИЛЕТ* – **БИЛЕТ** абонента, *медзаклучение* – **ЗАКЛУЧЕНИЕ** медиков. Сочетается со следующими падежами:
- **посессив**: *редзаклучение* – заключение редактора;
  - **дестинатив**: *продаттестат* – аттестат на продовольствие, *авиабилет* – билет на авиарейс;
  - **каузатив**: *экоотчёт* – отчёт по экологии.
8. **Пространственный объект** – ономасиологический базис, обозначающий объекты наземного строительства: здания, дороги, помещения: *ВЕЛОЗОНА* – **ЗОНА** для велосипедов, *газохранилище* – **ХРАНИЛИЩЕ** газа. Этот ОБ семантически связан с:
- **дестинатив**: *автомагистраль* – магистраль для автомобилей, *VELOАЛЛЕЯ* – аллея для велосипедистов, *ремзона* – зона ремонта.
  - **агенс**: *автоочередь* – очередь из автомобилей.
  - **посессив**: *курзона* – зона курорта.

Модель реляционного модификатива – вторая ономасиологическая модель, в которой реализуется актантная семантика. Отличие этой модели от предыдущей в том, что она формально сложнее: ОП реализует как признак, так и объект. По этой причине нами выделяются следующие разновидности этой модели.

1. **Объектная модель** – в основе её лежит цепная синтаксическая связь между элементами. Иными словами, следующий обозначенный объект зависит от предыдущего. Она состоит из базиса, подчинённого ему объекта₁, который подчиняет объект₂. Это можно представить следующим образом: [базис] + (объект₁+объект₂)[↑] ≠ ССС. Заполним предложенную модель для ССС *нефтеразведка*: [процедура] + (месторождений нефти)[↑] ≠ нефтеразведка / разведка месторождений нефти.

В этой модели отмечаются такие же ономаσιологические базисы и семантические падежи объектов, что в модели реляционного презентатива. Поскольку количество последних будет больше из-за гипонимированной семантики модификативов, синтаксические эквиваленты реализуют комбинацию падежей. Например, синтаксический эквивалент *каталог запчастей для автомобилей* сложносокращённого слова *автокаталог* строится по объектной модели релятива модификатива: в качестве базиса предмета выступает *каталог*, а объект₁ – *запчастей* и объект₂ – *для автомобилей* реализуются в падежах **делибератив** + **дестинатив**.

2. **Объектно-признаковая** модель существует в нескольких вариантах. Первая состоит из базиса, подчинённого ему объекта и признака, характеризующего объект: [базис] + (объект₁ + признак₁)[†] ≠ ССС, например, *газодобыча – добыча природного газа*, где в качестве базиса выступает существительное *добыча*, объекта₁ – *газа*, признака₁ – *природного*. Следует отметить, что признаков может быть несколько, и тогда модель расширяется до [базис] + (объект₁ + n-признак)[†] ≠ ССС, например, *газодобыча – добыча попутного нефтяного газа*. В данном случае оба признака подчинены одному объекту. В картотеке Словаря нами было обнаружено множество сочетаний семантических падежей объекта и признака, самые распространённые из которых:

- **локатив** + **квалификатив**: *политактивность – активность в политической жизни, сельхоздеятельность – деятельность в сельском хозяйстве*;
- **каузатив** + **квалификатив**: *магниточувствительность – чувствительность к магнитному полю*;
- **посессив** + **квалификатив**: *магниторецепция – рецепция магнитного поля*;
- **дистрибутив** + **квалификатив**: *матобеспечение – обеспечение материальными ресурсами*;
- **агентив** + **квалификатив**: *медассоциация – ассоциация медицинских работников, медконсилиум – консилиум медицинских работников*;
- **дестинатив** + **квалификатив**: *медобувь – обувь для медицинского персонала, метеомониторинг – мониторинг метеорологических параметров*.

По степени интерпретации эта модель похожа на модификационную, так как текстовый эквивалент и аббревиатура здесь выступают как контекстуальные синонимы.

ВЫВОДЫ

Синхронно-эквивалентностный подход к анализу сложносокращённых слов показал себя как комплексный и информативный, так как позволяет рассмотреть всевозможные эквиваленты аббревиатуры и их семантику.

Полиэквивалентность ССС реализуется по определённым ономаσιологическим моделям, что подтверждает факт активного их развития, функционирования в текстах, уточнения и расширения семантики аббревиатур. Самым продуктивным

являются реляционные модели дешифрования, среди которых можно выделить несколько разновидностей как с формальной, так и семантической точки зрения. Каждая из них уникальна, несмотря на то что некоторые модели могут реализовать одинаковые глубинные семантические падежи. Эквивалентные словосочетания, развёртываемые по этим моделям, являются синонимами аббревиатуры, но не абсолютными. В дальнейшем планируется расширить это исследование: объединить сложносокращённые слова в лексико-семантические группы, проанализировать их с точки зрения ономаσιологических моделей. Предполагается, что таким образом удастся найти больше закономерностей формирования семантики синтаксических эквивалентов аббревиатуры.

Список литературы

1. Бровец А. И. Модификационный интерпретативный дешифровальный стимул сложносокращенного слова // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2017. – № 6. – С. 98–107.
2. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. – М.: Наука, 1981. – 199 с.
3. Михайлова Е. Н. Реализация актантной семантики в реляционных дешифровальных стимулах как средство трактовки сложносокращенного слова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – 2020. – № 2. – С. 139–145.
4. Рязанова В. А. Множественная трактовка сложных слов в эквивалентных словосочетаниях // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2021. – № 3 (43). – С. 143–148.
5. Теркулов В. И. Сложносокращенные аппеллятивы как автономная разновидность аббревиатур // Русистика. – 2020. – Т. 18. – № 1. – С. 97–112.

References

1. Brovec A. I. *Modifikacionnyj interpretativnyj deshifroval'nyj stimul slozhnosokrashhennogo slova* [Modifying interpretive decoding stimulus of a complex abbreviated word]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9: Filologija*, 2017, no. 6, pp. 98–107.
2. Kubryakova E. S. *Tipy jazykovyh znachenij. Semantika proizvodnogo slova* [Types of linguistic meanings. Semantics of a derivative word]. Mocsow, Nauka, 1981. 199 p.
3. Mihajlova E. N. *Realizacija aktantnoj semantiki v reljacionnyh deshifroval'nyh stimulah kak sredstvo traktovki slozhnosokrashhennogo slova* [Realization of actant semantics in relational decoding stimuli as a means of interpreting a complex abbreviated word]. *Vestnik Doneckogo nacional'nogo universiteta. Serija D: Filologija i psihologija*, 2020, no. 2, pp. 139–145.
4. Rjazanova V. A. *Mnozhestvennaja traktovka slozhnyh slov v jekvivalentnyh slovosochetanjah* [Multiple interpretation of complex words in equivalent word combinations]. *Vestnik MGPU. Serija: Filologija. Teorija jazyka. Jazykovoje obrazovanie*, 2021, no. 3(43), pp. 143–148.
5. Terkulov V. I. *Slozhnosokrashhennye apelljativy kak avtonomnaja raznovidnost' abbreviatur* [Complex abbreviated appellatives as an autonomous variety of abbreviations]. *Rusistika*, 2020, vol. 18, no. 1, pp. 97–112.

**ONOMASIOLOGICAL DESCRIPTION
OF RELATIONAL DECODING STIMULI**

Stankus E. N.

The article is devoted to the description of relational decoding stimuli from the point of view of the synchronic-equivalence approach, which differs from the traditional one in that it states the possibility of the presence of multiple equivalence in an abbreviation. A relational decoding stimulus is understood as a model that implements the actantial and actant-numerical semantics of two other models of abbreviation decoding - presentative and modificative. The main method in the work was the method of onomasiological analysis, which made it possible to determine the semantic characteristics of text equivalents, the relationship between the onomasiological basis and feature, ways of leveling the semantics of relational and presentational decoding stimuli, and the features of the implementation of deep cases in different decoding models. As a result of the study, four onomasiological decoding models were identified, two of which are relational. It is noted that presentational onomasiological models do not fully reflect the semantics of text equivalents. Relational interpretations of the abbreviation differ from each other in formal and semantic indicators. A detailed description of the actant and actant-numerical semantics of complex abbreviated words confirms that relational decoding models are not only the most productive, but can also influence the semantics of other decoding stimuli. This motivates the need for research to optimize further lexicographic description of the abbreviation.

Key words: decoding stimulus, complex abbreviated word, onomasiological model, deep cases.

4. СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЭТНОЛИНГВИСТИКА, ПСИХОЛИНГВИСТИКА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ

УДК 811.111'282'34(669)

КОРРЕЛЯЦИЯ НИГЕРИЙСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА И МЕСТНЫХ ЯЗЫКОВ

Вовк Н. А.

*Институт филологии,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь, Российская Федерация
e-mail: nick.wolf@mail.ru*

В Федеративной Республике Нигерия (далее – ФРН) существует тесное взаимодействие между английским и местными языками уже на протяжении столетий. Процесс происходит в двух измерениях: социально-политическом и языковом. На определенном этапе это привело к появлению нигерийского варианта английского языка (далее – НВАЯ), которым на данном этапе владеют 53% жителей этого государства. Для нигерийского английского характерен, прежде всего, ряд фонетико-фонологических особенностей, появившихся под влиянием местных языков.

Автор пришел к выводу, что НВАЯ характеризуется неоднородностью. В его континууме существуют варианты английского языка (далее – АЯ), которые развились в результате интеракции с конкретными региональными языками. Это важно для исследований, которые охватывают территории, включающие несколько государств. В качестве примера можно привести произносительную модель западноафриканского варианта английского языка (далее – ЗАВАЯ), где предпочтение отдается вариантам НВАЯ в виде АЯ йоруба и АЯ игбо. В ходе работы были использованы аналитический и сопоставительный методы исследования.

Ключевые слова: английский язык, местные языки, языковая ситуация, нигерийский вариант английского языка, британский вариант английского языка, хауза, игбо, йоруба, нигерийский пиджин.

ВВЕДЕНИЕ

Много лет назад английский язык был экспортирован британцами на африканский континент, включая и территорию современной Нигерии, на которой проживало значительное количество различных этносов, которые говорили на разных языках. Различными методами европейцы обязывали местное население овладеть АЯ, чтобы развивать, прежде всего, экономические контакты. В результате образовался нигерийский вариант английского языка, который представляет собой многоаспектное явление.

У каждой народности был свой национальный язык, часто называемый так же, как и сама этническая группа. У любого языка, как системы, есть несколько уровней, в том числе и фонетико-фонологический. Известно, что специфика произношения родного языка влияет на артикуляцию при овладении иностранным языком.

Таким образом, проникая в сферу общения коренного населения Нигерии, английский не мог остаться в первоначальном состоянии. Он находился под воздействием множества местных языков. С течением времени натурализация АЯ сопровождалась и образованием определенных систем вокализма и консонантизма,

которые имели свои особенности в зависимости от фонетических характеристик того или иного коренного языка. Схожая ситуация была и в других странах.

В результате в ФРН, в частности в Африке, в целом сформировалась особая языковая ситуация. В Нигерии самыми многочисленными этносами являются хауса, йоруба, игбо. Варианты АЯ, на которых разговаривают эти народности, являются доминирующими разновидностями в рамках НВАЯ. Соответственно, произносительные системы этих вариантов подверглись влиянию языков хауса, йоруба, игбо. Сегментные составы нигерийского английского, которые используются представителями последних двух упомянутых племен, очень схожи и в использовании вышли за пределы Федеративной Республики Нигерия. Фонетико-фонологическая система АЯ этносов йоруба и игбо лежат в основе произношения ЗАВАЯ.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Местные языки и английский язык в Нигерии в синхронии и диахронии

Федеративная Республика Нигерия представляет собой динамично развивающуюся в демографическом отношении страну. По последним данным, в ней проживает около 220 миллионов человек. Эта страна в западной части Африки является территорией для проживания самого большого количества чернокожего населения в мире [10].

Значительное количество людей в Нигерии в тех или иных пропорциях распределяется среди множества этносов, которые разговаривают на разных языках. Число последних варьируется в проанализированных источниках. Кеннет Узор Эзе и Эстер Е. Игвенйи (Kenneth Uzor Eze; Esther E. Igwenyi) пишут о 400 языках [5, с. 111]. На сайте «Переводчики без границ» (Translators without Borders) речь идет о более чем 500 используемых в общении языковых системах [8].

Языки в Нигерии подразделяются в рамках трех больших языковых групп: нигеро-конголезская, нило-сахарская и афро-азиатская. Далее объемная нигеро-конголезская группа делится на девять основных языковых ветвей, включая и подгруппу языков ква, на которых разговаривают на самом юго-западе страны. Иджойдные языки используются в регионе Дельты Нигера. Атлантическая подгруппа представлена, главным образом, языком фула. Широкая по охвату группа бенуэ-конголезских языков включает тив, джукун, эдо, игбо, игала, идома, нупе, гвари, йоруба и несколько языков бассейна реки Кросс, такие как эфик, ибибио, ананг и экои. Адамава-убангийские языки, среди которых авак, ваджа, вака и тула, используются в северной части Нигерии.

Нило-сахарская группа представлена в Федеративной Республике Нигерия, в основном, языком канури, хотя встречаются и носители багирми и зерма. Афро-азиатская языковая группа является более многочисленной и включает, среди прочих, языки хауса (официальный язык северных штатов с 1951 по 1967 гг. и самый широко используемый язык в настоящее время), марги и баде. Некоторые народы, такие как фулани и тив, переселились на территорию этой страны относительно

КОРРЕЛЯЦИЯ НИГЕРИЙСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА И МЕСТНЫХ ЯЗЫКОВ

недавно. Но, исходя из современных языковых исследований, считается, что на большей части языков Нигерии, особенно в подгруппе ква, разговаривают около четырех тысячелетий приблизительно в тех же самых регионах [9].

Языковая ситуация (далее – ЯС) стала постепенно меняться в Нигерии с появлением английского языка, использование которого сопровождало три важных для этого государства исторических события. Первое – это развитие торговых отношений между британцами и нигерийцами в 17-м и 18-м вв., в ходе которых развился так называемый «контактный» АЯ. Второе событие представляет собой христианскую миссионерскую экспедицию в 19-м веке. Последнее связано с колонизацией Нигерии в XX веке, что усилило внедрение английского в стране. До 1960 года Нигерия была бывшей британской колонией. Сейчас 53% нигерийцев разговаривают на одном из вариантов английского языка. Этот факт делает Нигерию одной из самых больших англоязычных стран в мире [10].

В течение нескольких веков происходило взаимодействие АЯ и местных языков. Оно происходило в двух измерениях. Первое из них – социально-политическое. Так или иначе языки соперничали друг с другом, пытаясь занять свое место в социально-коммуникативной системе. В конечном итоге, в настоящее время ЯС обстоит таким образом, что английский является официальным языком Нигерии вместе с хауза, игбо и йоруба. Также широко используются фула и креольский английский (английский пиджин). У многих языков есть письменная форма [9].

Также есть мнение, что на практике английский используется как единственный официальный язык почти во всех официальных контекстах, включая государственное управление, образование, масс медиа, судебные органы и т.д. Даже хотя значительное большинство носителей английского языка в Нигерии используют АЯ в качестве второго, в настоящий момент возрастающее число молодых нигерийцев разговаривают на нем как на родном [10].

Второе измерение – собственно языковое. Все компоненты языковой ситуации влияли один на другой. Носители местных языков изучали АЯ, притом последний подвергался определенному влиянию первых. В результате этого процесса сформировался нигерийский вариант английского языка.

НВАЯ следует отличать от нигерийского пиджина, который является гибридным языком на основе АЯ, который развился в результате торговых отношений между нигерийцами и европейцами, представленными, главным образом, британцами и португальцами. В то время как нигерийский английский доминирует в официальной сфере общения как язык, которому дается предпочтение, у него есть соперник в виде нигерийского пиджина в качестве лингвафранка для межличностной или межэтнической коммуникации, особенно среди менее образованных людей. С течением времени НВАЯ развивается, постоянно расширяя сферы своего бытования, диапазон функций и структурные особенности [10]. В целом, нигерийский вариант АЯ является одной из разновидностей африканского английского (далее – АА).

Африканский английский, западноафриканский английский, нигерийский английский

Термин «АА» обозначает английский язык, функционирующий на африканском континенте. В целом, это понятие охватывает АЯ, на котором говорят на любой территории от Средиземного моря до Мыса Доброй Надежды, включая и носителей арабского языка в Египте, носителей хауса, игбо и йоруба в Нигерии и носителей африкаанса, кхоса и зулу и других региональных языков, включая и поселенцев британского происхождения. На практике термин обычно касается чернокожего населения Африки, особенно, бывших британских колоний. Выделяют три подвида АА: западноафриканский английский (Камерун, Гамбия, Гана, Нигерия, Сьерра-Леоне, Либерия, остров Святой Елены), восточноафриканский английский (Кения, Танзания, Уганда и Судан) и южноафриканский английский (Ботсвана, Лесото, Малави, Намибия, Свазиленд, Замбия, Зимбабве, Южная Африка) [1].

Понятие «африканский английский» можно рассматривать с двух точек зрения. Первая из них охватывает все формы АЯ со времен основания торговых поселений в XVII в., включая пиджины и креольские языки. Вторая касается только устных и письменных форм английского языка, используемых образованными чернокожими африканцами после того, как британцы управляли определенными территориями (Гана и Нигерия) и/или населяли их (Кения и Зимбабве). Тогда в первом случае история английского в Африке насчитывает почти 400 лет. Во втором случае появление АЯ на африканском континенте датируется серединой XIX в. Как бы не рассматривался адаптированный африканский английский (с такими подвариантами как кенийский английский и нигерийский английский), реальное положение дел и значимость АА постоянно становятся объектом различных дискуссий. АЯ ежедневно используется для многих целей в 18 странах к югу от Сахары (в том числе, и в качестве лингва франка между носителями коренных языков) и является важным фактором влияния на местном и региональном уровнях. Английский преподается в качестве второго языка во франкоязычных странах [1]. Для обсуждения этих вопросов термин «африканский английский» является очень важным.

ЗАВАЯ используется в Западной Африке в качестве официального языка в Нигерии, Гане, Сьерра-Леоне, Гамбии и Камеруне, Либерии и на острове Святой Елены. Обычно изучается в качестве второго, третьего или четвертого языка. Сложно провести линию между АЯ, используемым элитными слоями общества, и более общий западноафриканский пиджин инглиш. Носители в семи странах, в целом, понимают друг друга хорошо. Но есть различия внутри стран и между ними. Западноафриканский английский является неротическим. Звук [r] часто произносится с вибрацией. На интонацию влияют системы тонов языков Западной Африки.

Ввиду того, что существует тенденция к послоговому ударению, звук шва в безударных слогах обычно заменяется полной гласной. Например, *student* (БВАЯ ['stju:d(ə)nt]) произносится как ['student], а *quietness* (БВАЯ ['kwaɪətnɪs]) как ['kwajetnes]. Согласные [θ, ð], в основном, реализуются как [t, d]. Например, словосочетание *three of these* (БВАЯ ['θri: əv 'ði:z]) произносится как ['tri ov 'diz]. Слова *gush* (БА [gʌʃ]) и *fur* (БА [fɜ:]) звучат как [gɔʃ] и [fɔ]. И гласные в лексических единицах *bake* (БА [beɪk]) и *and toe* (БА [təʊ]) обычно произносятся не как дифтонги в

КОРРЕЛЯЦИЯ НИГЕРИЙСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА И МЕСТНЫХ ЯЗЫКОВ

стандартном британском произношении, а как монофтонги [e] и [o] в западноафриканском варианте английского языка.

Нигерия является одним из семи стран, которые формируют англоязычный регион в Западной Африке вместе с Ганой, Гамбией, Либерией, Сьерра-Леоне, частью Камеруна и островом Святой Елены. Все варианты АЯ в этих странах имеют свои особенности, но есть несколько общих тенденций, которые дают право выделить ряд особенностей в произношении западноафриканского варианта английского языка (West African English (WafE)) [12].

В ходе анализа особенностей произношения фонетисты дают информантам ключевые слова для того, чтобы определить, как произносится тот или иной звук. Одним из таких слов является *strut*, которое в британском варианте английского языка (далее – БВАЯ) произносится как [strʌt]. Но в рамках ЗАВАЯ в НВАЯ хауза в этом слове читается звук [a]. Слово *nurse* также входит в число ключевых слов с артикуляцией в БВАЯ [nɜ:s]. В нигерийском варианте АЯ хауза вместо звука [z:] будет [nas].

В НВАЯ слово *near* (БВАЯ [niə]) становится [nia]. Лексическая единица *square* (БВАЯ [skwɛə]) также может произноситься и как [skwia]. Правила формирования скольжения в нигерийском английском применяются к трифтонгам в результате чего *fire* (БВАЯ ['faɪə]) артикулируется как ['faja], а *power* (БВАЯ ['paʊə]) как ['rawa]. Похожую модель можно отметить и у дифтонгов перед темным [ɪ] - [ʌ], например, *oil* (БВАЯ [ɔɪl]) читается как ['ɔjɪl] [12].

В произносительной модели ЗАВАЯ отдается приоритет НВАЯ и ганийскому варианту АЯ, у которых самое большое число носителей среди семи упомянутых вариантов АЯ в Западной Африке. В рамках нигерийского английского очень похожи АЯ йоруба и АЯ игбо. Они отличаются от АЯ хауза. Общие черты первых двух вариантов принимаются за основные. Приоритет отдается скорее мезолектному, чем акролектному произношению.

Многие ученые изучали процессы натурализации АЯ в Нигерии с точки зрения произношения. Были выделены такие особенности нигерийского варианта английского языка: сокращение системы вокализма, отсутствие различий с точки зрения долготы в тех случаях, где они бы были у носителей АЯ как родного, отсутствие глоттализации в некоторых контекстах, где бы она была обязательной в среде АЯ как родного; артикуляция конечных согласных, которые обычно не произносятся, как, например, в слове *thumb*; размещение гласных перед слоговыми согласными, отсутствие стечений согласных в словах типа *strength, trees, sprite*; вставление эпентетических гласных в некоторые стечения согласных; замена альвеолярных фрикативных звуков на интердентальные фрикативы и т.д. Некоторые из перечисленных явлений можно проиллюстрировать такими примерами, типичными для НВАЯ [5, с. 116]:

- 1) сокращение системы вокализма: нет различий между гласными [i:] и [i] в НВАЯ между такими словами как *beat* [bi:t] и *bit* [bit], которые оба произносятся как [bit] [5, с. 116];
- 2) монофтонгизация дифтонгов и трифтонгов, например, *away* произносится как [ə'weɪ] носителями АЯ как родного, но в НВАЯ эту лексическую единицу артикулируют как [ə'we] или [e'we];

- 3) конечные согласные в слове часто оглушаются и *was* [wɔz] произносится как [was];
- 4) межзубные фрикативные звуки [θ, ð] часто произносятся как [d] в таких словах как *thank, smooth, father* и *mother* [5, с. 117].

Нигерийский вариант английского языка представляет собой гетерогенную систему, в рамках которой могут рассматриваться варианты АЯ, получившиеся в результате взаимодействия с конкретными местными языками, что приобретает значимость в работе, например, с территориями, включающими несколько государственных образований.

Системы вокализма языка йоруба, западноафриканского английского, нигерийского английского

Местные языки на территории современной ФРН и английский язык на протяжении длительного времени находятся в тесном взаимодействии. Одним из коренных языков является йоруба, система гласных звуков которого формируется семью ротовыми и пятью носовыми звуками. Первые состоят из [i], [e], [ɛ], [a], [o] [ɔ], [u], вторые представлены [ĩ], [ẽ], [ã], [õ], [ũ] [2; 6]. Есть точка зрения, что носовых звука в ЯЙ четыре: [ĩ], [ẽ], [õ], [ũ] [4]. При произнесении ротовых гласных воздух выходит через ротовую полость, а не через нос. Назальные гласные произносятся с помощью опускания мягкого нёба. В этом случае воздух выдыхается как через нос, так и через рот во время артикуляции звука. Случаи использования ротовых гласных проиллюстрированы в следующей таблице [7, с. 64–65]:

№ п/п	Фонема	Орфография	Примеры
1.	[a]	a	bá (meet) ká (fold) ajá (dog)
2.	[e]	e	ké (shout) ewé (leaf) ètè (lips)
3.	[ɛ]	ẹ	bẹ (forward) ẹjẹ (blood) kẹ (pet)
4.	[i]	i	ki (greet) ìdí (buttocks) irí (dew)
5.	[o]	o	lo (go) òdo (zero) owó (money)
6.	[ɔ]	ọ	kọ (teach) ọwo (respect) ọpolọpo (plenty)
7.	[u]	u	kú (die) ojú (eye) òwú (thread)

КОРРЕЛЯЦИЯ НИГЕРИЙСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА И МЕСТНЫХ ЯЗЫКОВ

На уровне орфографии носовые гласные представлены комбинацией гласной буквы и буквы «п», например, «in, un, an, ɛn, ɔn». Примеры даны в таблице [7, с. 65–66]:

№ п/п	Фонема	Орфография	Примеры
1.	[ĩ]	in	ikìn (palm nuts) òrin (song) dín (to fry)
2.	[ĩ̃]	ɛn	iyen (that one) iwònyen (those) yen (that)
3.	[ã]	an	òsán (afternoon) ìran (heritage) tàn (to deceive)
4.	[õ]	ɔn	ìbɔn (gun) gbòn (to shake off) ogbòn (thirty)
5.	[ũ]	un	ikun (a type of squirrel) ogún (twenty) dún (to sound)

Таблицы с гласными демонстрируют отсутствие дифтонгов и трифтонгов в языке йоруба. Последовательность гласных, как правило, произносится в виде отдельных слогов. Также следует отметить отсутствие гласных среднего ряда [ə], [ɜ] и [ʌ] в инвентаре гласных фонем ЯЙ. По сравнению со стандартным британским произношением отличие между гласными звуками на основе критерия напряженности не наблюдается [3].

Система гласных звуков ЗАВАЯ включает такие фонемы: [a, i, ɔ, e, u, ɛ, o, ɔi, ia, ea, ai, ua, au]. Произносительная модель западноафриканского английского дает приоритет НВАЯ и ганийскому английскому. На них разговаривает самое большое количество носителей в Западной Африке. В континууме нигерийского английского больше сходств между вариантами английского, на которых разговаривают представители этносов йоруба и игбо. Английский народности хауса не похож ни на один из двух разновидностей, упомянутых в предыдущем предложении. Таким образом, общие черты первых двух принимаются в качестве основных. Среди моделей произношения приоритет также отдается мезолектальным, а не акролектальным видам произношения. Следует отметить, что есть разные точки зрения в отношении того, какой же вариант АЯ повлиял на развитие западноафриканских вариантов английского языка [12]. На сегментном уровне в НВАЯ гласные представлены такими монофтонгами и их комбинациями: [i, e, ɛ, a, ɔ, o, u, ai, ia, ea, au, ɔi, uɔ] [11, с. 6].

Сравнение систем вокализма ЯЙ, ЗАВАЯ и НВАЯ показывает следующее. Ротовые гласные языка йоруба [a, i, ɛ, e, u, ɛ, o] формируют сегментный состав западноафриканского английского и нигерийского варианта АЯ. Эти же гласные в ЗАВАЯ и НВАЯ образуют и сочетания букв, которые соответствуют дифтонгам БВАЯ. Пять комбинаций звуков [ɔi, ia, ea, ai, au] совпадают в западноафриканском и нигерийском АЯ. Таким образом, в процессе натурализации фонетико-фонологическая система иностранного языка подвергается влиянию звукового состава местного языка или местных языков, образуя, в данном случае, новый вариант английского языка – НВАЯ, разновидности которого имеют значимость на территории нескольких стран.

ВЫВОДЫ

Анализ позволяет сделать такие выводы:

1. ФРН является динамично развивающейся страной с точки зрения демографии с 220 миллионами человек. В стране много этносов, разговаривающих на разных языках, число которых варьируется от 400 до более чем 500. Языки в Нигерии подразделяются в рамках трех больших языковых групп: нигеро-конголезская, нило-сахарская и афро-азиатская.
2. Языковая ситуация стала постепенно меняться в Нигерии с появлением АЯ. Сейчас 53% жителей этого государства нигерийцев разговаривают на одном из вариантов английского, что делает ФРН одной из самых больших англоязычных стран в мире.
3. На протяжении столетий АЯ взаимодействовал с местными языками в двух измерениях. Первое из них – социально-политическое. Сейчас в рамках ЯС английский является официальным языком Нигерии вместе с хауза, игбо и йоруба. Широко используются фула и креольский английский (английский пиджин). Второе измерение – языковое. Все компоненты языковой ситуации влияли один на другой. В результате этого процесса сформировался нигерийский вариант английского языка и нигерийский пиджин.
4. С точки зрения произношения у НВАЯ выделяют следующие особенности, появившиеся под влиянием местных языков: сокращение системы вокализма; отсутствие различий с точки зрения долготы; отсутствие глоттализации; артикуляция конечных согласных, которые обычно не произносятся; размещение гласных перед слоговыми согласными; отсутствие стечений согласных в ряде типов слов; вставление эпентетических гласных в некоторые стечения согласных; замена альвеолярных фрикативных звуков на интердентальные фрикативы.
5. Нигерийский вариант английского языка неоднороден. В его рамках могут рассматриваться варианты АЯ, которые развились в результате взаимодействия с конкретными местными языками. Это важно принимать во внимание в работе с территориями, которые включают несколько государств. Примером может служить произносительная модель ЗАВАЯ, где приоритет отдается вариантам НВАЯ в виде АЯ йоруба и АЯ игбо.

Список литературы

1. African English. Encyclopedia.com [Electronic Resource]. – Access mode: <https://www.encyclopedia.com/literature-and-arts/language-linguistics-and-literary-terms/language-and-linguistics/african#1O29AFRICANENGLISH>. (Access date: 21.02.2025).
2. *Akinlabi, A.* The sound system of Yoruba. Understanding Life and Culture: Yoruba / A. Akinlabi. – NJ: Africa World Press Inc., 2004. – P. 453–468.
3. *Awonusi, V. O.* Some characteristics of Nigerian English phonology / V.O. Awonusi // Dadzie, K. & Awonusi, S. (eds.) Nigerian English: Influences and Characteristics. – 3rd edition. – Lagos: Concept Publications, 2009. – P. 203–225.
4. *Bamgbose, Ayo.* Yoruba / Ayo Bamgbose // Dunstan, Elizabeth (ed.). Twelve Nigerian languages: a handbook on their sound systems for teachers of English. – London & New York: Longmans; Africana Publishing Corporation, 1969. – P. 163–172.
5. *Eze, K. U.* The varieties and features of Nigerian English today / Kenneth Uzor Eze, Esther E. Igwenyi // Awka Journal of Linguistics and Languages (AJILL). – 2016. – Vol. 10. – P. 105–122.
6. *Greenberg, J.H.* The Languages of Africa / J.H. Greenberg. – Indiana University: MIT Press, 1963. – 184 p.
7. *Idowu, F. O.* Pronunciation Intelligibility of Nigerian Speakers of English : A Thesis Submitted in Partial Fulfilment of the Requirements for the Degree of PhD in English Language and Linguistics Department of Media, Culture & Language University of Roehampton / Fiyinfolu Olubunmi Idowu. – London, 2018. – 422 p.
8. Language data for Nigeria. Translators without Borders [Electronic Resource]. – Access mode: <https://translatorswithoutborders.org/language-data-nigeria>. (Access date: 21.02.2025).
9. Languages of Nigeria. Britannica [Electronic Resource]. – Access mode: <https://www.britannica.com/place/Nigeria/Languages>. (Access date: 21.02.2025).
10. *Ugwuanyi, K. O.* Introduction to Nigerian English. Oxford English Dictionary [Electronic Resource] / Kingsley O. Ugwuanyi. – Access mode: <https://www.oed.com/discover/introduction-to-nigerian-english/?t=true>. (Access date: 21.02.2025).
11. *Udofot, I.* Phonetics and Phonology of Nigerian English [Electronic Resource] / Inyang Udofot. – 16 p. – Access mode: https://aksujournalofenglish.org.ng/aksujel/22/12/phonetics-and-phonology-of-nigerian-english/aksujel_04_01_01.pdf. (Access date: 21.02.2025).
12. West African English. Oxford English Dictionary [Electronic Resource]. – Access mode: <https://www.oed.com/information/understanding-entries/pronunciation/world-englishes/west-african-english/?t=true>. (Access date: 21.02.2025).

References

1. African English. Encyclopedia.com [Electronic Resource]. Access mode: <https://www.encyclopedia.com/literature-and-arts/language-linguistics-and-literary-terms/language-and-linguistics/african#1O29AFRICANENGLISH>. (Access date: 21.02.2025).
2. *Akinlabi, A.* The sound system of Yoruba. Understanding Life and Culture: Yoruba / A. Akinlabi. NJ: Africa World Press Inc., 2004, pp. 453–468.
3. *Awonusi, V.O.* Some characteristics of Nigerian English phonology / V.O. Awonusi // Dadzie, K. & Awonusi, S. (eds.) Nigerian English: Influences and Characteristics. 3rd edition. Lagos: Concept Publications, 2009, pp. 203–225.
4. *Bamgbose, Ayo.* Yoruba / Ayo Bamgbose // Dunstan, Elizabeth (ed.). Twelve Nigerian languages: a handbook on their sound systems for teachers of English. London & New York: Longmans; Africana Publishing Corporation, 1969, pp. 163–172.
5. *Eze, K.U.* The varieties and features of Nigerian English today / Kenneth Uzor Eze, Esther E. Igwenyi // Awka Journal of Linguistics and Languages (AJILL). 2016. Vol. 10. P. 105–122.
6. *Greenberg, J.H.* The Languages of Africa / J.H. Greenberg. Indiana University: MIT Press, 1963. 184 p.

7. Idowu, F.O. Pronunciation Intelligibility of Nigerian Speakers of English : A Thesis Submitted in Partial Fulfilment of the Requirements for the Degree of PhD in English Language and Linguistics Department of Media, Culture & Language University of Roehampton / Fiyinfolu Olubunmi Idowu. London, 2018. 422 p.
8. Language data for Nigeria. Translators without Borders [Electronic Resource]. Access mode: https://translatorswithoutborders.org/language-data-nigeria_ (Access date: 21.02.2025).
9. Languages of Nigeria. Britannica [Electronic Resource]. Access mode: <https://www.britannica.com/place/Nigeria/Languages>. (Access date: 21.02.2025).
10. Ugwuanyi, K.O. Introduction to Nigerian English. Oxford English Dictionary [Electronic Resource] / Kingsley O. Ugwuanyi. Access mode: <https://www.oed.com/discover/introduction-to-nigerian-english/?tl=true>. (Access date: 21.02.2025).
11. Udofot, I. Phonetics and Phonology of Nigerian English [Electronic Resource] / Inyang Udofot. 16 p. Access mode: https://aksujournalofenglish.org.ng/aksujel/22/12/phonetics-and-phonology-of-nigerian-english/aksujel_04_01_01.pdf. (Access date: 21.02.2025).
12. West African English. Oxford English Dictionary [Electronic Resource]. Access mode: <https://www.oed.com/information/understanding-entries/pronunciation/world-englishes/west-african-english/?tl=true>. (Access date: 21.02.2025).

CORRELATION OF NIGERIAN ENGLISH AND LOCAL LANGUAGES

Vovk N. A.

In the Federative Republic of Nigeria there has been close interaction between English and regional languages for centuries. The process has been happening in two dimensions: the social political and language ones. At a certain stage it led to the appearance of Nigerian English (further – NigE), which is now spoken by 53 % of the residents of the country. First and foremost a number of phonetical and phonological peculiarities is typical for NigE. They appeared under the influence of the local languages.

The author came to the conclusion that Nigerian English is characterized by heterogeneity. In its continuum there exist the variants of the English language (further – EL), which have developed as a result of interaction with concrete regional languages. It is important for the researches which deal with the territories covering several states. As an example, one can take a pronunciation model of West African English, where preference is given to NigE variants in the form of Yoruba EL and Igbo EL.

During the research there were used the analytical and comparative methods of the research.

Key words: the English language, regional languages, language situation, Nigerian English, British English, Hausa, Igbo, Yoruba, Nigerian Pidgin, West African English, the Federative Republic of Nigeria, West Africa.

УДК 811'43

СТРУКТУРНЫЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПОПУЛЯРНО-ЮРИДИЧЕСКОГО ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА

Гарамян А. В., Круглова А. С.

*ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»,
Пятигорск, Российская Федерация*

e-mail: garamyan@pgu.ru

*ФГАОУ «Севастопольский государственный университет»,
Севастополь, Российская Федерация*

e-mail: ASKruglova@mail.sevsu.ru

Статья посвящена исследованию особенностей англоязычного популярно-юридического интернет-дискурса, акцентируя внимание на его структурных и стилистических характеристиках. В условиях растущей доступности юридической информации через онлайн-платформы авторы анализируют формат взаимодействия на онлайн сайтах бесплатной юридической консультации, где непрофессионалы задают вопросы, а профессиональные юристы предлагают свои квалифицированные ответы. Такой вид взаимодействия создает уникальный гибридный дискурс, в котором сочетаются элементы неформальной и формальной коммуникации. Авторы выделяют четыре модели, в соответствии с которыми осуществляется коммуникация на сайте бесплатной юридической консультации TheLaw.com. Далее авторы анализируют различные стилистические приемы, такие как метафора, графические элементы, использование несвойственных для юридического дискурса лексических единиц, что делает юридическую информацию более понятной и доступной для широкой аудитории. При этом, несмотря на необходимость адаптации языка для непрофессионалов, авторы отдельно подчеркивают важность соблюдения юридического стиля, которого придерживаются в своей речи профессиональные юристы. Таким образом, проведенное исследование демонстрирует, как современные каналы коммуникации, в частности сайты бесплатной юридической консультации, с одной стороны, помогают повышать правовую грамотность граждан, с другой стороны, обеспечивают доступность квалифицированной юридической помощи. Актуальность темы обусловлена активизацией онлайн-коммуникации и развитием цифровых технологий, что формирует устойчивый научный интерес к языковой специфике англоязычного популярно-юридического интернет-дискурса.

Ключевые слова: популярно-юридический дискурс, структурные особенности, стилистические приемы, интернет-дискурс, стилистический динамизм, лингвистическое моделирование, юридическая консультация онлайн, трудовое право, английский язык.

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире, где обмен информацией осуществляется в считанные секунды, важность получения грамотного и понятного юридического совета возрастает как никогда. Не вызывает сомнений тот факт, что «широкое использование мультимодальных практик облегчает доступ к правовой информации», существенным образом упрощая процесс получения гражданами квалифицированной правовой помощи [13, с. 44]. Популярность онлайн-сервисов и форумов, предлагающих в том числе бесплатные юридические консультации, растет с каждым годом [26; 27], актуализируя изучение нового типа дискурса – популярно-юридического интернет-дискурса, который представляет собой гибридное дискурсивное образование, обладающее такими отличительными признаками, как особый формат коммуникации («профессионал-непрофессионал»), специфический выбор языковых средств (смешение стилей, упрощение профессионального языка),

четко обозначенная цель коммуникации – разъяснение, предлагаемое в доступной и понятной форме, что влияет на выбор стилистических приемов, характерных для данного гибридного типа дискурса [3, с. 10–11, 19, с. 206]. Именно последний аспект вызывает повышенный исследовательский интерес, поскольку сегодня в условиях диверсификации каналов взаимодействия граждан с правовыми институтами и стремительного распространения информации важно понимать, как язык права адаптируется к потребностям широкой аудитории.

Актуальность данной темы обусловлена рядом факторов. Во-первых, активизация онлайн-коммуникации способствует популяризации профессионального юридического знания, обуславливая потребность в проведении лингвистического анализа способов доступного доведения до широкой аудитории сложных правовых понятий, тем самым актуализируя стилистический аспект коммуникации. Во-вторых, развитие цифровых технологий стимулирует рост количества онлайн-ресурсов, предлагающих юридическую помощь, что формирует научный спрос на исследование их языковой специфики.

Объектом предлагаемого исследования выступает англоязычный популярно-юридический интернет-дискурс; предметом исследования являются его структурные и стилистические характеристики.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении и анализе структурных и стилистических особенностей популярно-юридического интернет-дискурса, что даст возможность разработать лингвистическую модель коммуникации в данном типе дискурса, а также выявить комплекс стилистических средств, по сути выступающих его дискурсообразующими факторами, что в целом улучшит понимание механизмов коммуникации в юридической сфере. Достижение поставленной цели требует решения следующих задач:

1. Выявить и описать структурные особенности англоязычных текстов популярно-юридического интернет-дискурса. Разработать на их основе модели коммуникации, характерные для сайтов бесплатной юридической консультации.

2. Выявить и описать стилевые особенности англоязычных текстов популярно-юридического интернет-дискурса.

3. Определить языковые средства реализации стилистических приемов.

Методы исследования включают метод произвольной выборки, контент-анализ, лингвистический анализ текстов, включая структурный и стилистический виды анализа, лингвистическое моделирование. С помощью указанных методов мы сможем глубже понять, как юристы адаптируют свои сообщения для широкой аудитории, а также как это влияет на восприятие юридической информации.

Таким образом, данное исследование не только обогатит теоретические знания о популярно-юридическом дискурсе, но и может служить практическим руководством для авторов популярно-юридических интернет-текстов.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Юридический дискурс как тип институционального дискурса достаточно давно вызывает исследовательский интерес представителей различных гуманитарных

дисциплин, включая лингвистику. Работы, в фокусе которых лежит лингвистический анализ англоязычного юридического дискурса, включают исследования его языковых особенностей (лексики, синтаксиса, лингвопрагматической и функциональной специфики) в пределах разных жанров и субдискурсов [1; 2; 4; 6; 7; 8; 11; 16; 23], лингвокультурных особенностей, проявляющихся в юридических дискурсах разных англоязычных стран, представляющих англо-саксонскую правовую семью [20], лингводидактических приемов, способствующих развитию не только языковых навыков, но и формированию правового мышления и аргументации, а также профессионального языкового сознания [13; 24]. Исследования ведутся с использованием различных методов и подходов, включая современные наработки в области корпусной, квантитативной лингвистики, в том числе в рамках новейших парадигм анализа [13; 18; 25].

Таким образом, англоязычный юридический дискурс является достаточно востребованной темой лингвистических исследований, охватывая как теоретические аспекты, так и его практическое применение. Тем не менее, отметим, что в большинстве работ рассматривается профессиональный юридический дискурс, включающий взаимодействие на уровне «профессионал-профессионал». Среди исследований последних лет появились работы, посвященные анализу неофициальной профессиональной коммуникации юристов, в том числе в онлайн-среде [21; 22]. Однако взаимодействие на уровне «профессионал-непрофессионал» до сих пор остается малоисследованным аспектом, что неизбежно указывает на наличие теоретического пробела, который предлагаемое исследование стремится восполнить.

Популярно-юридический интернет-дискурс представляет особую форму коммуникации, в рамках которой правовая информация излагается в доступной для понимания широкой аудитории форме. Каналами распространения юридической информации являются Интернет-публикации на правовую тему, а также материалы, размещенные на различных сайтах – видео, блоги, тексты сайтов юридической консультации и помощи, где специалисты доводят до понимания аудитории нормы права и правовые концепции, используя язык, понятный непрофессиональным юристам. Таким образом, целью популярно-юридического интернет-дискурса выступает повышение доступности юридической информации для граждан, что в дальнейшем будет способствовать улучшению их правовой грамотности и правильному пониманию норм права.

Исследование выполнено на материале текстов на английском языке, размещенных на сайте бесплатной юридической консультации TheLaw.com. Тематически тексты охватывают такие аспекты трудового права, как трудоустройство и проверка биографических данных, трудовые споры, заработная плата, компенсации, сверхурочная работа, увольнение, расторжение трудового договора. Общее количество текстов – 67. Тексты составлены в формате «вопрос-ответ», когда неспециалист задает вопрос по интересующей его проблеме, а специалист или несколько специалистов предлагают свои ответы на него. В контексте онлайн-коммуникации не представляется возможным проверить

достоверность личности профессионала; мы ориентировались на те данные, которые представлены на сайте (ник [Tax Counsel, ajusterjack, army judge, etc.], дата регистрации, статус [Moderator, Administrator, a Well-Known Member, Super Moderator], количество опубликованных сообщений, оценка обратной связи, оценка реакций, набранные в системе баллы), что в целом указывает на то, что авторами текстов являются профессиональные юристы.

Еще одним убедительным аргументом в пользу того, что тексты написаны юристами, выступает стиль изложения: несмотря на то, что тексты опубликованы на онлайн-ресурсе, что подразумевает общее упрощение, смешение стилей, диффузность языка [17], их авторы используют профессиональную лексику, синтаксические обороты, свойственные юридическому языку [23].

Начнем с рассмотрения структурных особенностей текстов англоязычного популярно-юридического дискурса.

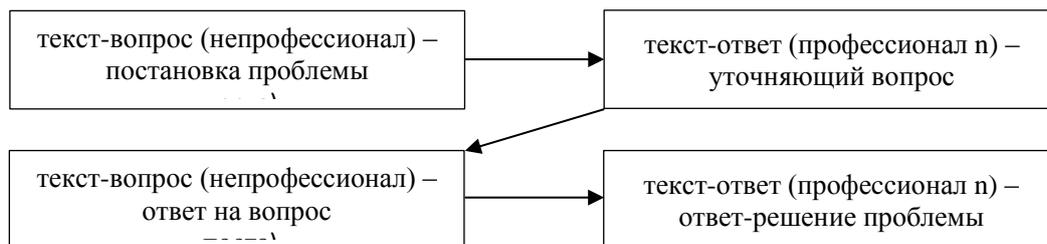
В первую очередь отметим, что с точки зрения структуры тексты представляют собой коммуникацию в формате вопрос-ответ: непрофессионал задает вопрос, на который разные пользователи, являющиеся профессиональными юристами, предлагают варианты ответа. Мы намеренно отбирали тексты-вопросы объемом в диапазоне от 50 до 100 слов, чтобы вопрос не выглядел слишком громоздким. Важным критерием при отборе текстов было наличие нескольких вариантов ответа, написанных разными авторами. Полагаем, такой подход позволяет выявить общие характеристики независимо от их авторства.

Структурно исследуемые тексты можно представить следующим образом (Рис.1).

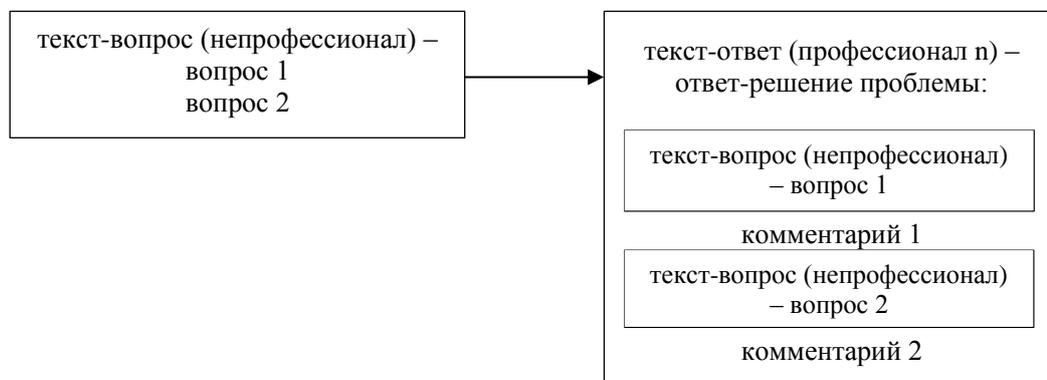
Рисунок 1. Модель 1 - структура текстов на сайтах бесплатной юридической консультации (n – порядковый номер юриста, предлагающего ответ на вопрос)

В случае, если требуется пояснение проблемы, профессионал задает дополнительный вопрос, позволяющий прояснить детали ситуации (Рис. 2)

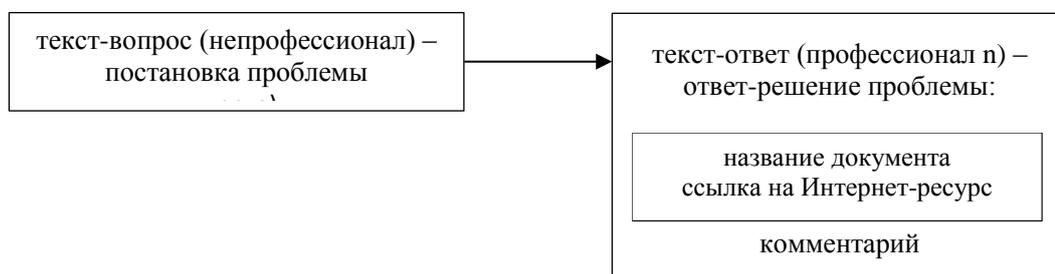
Рисунок 2. Модель 2 – структура текстов на сайтах бесплатной юридической консультации с уточняющим вопросом

Иногда, предлагая комментарий на указанную проблему, профессионал использует опцию «включенного вопроса». Такой вариант возможен, когда в тексте-вопросе содержится несколько вопросов. «Включенный вопрос» позволяет четко структурировать текст-ответ: профессионал добавляет фрагмент текста-вопроса и ниже дает свой комментарий, далее следует фрагмент другого вопроса, за которым располагается следующий комментарий и т.д. – Модель 3 (Рис. 3).

Рисунок 3. Модель 3 – структура текстов на сайтах бесплатной юридической консультации с включенными в текст ответа вопросами

Достаточно часто в обосновании своего ответа профессионал прибегает к ссылке на относящийся к конкретной проблеме юридический документ. В таком случае в тексте-ответе присутствует интернет-ссылка на источник, где размещен этот документ. Данная ссылка выглядит как «включенный вопрос» – Модель 4 (Рис. 4).

Рисунок 4. Модель 4 – структура текстов на сайтах бесплатной юридической консультации с включенными в текст ответа вопросами

Перейдем к анализу стилистических особенностей популярно-юридического интернет-дискурса. Как было отмечено выше, характерной чертой данного гибридного типа дискурса выступает смешение стилей, т.е. элементы стилистического динамизма. С одной стороны, текст-вопрос, будучи составлен непрофессионалом, представляет собой образец неформальной коммуникации, которой присуще использование разговорной лексики и общая экономия речевых

усилий [5; 12]. С другой стороны, текст-ответ, предоставляемый профессиональным юристом, демонстрирует стремление к соблюдению юридического стиля изложения, однако он ориентирован на непрофессионала, поэтому содержит ряд отклонений от стандартного юридического стиля. Одним из отклонений являются стилистические приемы, использование которых позволяет сделать речь не только более экспрессивной, но и легкой в восприятии. Действительно, в контексте исследуемого типа дискурса важной функцией стилистических приемов выступает обеспечение доступности излагаемого профессионалом материала для широкой непрофессиональной аудитории.

Рассмотрим стилистические особенности на примерах из текстов.

army judge
Super Moderator

Over a year ago I referred an employee to my job. The terms of the referral agreement was that I was to be paid 10,000 dollars over the course of a year 2500 at 3 months, 2500 at 6 months, and 5000 at 12 months. The referred employee is still employed but I haven't seen a dime.

Do you possess a WRITTEN COPY of the "referral agreement"?

If you have it, you MIGHT be able to collect what you alleged you were promised.

It would also assist you in getting paid, if you also possessed a WRITTEN COPY spelling out the details of the offer you alleged was made available to you.

If you have one or both documents referenced above, make copies of both.

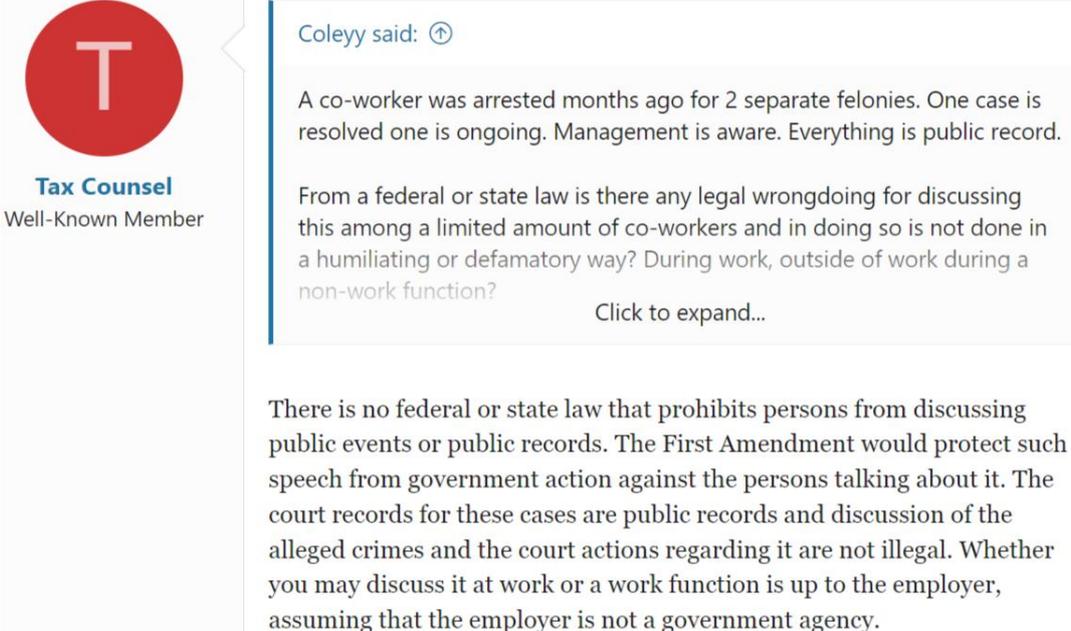
Then write a letter to the appropriate person in corporate HR, maybe local HR.

Tell your story, provide the proof, you might end up collecting ALL of the promised moola.

В приведенном фрагменте [29] присутствует графический прием капитализации, используемый здесь для привлечения внимания к определенным фрагментам текста, подчеркивая важность именно ПИСЬМЕННОЙ КОПИИ документа и ВЕРОЯТНОСТИ решения проблемы только при ее наличии. Также фиксируем синтаксический параллелизм – повелительное наклонение глаголов *write (a letter)*, *tell (your story)*, *provide (the proof)*, побуждая к действию. Использование сленгизма

moola¹ указывает на стремление автора текста-ответа соответствовать стилю текста-вопроса, в котором содержится словосочетание использующее другой сленгизм – *I haven't seen a dime* – Я не видел ни цента, подразумевая, что он не получил обещанную сумму денег. Использование фразеологизма *spell out* (*spelling out the details* – разложить по полочкам все детали) также служит примером стилистического динамизма – смешения стилей, разговорного и официального. На фоне использования терминологических единиц – *referral agreement, be made available to smb, corporate HR, provide the proof* употребление сленга и фразеологизма выглядит явным нарушением юридического стиля, наглядно демонстрируя тенденцию упрощения и одновременно экспрессивность, которая абсолютна чужда языку права. Однако с помощью данных средств достигается понятность юридического текста.

В следующем примере [28] также наблюдаем формальный стиль изложения – профессиональный юрист в тексте-ответе использует термины (*federal and state law, public events, public records, prohibit, government action, court records, alleged crimes, court actions*), ссылается на официальный документ – Первую поправку к Конституции, однако, использование фразового глагола *be up to smb* (*whether you may discuss it at work is up to the employer ...*), как бы невзначай делает текст менее официальным, сокращая дистанцию между непрофессионалом и профессионалом.

T
Tax Counsel
Well-Known Member

Coley said: ⤴

A co-worker was arrested months ago for 2 separate felonies. One case is resolved one is ongoing. Management is aware. Everything is public record.

From a federal or state law is there any legal wrongdoing for discussing this among a limited amount of co-workers and in doing so is not done in a humiliating or defamatory way? During work, outside of work during a non-work function?

Click to expand...

There is no federal or state law that prohibits persons from discussing public events or public records. The First Amendment would protect such speech from government action against the persons talking about it. The court records for these cases are public records and discussion of the alleged crimes and the court actions regarding it are not illegal. Whether you may discuss it at work or a work function is up to the employer, assuming that the employer is not a government agency.

¹ Moola or moolah – *Slang*. Something, such as coins or printed bills, used as a medium of exchange. The Free Dictionary. URL: <https://www.thefreedictionary.com/Moola>.

Еще более эмоциональными являются дальнейшие посты по данной теме. Автор текста-ответа под ником Moderator как ответ на проблему предлагает универсальную рекомендацию – *Common decency dictates that you should not gossip about people behind their backs*, которая содержит две метафоры – *decency dictates* (антропоморфная метафора) и *behind their backs* (природоморфная метафора – пространственный вариант), как будто дает дружеский совет, делится с автором текста-вопроса личным опытом. Несмотря на безэмоциональность юридического дискурса, использование метафор является достаточно распространенной тенденцией.

welkin
Moderator

Coleyy said:

A co-worker was arrested months ago for 2 separate felonies. One case is resolved one is ongoing. Management is aware. Everything is public record.

From a federal or state law is there any legal wrongdoing for discussing this among a limited amount of co-workers and in doing so is not done in a humiliating or defamatory way? During work, outside of work during a non-work function?

[Click to expand...](#)

You might want to ask yourself if you would like people gossiping about one of your problems.

Common decency dictates that you should not gossip about people behind their backs.

Ссылка на личный опыт содержится еще в одной реплике, которая тоже является продолжением серии комментариев по проблеме *Discussing co-workers felony record at and out of work*. Здесь на фоне использования формальных лексем (*recall, old adage*) автор употребляет сокращенный вариант наречия *often – oft*, а также выражает личное мнение – *And good advice, for the most part anyway*, что в целом несвойственно языку права, который характеризуется безличностью и объективностью.

Tax Counsel
Well-Known Member

welkin said:

Common decency dictates that you should not gossip about people behind their backs.

I recall one of my mother's oft given advice to my sister and me was the old adage "If you have nothing good to say about another, then say nothing at all." It's the same idea. And good advice, for the most part anyway.

ВЫВОДЫ

Популярно-юридический интернет-дискурс представляет особую значимость в современном обществе, поскольку обеспечивает доступ широкой аудитории к квалифицированной, при этом бесплатной юридической помощи, что является критически важным с позиций повышения правовой грамотности населения.

Как показывают результаты проведенного структурного и стилистического анализа текстов англоязычного популярно-юридического интернет-дискурса, размещенных на онлайн-платформе TheLaw.com, коммуникация в данном гибридном типе дискурса осуществляется в соответствии с определенными моделями, четыре из которых описаны в предлагаемой работе. Первая модель включает взаимодействие в формате вопрос-ответ, когда на заданный непрофессионалом вопрос несколько юристов предлагают свои ответы. Вторая модель подразумевает наличие уточняющего вопроса, который профессионал задает непрофессионалу, чтобы прояснить детали правовой проблемы. В третьей модели профессионал использует формат «включенных вопросов», что позволяет ему четко структурировать свой ответ, разделяя его на части и последовательно предлагая ответы на каждый из заданных вопросов. В четвертой модели профессионал ссылается на релевантный для ситуации юридический документ, ссылка оформляется как «включенный вопрос».

С точки зрения стилистических особенностей необходимо отметить, что для данного типа дискурса характерна стилистическая диффузия, что продемонстрировано нами на примерах из текстов. При помощи различных стилистических приемов: графических средств, синтаксического параллелизма, метафор, включения единиц, несвойственных юридическому дискурсу – сленгизмов, фразеологизмов, фразовых глаголов, апеллирование к личному опыту – профессиональные юристы адаптируют свои сообщения для широкой аудитории, делая язык более легким для восприятия. Эмоциональная составляющая данных стилистических приемов способствует созданию «эффекта присутствия», сокращая дистанцию между непрофессионалом и профессионалом, что в свою очередь помогает не только улучшить понимание сложных правовых понятий, но и в целом повышает уровень правовой грамотности граждан. Дальнейшее изучение языковых особенностей англоязычного популярно-юридического интернет-дискурса, в частности лексических, синтаксических и лингвопрагматических, представляется теоретически значимым в аспекте расширения представлений о данном гибридном типе дискурса, а также практически значимым с точки зрения улучшения взаимодействия между правовыми институтами и обществом.

Список литературы

1. *Авакова М. Л., Моногарова А. Г., Будняя О. Н.* Языковые особенности манипулятивного воздействия в англоязычном туристическом Интернет-дискурсе // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2021. – № 10-2. – С. 47–50.
2. *Авакова М. Л., Мосесова М. Э.* Языковая специфика англоязычного судебного дискурса (на материале перекрестных допросов) // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. – 2022. – № 15. – С. 8–15.
3. *Аверин А. С.* Популярно-юридический дискурс: формирование концепции // Филология и культура. – 2020. – № 1 (59). – С. 6–18.

4. *Айвазян Н. Б., Гарамян А. В., Литвишко О. М.* Терминологические лакуны в контексте дигитализации англоязычной терминосистемы уголовного права // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2022. – № 2. – С. 43–53.
5. *Бергельсон М. Б.* Языковые аспекты виртуальной коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2002. – № 1. – С. 55–67.
6. *Воронцова Ю. А., Галиева Д. А., Хорошко Е. Ю.* Лексико-семантическая организация юридического дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – № 12 (15). – С. 3830–3836.
7. *Гарамян А. В.* Лексико-грамматические особенности текста трудового договора в английском языке // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. – 2020. – № 13. – С. 171–176.
8. *Гарамян А. В., Литвишко О. М.* Модели терминообразования в англоязычном правовом дискурсе // Университетские чтения – 2021: Материалы научно-методических чтений ПГУ, Пятигорск, 17–19 марта 2021 года. Ч. III. – Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2021. – С. 18–23.
9. *Горохова А. М., Багиров А.* К вопросу о дифференциальных лингвоконцептуальных маркерах англоязычного популярно-юридического дискурса // Научный аспект. – 2024. – № 1. – Т. 28. – С. 3611–3621.
10. *Горохова А. М., Багиров А.* Семантико-концептуальное картирование англоязычного популярно-юридического дискурса (на материале аутентичного онлайн-консалтингового портала hg.org) // Научный аспект. – 2024. – № 1. – Т. 28. – С. 3601–3610.
11. *Зарезина С. Н., Мойсеенко А. А.* Интонационно-выразительные средства воздействия на адресата в адвокатском дискурсе // Современные исследования социальных проблем. – 2018. – № 4-3 (10). – С. 41–53.
12. *Кожжеко А. В.* Особенности интернет-коммуникации // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сб. науч. статей. – 2017. – № 8. – Т. 8. – С. 31–37.
13. *Литвишко О. М.* Корпусный анализ профессионально маркированных компонентов языкового сознания в популярно-юридическом интернет-дискурсе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2024. – № 2. – С. 43–57.
14. *Литвишко О. М., Моногарова А. Г.* Система стратегий речевого манипулирования в электронном тексте (на материале фейковых вирусных текстов первого года пандемии) // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2022. – № 3. – С. 24–33.
15. *Литвишко О. М., Руденко Н. С., Чалая Ю. П.* Лингвокреативность в дискурсе электронных СМИ: средства и методы // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2022. – № 1. – С. 117–130.
16. *Палашиевская И. В.* Функции юридического дискурса и действия его участников // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2010. – № 5 (2). – Т. 12. – С. 535–540.
17. *Рябцева Н. К.* Отличительные особенности интернет-коммуникации в металингвистическом и прикладном аспекте // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков: Периодический сб. науч. статей. Электронное научное издание. Вып. 9. – М.: ИЯ РАН, 2017. – С. 387–429.
18. *Солнышкина М. И., Соловьев В. Д., Гафиятова Э. В., Мартынова Е. В.* Сложность текста как междисциплинарная проблема // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2022. – № 1. – С. 18–39.
19. *Соловьева Ю. О.* Новые формы популяризации правовых знаний в популярно-юридическом дискурсе и его жанрах // Жанры речи. – 2022. – № 17-3 (35). – С. 205–211.
20. *Хомутова Т. Н., Шефер Е. А.* Юридический дискурс: проблемы и перспективы исследования // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. – 2019. – № 3. – Т. 16. – С. 44–53.
21. *Хустенко А. А.* Новые формы профессиональной коммуникации юристов в медиасреде (на

- материале публикаций интернет-сообществ) // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2021. № 6 (218). – С. 97–104.
22. Хустенко А. А., Мишанкина Н. А. Профессиональный дискурс юристов: неофициальные формы коммуникации (на материале сообществ социальных сетей) // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 473. – С. 89–100.
  23. Чернышев А. В. Юридический дискурс и его основные характеристики // Слово.ру: Балтийский акцент. – 2016. – № 2 (7). – С. 22–28.
  24. Shiryayeva T. A., Litvishko O. M., Mosesova M. E. Bilingual Textbook as Driver of Knowledge Transfer in Modern Educational Environment // TSNI 2021: Textbook: Focus on Students' National Identity, Москва, 20–24 апреля 2021 года. – М.: ARPHA Proceedings, 2021. – P. 820–833.
  25. Solovyev V. D., Solnyshkina M. I., McNamara D. S. Computational Linguistics and Discourse Complexology: Paradigms and Research Methods // Russian Journal of Linguistics. – 2022. – No. 26 (2). – P. 275–316.
  26. The Growing Demand for Online Legal Services. – Режим доступа: <https://fastercapital.com/topics/the-growing-demand-for-online-legal-services.html>. – (Дата обращения: 20.11.2024).
  27. Why Online Legal Advice is the Best Way to Engage a Lawyer. – Режим доступа: <https://prosperlaw.com.au/online-legal-advice-engage-a-lawyer/>. – (Дата обращения: 20.11.2024).

Источники примеров

28. Discussing Co-Workers Felony Record at and out of Work // The Law.com. – Режим доступа: <https://www.thelaw.com/threads/discussing-co-workers-felony-record-at-and-out-of-work.83069/>. – (Дата обращения: 20.11.2024).
29. Unpaid Referral Bonus // The Law.com. – Режим доступа: <https://www.thelaw.com/threads/unpaid-referral-bonus.83781/>. – (Дата обращения: 20.11.2024).

References

1. Avakova M. L., Monogarova A. G., Budnyaya O. N. YAzykovye osobennosti manipulyativnogo vozdejstviya v angloyazychnom turisticheskom Internet-diskurse [Linguistic features of manipulative influence in the english-language tourist internet discourse]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2021, no. 10-2, pp. 47–50.
2. Avakova M. L., Mosesova M. E. YAzykovaya specifika angloyazychnogo sudebnogo diskursa (na materiale perekrestnyh doprosov) [Language specificity of the English-language judicial discourse (on cross-examination)]. *Professional'naya kommunikaciya: aktual'nye voprosy lingvistiki i metodiki*, 2022, no. 15, pp. 8–15.
3. Averin A. S. Populyarno-yuridicheskij diskurs: formirovanie koncepcii [Popular legal discourse: development of the conception]. *Filologiya i kul'tura*, 2020, no. 1 (59), pp. 6–18.
4. Ajvazyan N. B., Garamyan A. V., Litvishko O. M. Terminologicheskie lakuny v kontekste digitalizacii angloyazychnoj terminosistemy ugolovnogogo prava [Terminological Gaps in the Context of Digitalization of English-Language Terminological System of Criminal Law]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*, 2022, no.2, pp. 43–53.
5. Bergel'son M. B. YAzykovye aspekty virtual'noj kommunikacii [Linguistic aspects of virtual communication]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya*, 2002, no.1, pp. 55–67.
6. Voroncova YU. A., Galieva D. A., Horoshko E. YU. Leksiko-semanticheskaya organizaciya yuridicheskogo diskursa [Lexico-semantic organization of legal discourse]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2022, no.12 (15), pp. 3830–3836.
7. Garamyan A. V. Leksiko-grammaticheskie osobennosti teksta trudovogo dogovora v anglijskom yazyke [Lexical and grammatical features of the employment contract texts in English]. *Professional'naya kommunikaciya: aktual'nye voprosy lingvistiki i metodiki*, 2020, no.13, pp. 171–176.

8. Garamyan A. V., Litvishko O. M. *Modeli terminoobrazovaniya v angloyazychnom pravovom diskurse* [Models of term formation in English-language legal discourse]. *Universitetskie chteniya – 2021: Materialy nauchno-metodicheskikh chtenij PGU*, Pyatigorsk, 17–19 marta 2021 goda. CH. III. – Pyatigorsk: Pyatigorskij gosudarstvennyj universitet, 2021, pp. 18–23.
9. Gorohova A. M., Bagirov A. *K voprosu o differencial'nyh lingvokonceptual'nyh markerah angloyazychnogo populyarno-yuridicheskogo diskursa* [To the problem of differential linguo-conceptual markers of English-language popular-legal discourse]. *Nauchnyj aspekt*, 2024, no.1, Vol. 28, pp. 3611–3621.
10. Gorohova A. M., Bagirov A. *Semantiko-konceptual'noe kartirovanie angloyazychnogo populyarno-yuridicheskogo diskursa (na materiale autentichnogo onlajn-konsaltingovogo portala hg.org)* [Semantic-conceptual mapping of English-language popular-legal discourse (on the material of authentic online consulting portal hg.org)]. *Nauchnyj aspekt*, 2024, no.1, Vol. 28, pp. 3601–3610.
11. Zarezina S. N., Mojseenko A. A. *Intonacionno-vyrazitel'nye sredstva vozdejstviya na adresata v advokatskom diskurse* [Expressive intonation as a tool of influencing the addressee in advocacy discourse]. *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem*, 2018, no.4-3 (10), pp. 41–53.
12. Kozheko A. V. *Osobennosti internet-kommunikacii* [Features of Internet communication]. *CHelovek i yazyk v kommunikativnom prostranstve: sb. nauch. Statej*, 2017, no.8, Vol. 8, pp. 31–37.
13. Litvishko O. M. *Korpusnyj analiz professional'no markirovannykh komponentov yazykovogo soznaniya v populyarno-yuridicheskom internet-diskurse* [Professionally marked components of linguistic consciousness in popular-legal internet discourse: corpus analysis]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*, 2024, no.2, pp. 43–57.
14. Litvishko O. M., Monogarova A. G. *Sistema strategij rechevogo manipulirovaniya v elektronnom tekste (na materiale fejkovykh virusnykh tekstov pervogo goda pandemii)* [System of speech manipulation strategies in electronic text (based on fake viral texts of the first year of the pandemic)]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshej shkoly*, 2022, no.3, pp. 24–33.
15. Litvishko O. M., Rudenko N. S., CHalaya YU. P. *Lingvokreativnost' v diskurse elektronnykh SMI: sredstva i metody* [Linguistic creativity in electronic mass media discourse: means and methods]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*, 2022, no.1, pp. 117–130.
16. Palashevskaya I. V. *Funkcii yuridicheskogo diskursa i dejstviya ego uchastnikov* [Functions of legal discourse and actions of its actors]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk*, 2010, no.5 (2), Vol. 12, pp. 535–540.
17. Ryabceva N. K. *Otlichitel'nye osobennosti internet-kommunikacii v metalingvisticheskom i prikladnom aspekte* [Internet communication and its essential distinctions: a metalinguistic and applied perspective]. *Lingvistika i metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov: Periodicheskij sb. nauch. statej. Elektronnoe nauchnoe izdanie. Vyp. 9. – M.: IYA RAN*, 2017, pp. 387–429.
18. Solnyshkina M. I., Solov'ev V. D., Gafiyatova E. V., Martynova E. V. *Slozhnost' teksta kak mezhdisciplinarnaya problema* [Text complexity as interdisciplinary problem]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*, 2022, no.1, pp. 18–39.
19. Solov'eva YU. O. *Novye formy populyarizacii pravovykh znaniy v populyarnoyuridicheskom diskurse i ego zhanrah* [New forms of popularization of legal knowledge in popular legal discourse and its genres]. *ZHanry rechi*, 2022, no.17-3 (35), pp. 205–211.
20. Homutova T. N., Shefer E. A. *YUridicheskij diskurs: problemy i perspektivy issledovaniya* [Legal discourse: problems and perspectives of research]. *Vestnik YUUrGU. Seriya: Lingvistika*, 2019, no.3, Vol. 16, pp. 44–53.
21. Hustenko A. A. *Novye formy professional'noj kommunikacii yuristov v mediasrede (na materiale publikacij internet-soobshchestv)* [New forms of lawyers' professional communication in the media (analysis of Internet communities content)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2021, no.6 (218), pp. 97–104.
22. Hustenko A. A., Mishankina N. A. *Professional'nyj diskurs yuristov: neoficial'nye formy kommunikacii (na materiale soobshchestv social'nyh setej)* [Professional discourse of lawyers: communication (on the material of social network communities)]

- informal forms of communication (based on social network communities)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, no.473, pp. 89–100.
23. Chernyshev A. V. Yuridicheskij diskurs i ego osnovnye harakteristiki [Legal discourse and its main characteristics]. *Slovo.ru: Baltijskij accent*, 2016, no.2 (7), pp. 22–28.
  24. Shiryayeva T. A., Litvishko O. M., Mosesova M. E. *Bilingual textbook as driver of knowledge transfer in modern educational environment. TSNI 2021: Textbook: Focus on Students' National Identity*, Moskva, 20–24 aprelya 2021 goda. Moscow, ARPHA Proceedings Publ., 2021, pp. 820–833.
  25. Solovyev V. D., Solnyshkina M. I., McNamara D. S. *Computational linguistics and discourse complexology: paradigms and research methods. Russian Journal of Linguistics*, 2022, no. 26 (2), pp. 275–316.
  26. *The Growing Demand for Online Legal Services*. Available from: <https://fastercapital.com/topics/the-growing-demand-for-online-legal-services.html> (accessed 20 November 2024).
  27. *Why Online Legal Advice is the Best Way to Engage a Lawyer*. Available from: <https://prosperlaw.com.au/online-legal-advice-engage-a-lawyer/> (accessed 20 November 2024).

Sources of examples

28. *Discussing Co-Workers Felony Record at and out of Work. The Law.com*. Available from: <https://www.thelaw.com/threads/discussing-co-workers-felony-record-at-and-out-of-work.83069/> (accessed 20 November 2024).
29. *Unpaid Referral Bonus. The Law.com*. Available from: <https://www.thelaw.com/threads/unpaid-referral-bonus.83781/> (accessed 20 November 2024).

STRUCTURAL AND STYLISTIC FEATURES OF ENGLISH-LANGUAGE POPULAR-LEGAL INTERNET-DISOURSE

Garamyan A. V., Kruglova A. S.

The article is devoted to the study of the features of the English-language popular legal Internet discourse, focusing on its structural and stylistic characteristics. In the context of the growing availability of legal information through online platforms, the authors analyze the format of interaction on online sites of free legal advice, where non-professionals ask questions and professional lawyers offer their qualified answers. This type of interaction creates a unique hybrid discourse that combines elements of informal and formal communication. The authors identify four models according to which communication is carried out on the website of free legal advice TheLaw.com. Next, the authors analyze various stylistic techniques, such as metaphor, graphic elements, and the use of lexical units unusual for legal discourse, which makes legal information more understandable and accessible to a wide audience. At the same time, despite the need to adapt the language for non-professionals, the authors separately emphasize the importance of observing the legal style that professional lawyers adhere to in their speech. Thus, the conducted research demonstrates how modern communication channels, in particular, free legal advice sites, on the one hand, help to improve the legal literacy of citizens, on the other hand, ensure the availability of qualified legal assistance. The relevance of the topic consists in the activation of online communication and the development of digital technologies, which creates a steady scientific interest in the linguistic specifics of the English-language popular legal Internet discourse.

Keywords: popular legal discourse, structural features, stylistic devices, Internet discourse, stylistic dynamism, linguistic modeling, online legal counseling, labor law, English.

УДК 811.512.141

К НАУЧНОМУ АНАЛИЗУ ЭВОЛЮЦИИ ВЫРАЖЕНИЯ «КАРА ХАЛЫК»

Хужахметов А. О., Хужахметова Г. Н.

*Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Российская Федерация
e-mail: khuzha@mail.ru; suve@mail.ru*

В статье рассматриваются вопросы этимологии и эволюции выражения «кара халык» с древних времен до наших дней. На протяжении своего исторического развития это словообразование претерпело значительные изменения, эволюционируя и порождая многочисленные вариации. Его значение варьировалось от обозначения таких категорий, как «толпа» или «чернь», до словообразований, несущих в себе коннотации простонародности, необразованности, а также физических характеристик, таких как «смуглый» и т. д. С целью исследования современного бытования выражения «кара халык» осуществлен анализ речи одного из акторов, произнесенной в деревне Ишмурзино Республики Башкортостан (в переводе А. О. Хужахметова). Показана инвективная интерпретация выражения «кара халык» с отрицательной коннотацией, обращенной к представителям Средней Азии и Кавказа. Выступающий прибегает к субъективной переинтерпретации истории, выпячивая отдельные факты и фигуры таким образом, чтобы представить их в наиболее благоприятном для себя свете. При этом он размещает их в искусственно созданном, лишенном логики временном контексте, противопоставляя общепринятым историческим представлениям. В целом авторами сделана попытка исследовать проблему возникновения и развития инвективного пласта, а также этнофолизов в башкирском языке.

Ключевые слова: «кара халык», этнофолизм, конструктор, дихотомия «свой-чужой», оппозиция, инвектива, пейоратив, коннотация, пресуппозиция, антиповедение.

ВВЕДЕНИЕ

Наблюдения и многочисленные попытки интерпретировать выражение «кара халык», функционирующее ныне в сети Интернет, дают нам возможность систематизировать довольно обширную информацию и поделиться некоторыми выводами и обобщениями на этот счет.

2010-е и 2020-е годы оказали заметное влияние на жизнь российского общества. Возникли новые политические, социальные и культурные вызовы, на которые необходимо отвечать. Вслед за социумом и культурой язык тоже подвергается законам эволюции. Меняется сама структура языка, происходят заимствования из других языков, видоизменяется под воздействием различных факторов семантическая база отдельного слова и устойчивого словосочетания.

Как утверждал И. Г. Галяутдинов, касаясь литературного языкового пласта, язык развивается под воздействием внутренних противоречий между взаимоисключающим, но неразрывно связанным с традиционным и новым на всех языковых уровнях [7]. Выстраивание литературного языка происходит в эпоху становления нации. XIX – начало XX века – эпоха нациеобразования, формирования национального самосознания не только в Европе, но и во всем мире.

Системное генерирование литературного башкирского языка связано с развитием механизмов советского государства и общества. Здесь необходимо упомянуть Н. Т. Тагирова [27; 28], Г. Я. Давлетшина [12; 13], А. А. Мансурова [22] и др. Окончательное становление литературного языка связано с именами Н. К. Дмитриева [14], Дж. Г. Киекбаева [17; 18; 19], Н. Х. Ишбулатова [15] и др. и относится к 1950-м – 1960-м годам, когда были оформлены и закреплены грамматические, в том числе морфологические и лексические основы языка.

Необходимо учесть то, что советский культурный код предполагал распространение моральных принципов, нравственной цензуры (и самоцензуры) на все сферы жизни. Таким образом он не допускал использование ненормативной лексики, тюремного жаргона (арго) и др. языковых пластов разговорной речи, а также инвективной лексики в литературном формате. Поэтому ни в одном из нормативных словарей слова нецензурной или резкоинвективной направленности не присутствовали. Яркий пример тому – толковый словарь С. И. Ожегова, первое издание которого увидело свет в 1949 г. [24].

В национальных языках, в которых советское представление о морали дополнялась пострелигиозным и местным *табу*, границы дозволенного еще более сужались. Поэтому исследования в данной области русского языка хотя и начались в 70–80-е гг. XX века, но активно стали разрабатываться в отечественной лингвистике лишь в постсоветский период. Например, научные изыскания профессора М. А. Грачева в области русского арго, воровского жаргона и молодежных сленгов долгое время рассматривались вне науки.

В башкирской лингвистике специально инвективный пласт впервые изучала З. М. Раемгужина, тема научного исследования которой затрагивала башкирский антропонимикон в свете языковой картины мира [25]. Собранные ею материалы легли в основу сборников частушек, среди них – «Застольные частушки» (2002 г.). Заслуживают внимания и отдельные разделы ее диссертации доктора филологических наук: особый интерес в рамках избранной темы вызвал раздел «Особенности формирования функционально-семантической нагрузки и специфически различительных свойств прозвищ в системе современного башкирского антропонимикона».

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Что касается выражения «кара халык», то у этого устойчивого словосочетания в башкирском языке имеется много смысловых вариаций. Само слово «кара» в нашем случае, когда мы касаемся характеристики отдельного антропоса или группы, несет в себе общность, совокупность смыслов. Мы как используем интернет-источники, так и полагаемся на примеры Академического словаря башкирского языка. Имеющиеся интерпретации выражения приводим в таблице 1 «Кара халык»:

Таблица 1
«Кара халык»

№	термин, понятие	Значение, дефиниция	Авторы, откуда взято
1	Кара халык	АЛАМАН П (Р.: толпа; И.: stowd; Т.: kalabalık) и. ишк. Кешеләр төркөмө, кара халык. Толпа.	<i>Академической словарь башкирского языка</i> / Под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. – Уфа: Китап, 2013. – Т. 5. – 888 с.
2	Кара халык	Кара кешенең тире сыткансы, һары кешенең йәне сығыр. Әйтәм. (пер. «Душа бледно-жёлтого (бледного, болезненного) человека выйдет раньше, чем кожа у черного»)	<i>Академической словарь башкирского языка</i> / Под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. – Уфа: Китап, 2013. – Т. 5. – 888 с.
3	Кара халык	Кара назан. Необразованный, неграмотный. Йәһел мөрәккәб булыу. Укымай йөрөл, йәһел мөрәккәб булып калыу Кара йөрәк(ле) каты күңелле, бәгерһез, яуыз. Жестокосердный.	<i>Академической словарь башкирского языка</i> / Под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. – Уфа: Китап, 2013. – Т. 5. – 888 с.
4	Кара халык	Көслө, төп. Сильный, неистовый, основной. Кара башкорт. Кара табын. Кара тыпсак.	<i>Академической словарь башкирского языка</i> / Под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. – Уфа: Китап, 2013. – Т. 5. – 888 с.
5	Кара халык	Кара корһак ашау-эсеүгә талымһыз кеше хакында. Прожорливый. Много ест.	<i>Академической словарь башкирского языка</i> / Под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. – Уфа: Китап, 2013. – Т. 5. – 888 с.
6	Кара халык	Керле, бысрак. Чёрный, грязный. Кара куллар. • Казанға якын барһан, караһы йоғор, яманға якын барһан, бәләһе йоғор. Әйтәм.	<i>Академической словарь башкирского языка</i> / Под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. – Уфа: Китап, 2013. – Т. 5. – 888 с.
7	Кара халык	миф. Кешенең күңел доньяһын күзәләндергән тән өлөшө. Лицо, лик (мифологизированная часть тела, на котором отражается душа, внутренний мир человека). Кара йөз	<i>Академической словарь башкирского языка</i> / Под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. – Уфа: Китап, 2013. – Т. 5. – 888 с.

8	<p>Кара халык</p>	<p>Кара йәштән бик бәләкәй сактан. С малых лет. [Гөлейзәм — Ғәзим әгә:] Кара йәштән төшөп һезгә эшләнәм, һез агыу сәсеп озатаһығыз! Һ. Дәүләтшина. Йыландай телде сығарыу бик нык ялағайлану, уһал, яуыз ниәтле хәбәр һөйләу. Подхалиминичать, угодничать, подлизываться. Йыландай телемде сығарып ялындым, Алдаксы, йыландай телен сығарып, һуз бирэ бит әле ул, ә мин, йәш иһәр, уға ышанған булып, исемен кара тақтанан төшөрттөм, Б. Бикбай.</p>	<p><i>Академический словарь башкирского языка / Под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. – Уфа: Китап, 2013. – Т. 5. – 888 с.</i></p>
9	<p>Кара халык</p>	<p>а) иҫк. Революцияға тиклемге Рәсәйҙә түбәнге катламға караған, ябай халыҡҡа мөнәсәбәтле. Простой, незнатный. Кара мужик. Кара эһсе. И как следствие возникают следующие производные: б) күсм. Айырым оғталыҡ, квалификация талап итмәгән, күберәк кул көсөнә, физик эшкә байле булған. Чёрный, неквалифицированный, подсобный (о работе, труде и т. д.). Кара эш. Кара эштә эшләү. Әллә нигә бер кайткан кешене кара эшкә [ер казырға] кушыу окшамас. Б. Бикбай. Данлы көсөң муйырылғас, кара көсөң калдың. Туй йырынан. в) Бында, революциянан үз көрәктәрен алып тынысланған һәм эһсе-крәстияндәрҙең революцияһынан котто оскан либераль буржуазия, кадеттар, батша менән берләшеп алып, кара реакция роль уйнаһылар. Һ. Дәүләтшина г) Кульгураһыҙ, аргта калған, назан. Тёмный, непросвещённый, необразованный. Кара халык.</p>	<p><i>Академический словарь башкирского языка / Под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. – Уфа: Китап, 2013. – Т. 5. – 888 с.</i></p>

	Кара халыкты изеу. Кара халык арабында агартыу эшгәре	
10	Кара халык	Кара халык // Онлайн - энциклопедия Tatarica. – Режим доступа: https://tatarica.org/gu/gazdely/istoriya/srednieveka/kara-halyk – (Дата обращения: 28.08.2024)
	Кара халык	Абдулова А. «Не так слово переводится»: жители Башкирии возмущены доносом Хабирова на Алсынова ¹ // Пруфы: свободная медиалагформа. – Режим доступа: https://prufy.ru/news/society/144383-ne_tak_slovo_perevoditsya_zhiteli_bashkirii_vozmushcheny_donosom_khabirova_na_alsynova/ – (Дата обращения: 28.08.2024)
12	Кара халык	<i>Академической словарь башкирского языка</i> / Под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. – Уфа: Китап, 2013. – Т. 5. – 888 с. С. 228-231.
13	Кара халык	<i>Раемгужина З. М.</i> Башкирский антропонимикон в свете языковой картины мира (аспекты формирования и особенности функционирования): Автореферат дисс. на соискание ученой степени докт. филол. наук: 10.02.02. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. 48 с.
14	Кара халык	<i>Куштау Байрам.</i> – Режим доступа: https://t.me/AlsynovBashkort/131 – (Дата обращения: 02.10.2024)

¹ Внесён в список террористов и экстремистов Росфинмониторинга

15	Кар халык	«смуглые люди с Азии», «башкиры так называли определенные народы, которые были немножко смуглее такого среднего башкирского портрега»	Хайбуллин И. Что происходит сегодня в г. Баймак? – Режим доступа: https://youtu.be/YN2_WZMhtxY?si=Af6eb0lawxG2yIh2 – (Дата обращения: 28.08.2024)
16	Кар халык	кара малай «смуглый мальчик», кара гәллә «со смуглой кожей». Пример: Йәрминкә малендә кара тәллә баләкәй малай өрөл гүлгырылган шарзар һатыусыны тзыгыкынып күзәтә икән. – На ярмарке мальчик со смуглой кожей с интересом наблюдал за продавцом воздушных шариков (из газеты).	Василова Д. Т., Абдуллина Г. Р. Цветообозначения ак «белый» и кара «черный» в башкирской языковой картине мира // Вестник Башкирского университета. – 2022. – Т. 27. – №1. – С. 219
17	Кар халык	Правители приходят и уходят. Народ остается и продолжает свою жизнь на этой грешной земле. Но жизнь человека конечна, человек смертен - это, в принципе, добро, данное нам Богом-Аллахом. Надо бы нам всем, и власть имущим, и судьям и подсудимым, и богатым и бедным, а также простым, так сказать, "черным людям" прожить свои жизни так, чтоб пред кончиной своей было спокойно на душе, и чтоб дух наш не метался от угрызений совести своей, если она всё же имела место быть при жизни	Бадретдинов В. О духе и свободе. – Режим доступа: https://vk.com/id110679892?w=wall110679892_1672%2Fall – (Дата обращения: 02.10.2024)
18	Кар халык	дремучий, непросвещённый, необразованный, неквалифицированный, простой, грубый, тёмный, подсобный, безрадостный, тяжёлый, горестный, мрачный, земля, почва, глубоинный, смуглый (о человеке) и т.д. Иногда наравне со словом "кара" употребляют конструкт "вак халык", в значении мелкий люд.	Вахитов Т. (Шакиров И.) Понятие "кара халык". – Режим доступа: https://vk.com/wall-205831811_6967?ysclid=ix1qung9xp582362673 – (Дата обращения: 28.08.2024)

В Википедии выложена ссылка на историческое определение, которым были обозначены (в пер. чернь, черный люд) общинники, ремесленники, мелкие торговцы, рабы-полоняники, податное население, ясячные люди XIII–XVI вв. [16].

Отчасти такого же мнения придерживались некоторые СМИ: «Чернь (историзм, от «черные люди») – люди из непривилегированных классов, простонародье, толпа, в поэтической речи – народ, лишённый высоких интересов. См. также охлократия, народ» [1].

Еще один источник пишет о том, что «кара халык» на русском языке обозначает «черный люд». В словарной статье «кара» «Толкового словаря современного башкирского литературного языка» под пунктом 4 приводится еще одно значение слова: «Относящийся к низшему слою, безграмотный, невежда» [2]. В данном случае примером служат слова «кара эшсе», «кара халык» – «чернорабочий», «черный люд». «Черный люд» – чернорабочие – группы людей, занятых тяжелым, не квалифицированным трудом. По мнению автора, «кара халык» (на башкирском языке) не относится к понятиям «национальность», «этнос» [21].

Необходимо оговориться, что, во-первых, в энциклопедии сами авторы допускают дальнейшее устаревание, архаизацию данного понимания словосочетания. Во-вторых, сомнительно широкое использование словосочетания «кара халык» конкретно в отношении к башкирам-общинникам, которые могли называть себя не иначе, как «аҫаба халык» или просто «аҫаба», и, в отличие от тех же татар, лоббировали в отношении себя именно данное определение, так как именно выражение «аҫабалык» четко определяло их особый статус в общественной формации российского общества царского и имперского периодов истории не только как податного, но и служивого населения, ставшего с введением кантонно-административной системы в 1798 г. военным сословием, снабжающим армию иррегулярными военными подразделениями.

К началу XX столетия, после реформ Александра II и контрреформ Александра III, реформ эпохи Николая II, после постепенного формирования устойчивых капиталистических отношений и усугубления социального неравенства, обнищания подавляющего большинства башкир, урбанизации, роста производственных сил, промышленности и исчезновения общины, понятие «кара халык» распространилось на большинство населения. Этому способствовала и возникшая политизация социума, когда завоевывавшие имидж политические партии стали усиленно акцентировать внимание на упомянутых проблемах. Соответственно, словосочетание прочно вошло в обиход разговорной речи и нашло отражение в художественных произведениях критического реализма, а впоследствии и социалистического реализма – художественных методов, направленных на всестороннее раскрытие социальных проблем (п. 9 в таблице 1).

В соцреализме отчетливо прослеживается использование дихотомии «свой-чужой». «Свои» – угнетенные, эксплуатируемые пласты населения. «Чужие» – эксплуатирующие слои, представители городской и сельской буржуазии. Закономерно, что у писателей реалистической школы акцентирование будет на резком обличении и негативной обрисовке представителей эксплуататорского класса.

Поэтому слово «кара» широко используется и в прямом, и в переносном значениях в негативном ключе:

1) «*Тагы ла бер һүз әйтһән, мин һинең якты донъяла тап булып йөрөгән кара үләкһәңде туп-тура йәһәннәмгә озатам. Ғ. Ғүмәр*» [2, с. 326];

2) «*Кара янып, йәшерен генә тештәрен кысып, ишек төбөндә карап торған Карабаши бер урынга ла һайланманы. И. Насыри*». [2, с. 339].

Обращает на себя внимание старинное слово «аламан», в эволюции которого мы видим, как самоназвание племени или группы племен или родов переходит впоследствии в сферу их деятельности, в том числе разбойничества, захватничества. Исход – на сегодняшний день в ряде тюркских языков оно несет негативный смысл, что маркировано тем же словосочетанием «кара халык» (здесь в понимании «толпа», «разбойники») (п. 1 в таблице 1).

Если в советскую эпоху национальная парадигма занимала важные позиции, идеологически базируясь на принципе «дружбы народов», то в постсоветский период ситуация коренным образом изменилась. Идея моноэтничности, стремление национальной элиты захватить и легитимизировать власть, права на ресурсы стали определять отношение к национальному вопросу. Бывшие советские республики, приобретая самостоятельность, начали возрождать многое из реалий досоветского периода. Возникает явление массовой эмиграции; межэтнические конфликты становятся обыденностью во многих точках позднесоветского и постсоветского пространства. И отношение к гастарбайтерам из Средней Азии, Кавказа, которые раньше, возможно, в экономическом плане не оказывали значимого влияния на благосостояние автохтонного населения, начинает меняться.

Вслед за меняющимися социальными и национальными отношениями реформируются или деформируются языковые постулаты. Если раньше, в советскую эпоху, резко негативные высказывания по национальному, социальному, религиозному признаку рассматривались как явления вне морали, вне норм литературного языка, то сегодня языковая семантическая эволюция не ограничивается какими-либо рамками, догмами. А значит, в той или иной ситуации у различных слов могут возникнуть и возникают новые смысловые нагрузки.

Еще одним важным фактором смешивания разговорного, фольклорного, литературного пластов языка между собой, а также языковой диффузии и разного рода заимствований стала *информационная эпоха*, результатом которой является появление огромной текстовой массы в сети Интернет. В прежние эпохи монополия на догматирование, корреляцию или реформацию языковой системы была в руках у богословов, жрецов, а затем – у представителей прессы, литературы, культуры. Конечно, в XX в. пресса и литература, культура, а затем и телерадиокоммуникационные системы стали массовым явлением, ориентированным на сознание массового читателя или зрителя. Но при этом сохранялся этический, моральный кодекс, действовал государственный надзор. Сегодня же вследствие доступа ко всемирной паутине, а также под влиянием философских установок постмодернизма, трактующего всякое мнение как верное и имеющее право на

выражение, коллективный субъект речи оказался свободен в самовыражении независимо от намерений, уровня развития и воспитания.

Следующий фактор – спровоцированная «парадом суверенитетов» реабилитация идей национализма на постсоветском пространстве. В эпоху СССР идеология национального самосознания зиждилась на принципе интернационализма как базиса Советского государства. С распадом СССР возник идеологический вакуум, было провозглашено возвращение к дореволюционному пониманию национального субъекта, что способствовало пропаганде идей национализма некоторыми социально-политическими течениями, в том числе религиозного характера вплоть до радикальной формулировки. Национальной радикализации способствовали воцарение законов «дикого капитализма», рост преступности в стране, заполнение рынка труда представителями Средней Азии и Кавказа. Кроме того, в 1990-е гг. сложилась тенденция к намеренному созданию негативного образа «советского прошлого» (или «совка») с целью дискредитации идей и интернационализма, и социального равенства. В результате быстро растущее социальное расслоение как бы получало историческое оправдание в общественном сознании, представлялось как естественная данность, а «дружба народов» начинала видеться как инструмент национального подавления.

Все это привело к тому, что дихотомия социального неравенства «свой-чужой» постепенно сменилась такой же дихотомией, но на основе национального (религиозного) противостояния, неравенства. Как считает О. В. Маруневич, в гражданском и национальном самосознании населения отражаются трансформация мировоззрения и межкультурных коммуникаций, декомпозиция социальной структуры общества, социально-политического фундамента государства: при социально-экономической нестабильности гражданское самосознание становится незрелым, обуславливая риски агрессии в межэтнических отношениях с различными формами конфликтов. При этом реакция психики человека оказывается подвержена сегрегации и возникновению этноцентризма, социальных стереотипов, предубеждений, на которых и базируется язык вражды [23, с. 61].

Так и выражение «кара халык» «кочует» в языке, обретая как положительные, так и нейтральные или отрицательные нарративы, исходя из контекста использования. Имеются близкие по смыслу выражения в башкирском языке. Приведем в качестве примера слово «килмешэк» (в диалекте «килге», «килген», «килемтэк»). С одной стороны, у него нейтральный нарратив: «Түңгәүер ырыуына караған бер башкорт аймағының исеме. Название одного из родовых подразделений башкир-тунгаурцев».

С другой стороны, негативный – «пришелец», «пришлый»:

*«Ситтән килгән, сит ырыу кешеһе, сит як кеше, Пришелец, пришлый:
Йәмилә Тирәкле кешеһе түгел, урман яғынан килен булып төшкән, шуға ла
Хаммат уны «килмешэк» тип кәмһетеп маташа. Р. Солтангәрәев.
Мифтахетдиндың ололарзан ишетеп белеүенсә, олатаһы кеүек асаба
башкорттарзан башка, Тукһанбай ауылында ситтән күсеп килгән*

килмешәктәр зә бар. Я. Хамматов. Инә буре көсөгәнөң берененәң башына үзе этте, калган икәүһе ана шул килмешәктәр аркаһында һаләк булды. Т. Фарипова. • Китә белмәс килмешәк. Мәкәл» (2, с. 457-458)

Лексема «килмешәк», значит, также носит негативную коннотацию и созвучна с выражениями «бесправный», «оборванец», «пришлый», «чужак» и др. Это проистекает как раз из исторической перспективы, когда чужой в жёсткой, компактной автохтонной патриархальной среде всегда воспринимался как лишний человек, с которым придется делиться пищей, семейным очагом, землей, имуществом. Исходя из амбивалентности позиции чужака, он привносит ту новизну, которая воспринимается как нечто странное в силу самой своей новизны, воодушевляя и тревожа одновременно. Социумом незнакомец воспринимается как потенциальная угроза традиционному укладу жизни, способная разрушить знакомое, близкое, перевернуть мироздание. Э. Тирикьян утверждает, что, с одной стороны, чужак, будучи крайне желаемым, в то же время становится крайне нежелательным [29]. Как отмечает американский социолог, чужак как образ в литературе – выразитель внешнего мира, появление которого на пороге ставит вопрос о выживании сообщества [31, с. 55]. Этнические чужаки, инородцы обладают, по народным поверьям, выраженными полудемоническими признаками, что проявляется в вере в силу «чужих» колдунов [6, с. 375].

Выражение «кара халык» (как и выражения синонимического порядка), если оно используется в отрицательном нарративе, необходимо отнести к «этнофолизмам» – к экспрессивным этнонимам, имеющим негативную коннотацию и выражающим презрительное отношение одного этноса к другому, базируясь на концепте «вражды» с основой на оппозицию «свой-чужой».

Этнофолизмы в большинстве случаев являются языковыми единицами, которые основаны на сходстве (метафоре) или смежности (метонимии) значений по внешнему признаку.

Осмысление того, что «они» – не «мы», вызывает острое желание отделиться от «чужого», продемонстрировать «их» чуждость. Б. В. Поршнев обращает внимание на тот факт, что даже в первобытном обществе «мы» мыслилось как люди, а «они» – как не совсем люди [20, с. 118].

По мнению Т. В. Тонтовой, этнофолизмы формируются в процессе сравнения себя с «другим», что обычно заканчивается оценкой не в пользу «другого». Свое расценивается как «хорошее», чужое считается «плохим». Положительный мы-образ создается с помощью приписывания отрицательных качеств «чужим» этносам, при этом собственная этногруппа позиционируется с точки зрения позитивной социальной идентичности [30, с. 100].

Целью использования инвективных этнонимов является «хаотизация действительности», а неотъемлемой частью «театрализованной субстанциальности» – публичность. Вследствие взаимоотношений этнических большинства и меньшинств на базе осознания превосходства одних и недовольства других в русском, скажем, языке образуется ряд этнофолизмов, различных по своей эмоциональной окраске: «азеры», «чурки», «хачи», «абэвэгэдэйцы», «мамбеты», «хохлы», «хамары», «байбаки», «комики», «дирики» и т. д. [30].

Теперь перейдем непосредственно к речи актора Ф. А., озвученной им на сходе в деревне Ишмурзино Баймакского района Республики Башкортостан и содержавшей выражение «кара халык». Блогер Х. И., разбирая эту речь, в своей версии перевода использует пейоративную номинацию, основанную на морфологических признаках – по цвету кожи, не отвергая того факта, что в башкирском языке имеется возможность обозначения представителей «южных народов» путем применения конструкта «кара халык» [32].

Его вывод созвучен с мнением Д. Т. Вакиловой и Г. Р. Абдуллиной, которые предлагают аналогичное обозначение «кара халык» по отношению к человеку [4]. По их выводам заметно, что исследователи хотя и преподнесли 17 значений слова «кара», изучив некоторые пласты текстового материала, но не до конца рассмотрели все вариации данного конструкта. Заметно, что у них такой масштабной цели и не предусматривалось.

Да, на выражение «кара халык» у актора речи (то есть у Ф. А.) налагаются и нейтральные, смысловые пласты, но это не отменяет негативного оценочного звучания, обусловленного национальным фактором, происходящим из дихотомии, возникшей из-за взаимодействия различных национальностей в условиях острой рыночной конкуренции и при постоянной стрессовой ситуации в экономике, подогреваемой обострением земельно-имущественных отношений. Негативный оценочный фактор в отношении чужеземцев усиливается в речи актора тем, что он использует конструкт «кара халык» в изложенном контексте с однородным этнонимическим рядом:

«Армяне уедут на свою Родину, “черный народ”* – к себе, русские – в свою Рязань, татары – в свой Татарстан».

При этом в высказывании актер речи не вводит фактор сомнения, предположения, возможности, нет – не оставляет представителям этноса вариативности. В оригинале его высказывание является твердым утверждением, долженствованием:

«Әрмәндәр кайталар үзәренең иленә, «кара халык»* үзенең иленә, урыстар ана китә Рязангә, татарзар – Татарстанга».

Выступающий, сознательно или нет, публично повторяет превратившееся с 1990-х годов в популярное клише высказывание-лозунг агрессивного, националистического характера: «Русские – в Рязань, татары – в Казань».

Дважды повторенная пресуппозиция «Мы не сможем переселиться!» – с последующей словесной тирадой: «У нас больше в стороне дома нет! Наш дом – тут! Мы Юку, Ишмурзино не сможем бросить, и переселиться в другую деревню! И там такой вопрос может возникнуть!» – не может нейтрализовать подачу отрицательной коннотации, являясь лишь попыткой ретушированного доведения основного смысла, высказанного ранее.

Поэтому и выражение «кара халык» (дословно «черный народ») в речи Ф. А. – этнофолизм, то есть экзоэтноним с отрицательной коннотацией, относящийся к пейоративной лексике просторечия. Словосочетание «черный народ» (башк. «кара

халык») соответствует примерно семантике слов «хачи», «черномазые», «чурки», являясь обобщенным обозначением народов Средней Азии и Кавказа.

Необходимо добавить, что хотя тематика схода, где прозвучала речь, – проблема экологическая, проблема незаконного использования сырьевого потенциала республики, речь Ф. А. выходит за рамки этой тематики; она не столько акцентирует внимание на существующей экологической проблеме, сколько «раскачивает» стабильность сообщества путём доведения информации о том, что сам оратор и его единомышленники якобы несправедливо преследуются:

«На сегодняшний день нас тоже суд засудил. Мы сегодня тоже для сегодняшней власти – бандиты. За защиту своего народа и языка мы – бандиты. Нам сейчас нельзя проводить мероприятия, хотят закрыть. Все время закрывают (в тюрьму), штрафуют. Если так наших активистов... Вот сидит Ильдар агай, так ведь. Из-за того, что ведет в своем районе борьбу, что с ним стало, знаете? Ноги сломали, избili среди бела дня! За свои взгляды, за то, что был за свой народ, за свою землю».

При этом на современные реалии выдергиваются и негативно проецируются исторические параллели:

«Наши земли в течение веков, наш народ угнетали. Салават Юлаев, Карасакал, Алдар Исякаев – баймакский батыр. Вывели и повесили – за спину, за ребра, казнили! Потом Салавата Юлаева, выведя перед народом, исполосовали кнутом! За что?! За то, что на его землях строили заводы, он вышел против этого. Он тоже в свое время был экстремистом, он тоже был бандитом».

Автор этого высказывания занимается подтасовкой исторических фактов. Например, «Алдар батыр» не мог быть «баймакским батыром», поскольку в XVIII ст. не было Баймакского района, а упомянутый Алдар Исякаев был старшиной обширной Бурзянской волости. При этом актер речи навязывает «обратную», «перевернутую» репутацию исторической личности: «Салават Юлаев – экстремист, бандит». В XVIII в., при жизни Салавата Юлаева, как известно, он действительно был признан официальными властями «злодеем, бунтовщиком, изменником», однако уже со второй половины XIX в. его личность начала преподноситься в позитивном ключе и поэтизироваться, и в современной Российской Федерации он является национальным героем одного из базовых народов, населяющих страну, – башкир, необходимым идеологическим звеном в сохранении единения большого многонационального государства. Еще одна деталь упускается при таком передергивании исторических фактов: Салават Юлаев, будучи тарханом – дворянином, не выступал за отделение башкирских волостей, а присягнул в лице самозванца Пугачева «императору Петру III» и государству, ратуя за прекращение узурпации власти и возвращение подданнических отношений в рамках договоренностей с царём Иоанном Грозным – и не более того.

Таким образом выступающий позволяет себе субъективный исторический ревизионизм. То есть идёт на намеренное и, кажется, неоправданное

преувеличение собственной значимости путем сравнения себя и своих деяний с намного более масштабными историческими деятелями, доказавшими свое величие высоким уровнем образованности, боевых и организаторских способностей, умением мыслить стратегически и владением тактическим мастерством, с людьми, оставившими реальный след в отечественной истории. Актор речи, искажая репутацию исторических лиц, использует этот прием для собственного обеления, но вместе с тем наносит ущерб устоявшимся героическим образам в башкирском культурном коде:

«Мы сегодня тоже для сегодняшней власти – бандиты. За защиту своего народа и языка мы – бандиты. Он тоже [Салават Юлаев] в свое время был экстремистом, он тоже был бандитом».

Идет резкое противопоставление, построенное на дихотомии «свой-чужой»: «свой» – народ, «чужой» – власть. Смакование выражений «повесили – за спину, за ребра, казнили!», «исполосовали кнутом» в отношении башкирских исторических деятелей XVIII в. осуществляется параллельно с уточнением нанесенных некоему «Ильдару агаю» увечий: «ноги сломали, избили среди бела дня». Такие параллели и обширные эмоциональные отступления добавляют нарратив агрессивной публицистичности и вряд ли нацелены на решение конкретных земельных вопросов мирным путём.

Исходя из проанализированного выступления Ф. А., эту речь можно отнести к разряду феноменов антиповедения – формы сознательного и намеренного отхода от всеми принятой или предписываемой (рекомендуемой властными идеологическими кругами) нормы поведения, которая содержит (в меньшей или большей степени) интенцию на дестабилизацию сложившегося культурно-социального порядка, в максимальном значении – на ликвидацию всей его структуры, системы норм. Антиповедение – публичное, резонансное явление, рассчитанное на внешнюю реакцию. Это суть его ролевой (театрализованной) субстанциальности. Будучи связанным с публичностью, оно имеет сверхзнаковую природу, которая требует дополнительные усилия дешифровки [33, с. 99].

ВЫВОДЫ

Таким образом конструкт «кара халык» имеет много значений. В процессе исторического развития он видоизменялся, эволюционировал, имеет много вариаций. В условиях обострения межнациональных отношений выражение «кара халык» приобрело дополнительное значение, выражающее негативное отношение к иному этносу. То есть при условии использования этого выражения в определенном контексте и с определенной целью оно должно быть отнесено к «этнофолизмам» – экспрессивным этнонимам, имеющим негативную коннотацию и выражающим презрительное отношение одного этноса к другому, базируясь на концепте «вражды» с основой на оппозицию «свой-чужой».

В пропагандистской речи Ф. А. на сходе в деревне Ишмурзино Баймакского района Республики Башкортостан выражение «кара халык» является этнофолизмом и синонимично значению слов «хачи», «чурки» «черномазые», являясь общим

пренебрежительным обозначением народов Кавказа и Средней Азии. При этом сам актер речи Ф. А. в большей степени сосредоточен на интересах собственного «Я», нежели на решении основной проблемы – экологической, ради которой был собран сход. В собственных целях, которые никак не касаются земельных вопросов, выступающий «переписывает» факты национальной истории, искажает биографии исторических деятелей, добиваясь таким образом эмоционального эффекта, необходимого ему для удовлетворения личных интересов.

Список литературы

1. *Абдулова А.* «Не так слово переводится»: жители Башкирии возмущены доносом Хабирова на Алсынова¹ // Пруфы: свобода медиаплатформа. – Режим доступа: https://prufy.ru/news/society/144383-ne_tak_slovo_perevoditsya_zhiteli_bashkirii_vozmushcheny_donosom_khabirova_na_alsynova/ – (Дата обращения: 28.08.2024)
2. Академический словарь башкирского языка / Под ред. Ф. Г. Хисаметдиновой. – Уфа: Китап, 2012. – Т. 4. – 944 с.
3. Академический словарь башкирского языка / под ред. Ф. Г. Хисаметдиновой. – Уфа: Китап, 2013. – Т. 5. – С. 228–231.
4. *Вакилова Д. Т., Абдуллина Г. Р.* Цветообозначения ак «белый» и кара «черный» в башкирской языковой картине мира // Вестник Башкирского университета. – 2022. – Т. 27. – №1. – С. 219.
5. *Вахитов Т. (Шакиров И.)* Понятие "кара халык". – Режим доступа: https://vk.com/wall-205831811_6967?ysclid=lx1qung9xn582362673. – (Дата обращения: 28.08.2024).
6. *Виноградова Л. Н.* Непростые люди в сельском сообществе: о людях, наделенных сверхъестественными способностями. Часть 1: невольные вредители, бесноватые, чужаки// Славянский альманах. – 2017. – № 3-4. – С.367–379.
7. *Галляудинов И. Г.* История башкирского литературного языка: источники и методы исследования // Проблемы востоковедения. – 2009. – №. 3 (45). – С. 81–85.
8. *Грачев М. А.* Русское аргю. – Нижний Новгород: НГЛУ, 1997. – 245 с.
9. *Грачев М. А.* От Ваньки Каина до мафии: прошлое и настоящее уголов. жаргона. – Спб: Авалон: Азбука-классика, 2005. – 380 с.
10. *Грачев М. А.* Словарь современного молодёжного жаргона: более 6000 жаргонизмов. – М.: Эксмо, 2006. – 666 с.
11. *Грачев М. А.* Словарь тысячелетнего русского аргю: 27000 слов и выражений. – М.: РИПОЛ классик, 2003. – 1119 с.
12. *Давлетишин Г.* Литературный язык и его функционирование // Белем. – 1927. – № 9-10 (на башкирском языке). – С. 65-68.
13. *Давлетишин Г.* Говоры в башкирском языке // Башкорт аймагы. – 1928. – № 6. – С.76–85.
14. *Дмитриев Н. К.* Грамматика башкирского языка. – М.; Л.: Изд-ва Акад. наук СССР, 1948 (Ленинград). – 276 с.
15. *Ишбулатов Н. Х.* Современный башкирский язык. Система норм литературного языка. – Уфа: Башкнигоиздат, 1972. – 144 с.
16. *Кара халык* // Онлайн-энциклопедия Tatarica. – Режим доступа: <https://tatarica.org/ru/razdely/istoriya/srednie-veka/kara-halyk> – (Дата обращения: 28.08.2024)
17. *Киекбаев Дж. Г.* Лексика и фразеология современного башкирского языка: учеб. пособ. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1966. – 276 с. (на башкирском яз.)
18. *Киекбаев Дж. Г.* Введение в урало-алтайское языкознание. – Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1972. – 152 с.

¹ Внесён в список террористов и экстремистов Росфинмониторинга.

19. Киекбаев Дж. Г. Основы исторической грамматики урало-алтайских языков. – Уфа: Китап, 1996. – 368 с.
20. Комарова В. В., Осмак Н. А. Этнофолизм как элемент языка вражды // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2020. – Вып. 5 (834). – С. 117–127.
21. Куштау Байрам. – Режим доступа: <https://t.me/AlsynovBashkort/131> – (Дата обращения: 02.10.2024).
22. Мансуров А. А. Грамматика башкирского языка (Башкорт теле грамматикаһы). – Уфа: БГУ, 1979.
23. Маруневич О. В. К вопросу о прагматике инвективных этнонимов в современном политическом дискурсе России и США // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. – 2021. – №2 (20). – С. 59–63.
24. Ожегов С. И. Словарь русского языка. Первое издание. – М.: ОГИЗ-ГИС, 1949 г. – 968 с.
25. Раемгужина З. М. Башкирский антропонимикон в свете языковой картины мира (аспекты формирования и особенности функционирования): Автореферат дисс. на соискание ученой степени докт. филол. наук: 10.02.02. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. – 48 с.
26. Саламатин Д. Есть два несоответствия. Специалист рассказала, что не так в экспертизе Хужахметова по «кара халык» // Пруфы: свободная медиаплатформа. – Режим доступа: https://prufy.ru/news/society/146588-est_dva_nesootvetstviya_spetsialist_rasskazala_chno_ne_tak_v_ekspertize_khuzhakhmetova_po_ar_a_khalyk/ – (Дата обращения: 28.08.2024).
27. Тагиров Н. Т. Башкорт халкының байлығын белеү, тарих, географияһына кәрәкле узыктарын йыйнау, комаргкыларын сүпләп табыу һәм туплау өсөн кулланма (Руководство для сбора старых произведений). – Стәрлетамак, 1922. – 40 с. (на башкирском яз.).
28. Тагиров Н. Т. Башкортса эш йөрөтөү өсөн кулланма һәм үрнәктәр (Руководство и примеры для ведения на башкирском языке канцелярских работ). – Өфө, 1924 (на башкирском яз.).
29. Tiryakian, E. A. Sociological Perspectives on the Stranger / E. A. Tiryakian // Soundings: An Interdisciplinary Journal. – 1973. – Vol. 56, no. 1. – P. 45–58. – Режим доступа: www.jstor.org/stable/41177870. – (Дата обращения: 28.08.2024).
30. Тонтоева Т. В. Этнофолизмы как индикаторы динамики этнической идентичности // *Juvenis scientia*. – 2016. – № 2. – С. 97–100.
31. Фахретдинова Л. М. Концепция чужака в социологической традиции // *Primo Aspectu*. – 2020. – № 1 (41). – С. 49–56.
32. Хайбуллин И. Что происходит сегодня в г. Баймак? – Режим доступа: https://youtu.be/YN2_WZMhtxY?si=Af6eb0nawxG2yIh2. – (Дата обращения: 28.08.2024)
33. Юрков С. Е. «Антиповедение»: опыт синергетической интерпретации // Известия Тульского государственного университета: гуманитарные науки. – 2014. – №2. – С. 92–100.

References

1. Abdulova A. «*Ne tak slovo perevoditsja*»: *zhiteli Bashkirii vozmushheny donosom Habirova na Alsynova* ["This is not how the word is translated": residents of Bashkiria are outraged by Khabirov's denunciation of Alsynov]. *Prufy: svobodaja mediaplatforma*. Available from: https://prufy.ru/news/society/144383-ne_tak_slovo_perevoditsya_zhiteli_bashkirii_vozmushcheny_donosom_khabirova_na_alsynova/ (accessed 28 August 2024).
2. *Akademicheskij slovar' bashkirskogo jazyka* [Academic Dictionary of the Bashkir Language]. Ed. by F. G. Hisametdinova. Ufa, Kitap Publ., 2012, Vol. 4, 944 p.
3. *Akademicheskij slovar' bashkirskogo jazyka* [Academic Dictionary of the Bashkir Language]. Ed. by F. G. Hisametdinova. Ufa, Kitap Publ., 2013, Vol. 5, 888 p.
4. Vakilova D. T., Abdullina G. R. *Cvetooboznachenija ak «belyj» i kara «chernyj» v bashkirskoj jazykovej kartine mira* [Color designations "white" and "black" in the Bashkir language picture of the world]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2022, Vol. 27, no. 1, pp. 217–222.

5. Vahitov T. (Shakirov I.) *Ponjatie "kara halyk"* [The concept of "kara halyk"]. Available from: https://vk.com/wall-205831811_6967?ysclid=lx1qung9xn582362673 (accessed 28 august 2024).
6. Vinogradova L. N. *Neprostyle ljudi v sel'skom soobshestve: o ljudjah, nadelennyh sverh#estestvennymi sposobnostjami. Chast' 1: nevol'nye vrediteli, besnovaty, chuzhaki* [Difficult people in a rural community: about people endowed with supernatural abilities. Part 1: unwitting pests, possessed, outsiders]. *Slavjanskij al'manah*, 2017, no. 3-4, pp. 367–379.
7. Galjautdinov I. G. *Istorija bashkirskogo literaturnogo jazyka: istochniki i metody issledovanija* [History of the Bashkir literary language: sources and research methods]. *Problemy vostokovedenija*, 2009, no. 3(45), pp. 81–85.
8. Grachev M. A. *Russkoe argo* [Russian argo]. Nizhny Novgorod, NGLU Publ., 1997. 245 p.
9. Grachev M. A. *Ot Van'ki Kaina do mafii: proshloe i nastojashhee ugovov. Zhargona* [From Wanka Cain to the Mafia: Past and Present of Criminal Jargon]. Saint-Petersburg, Avalon: Azbuka-klassika Publ., 2005. 380 p.
10. Grachev M. A. *Slovar' sovremennogo molodjozhnogo zhargona: bolee 6000 zhargonizmov* [Dictionary of Modern Youth Jargon: Over 6,000 Jargons]. Moscow, Eksmo Publ., 2006. 666 p.
11. Grachev M. A. *Slovar' tysjacheletnego russkogo argo: 27000 slov i vyrazhenij* [Dictionary of millennial Russian argo: 27,000 words and expressions]. Moscow, RIPOL classic Publ., 2003. 1119 p.
12. Davletshin G. *Literaturnyj jazyk i ego funkcionirovanie* [Literary language and its functioning]. *Belem*, 1927, no. 9-10, pp. 65–68.
13. Davletshin G. *Govory v bashkirskom jazyke* [Dialects in the Bashkir language]. *Bashkort aimagi*, 1928, no. 6, pp. 76–85.
14. Dmitriev N. K. *Grammatika bashkirskogo jazyka* [Grammar of the Bashkir language]. Moscow, Leningrad, Akademija nauk SSSR Publ., 1948. 276 p.
15. Ishbulatov N. H. *Sovremennyj bashkirskij jazyk. Sistema norm literaturnogo jazyka* [Modern Bashkir language. System of norms of literary language]. Ufa, Bashkniigoizdat Publ., 1972. 144 p.
16. *Kara halyk* [Kara halyk]. *Onlajn - jenciklopedija Tatarica*. Available from: <https://tatarica.org/ru/razdely/istoriya/srednie-veka/kara-halyk> (accessed 28 august 2024)
17. Kiekbaev Dzh. G. *Leksika i frazeologija sovremennogo bashkirskogo jazyka: ucheb. posob* [Vocabulary and phraseology of the modern Bashkir language: study. manual]. Ufa, Bashkirskoe knizhnoe izd-vo Publ., 1966. 276 p.
18. Kiekbaev Dzh. G. *Vvedenie v uralo-altajskoe jazykoznanie* [Introduction to Ural-Altai linguistics]. Ufa, Bashkirskoe knizhnoe izd-vo Publ., 1972. 152 p.
19. Kiekbaev Dzh. G. *Osnovy istoricheskoy grammatiki uralo-altajskih jazykov* [Fundamentals of the historical grammar of the Ural-Altai languages]. Ufa, Kitap Publ., 1996. 368 p.
20. Komarova V. V., Os'mak N. A. *Jetnofolizm kak jelement jazyka vrazhdy* [Ethnofolism as an element of hate speech]. *Vestnik MGLU, Gumanitarnye nauki*, 2020, vol. 5 (834), pp. 117–127
21. *Kushtau Bajram* [Kushtau Bayram]. Available from: <https://t.me/AlsynovBashkort/131> (accessed 02 October 2024).
22. Mansurov A. A. *Grammatika bashkirskogo jazyka* [Grammar of the Bashkir language]. Ufa, BGU Publ., 1979.
23. Marunovich O. V. *K voprosu o pragmatike invektivnyh jetnonimov v sovremennom politicheskom diskurse Rossii i SShA* [On the question of the pragmatics of invective ethnonyms in the modern political discourse of Russia and the USA]. *Na peresechenii jazykov i kul'tur. Aktual'nye voprosy gumanitarnogo znanija*, 2021, no. 2 (20), pp. 59–63.
24. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo jazyka. Pervoe izdanie* [Dictionary of the Russian language. First edition]. Moscow, OGIz-GIS Publ., 1949. 968 p.
25. Raemguzhina Z. M. *Bashkirskij antroponimikon v svete jazykovej kartiny mira (aspekty formirovanija i osobennosti funkcionirovanija): Avto-ref diss. na soiskanie uchenoj stepeni dokt. filol. nauk* [Bashkir anthroponymicon in the light of the language picture of the world (aspects of formation and features of functioning). Abstract of thesis]. Ufa, RIC BashGU Publ., 2009. 48 p.

26. Salamatin D. *Est' dva nesootvetstviya. Specialist rasskazala, chto ne tak v jekspertize Huzhahmetova po «kara halyk»* [There are two inconsistencies. The specialist told what is wrong in Khuzhakhmetov's examination of "kara khalyk"]. *Prufy: svobodnaja mediaplatforma*. Available from: https://prufy.ru/news/society/146588-est_dva_nesootvetstviya_spetsialist_rasskazala_chto_ne_tak_v_ekspertize_khuzhakhmetova_po_ara_khalyk/ (accessed 28 August 2024).
27. Tagirov N. T. *Bashkort halxynyñ bajlyzyn beley, tarih, geografijahyna kəräkle uzıktaryn jyjnau, komartkylaryn syplap tabyu hám tuplau ösön kullanna (Rukovodstvo dlja sbora staryh proizvedenij)* [Manual for collecting old works]. Sterlitamak, 1922. 40 p.
28. Tagirov N. T. *Bashkortsa jesh jörötöy ösön kullanna hám ırnäktär (Rukovodstvo i primery dlja vedenija na bashkirskom jazıke kanceljarskih rabot)* [Manual and examples for conducting clerical work in Bashkir]. Ufa, 1924.
29. Tiryakian, E. A. Sociological Perspectives on the Stranger. *Soundings: An Interdisciplinary Journal*, 1973, vol. 56, no. 1, pp. 45–58. Available from: www.jstor.org/stable/41177870 (accessed 28 august 2024).
30. Tontoeva T. V. *Jetnofolizmy kak indikatory dinamiki jetnicheskoj identichnosti* [Ethnofolisms as indicators of ethnic identity dynamics]. *Juvenis scientia*, 2016, no. 2, pp. 97–100.
31. Fahretdinova L. M. *Koncepcija chuzhaka v sociologicheskoj tradicii* [The concept of a stranger in the sociological tradition]. *Primo Aspectu*, 2020, no. 1 (41), pp. 49–56.
32. Hajbullin I. *Chto proshodit segodnja v g. Bajmak?* [What is happening today in the city of Baymak?]. Available from: https://youtu.be/YN2_WZMhtxY?si=Af6eb0nawxG2yIh2 (accessed 28 august 2024).
33. Jurkov S. E. «Antipovedenie»: opyt sinergeticheskoj interpretacii ["Anti-behavior": experience of synergistic interpretation]. *Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta: gumanitarnye nauki*, 2014, no. 2, pp. 92–100.

TOWARDS SCIENTIFIC ANALYSIS OF EVOLUTION EXPRESSIONS "KARA HALYK"

Khuzhakhmetov A. O., Khuzhakhmetova G. N.

The article discusses the etymology and evolution of the expression "kara halyk" from ancient times to the present day. Throughout its historical development, this vocabulary has undergone significant changes, evolving and generating numerous variations. Its meaning ranged from designating categories such as "crowd" or "rabble" to word formations that carry connotations of commonality, lack of education, as well as physical characteristics such as "dark", etc. An analysis of the speech of one of the actors delivered in the village of Ishmurzino of the Republic of Bashkortostan (translated by A. O. Khuzhakhmetov). An invective interpretation of the expression "kara khalyk" with a negative connotation addressed to representatives of Central Asia and the Caucasus is shown. The speaker resorts to a subjective reinterpretation of history, protruding individual facts and figures in such a way as to present them in the most favorable light for himself. At the same time, he places them in an artificially created, devoid of logic time context, contrasting with generally accepted historical ideas. In general, the authors made an attempt to study the problem of the emergence and development of the invective stratum, as well as ethno-folisms, in the Bashkir language.

Key words: "kara khalyk", ethnofolism, construct, dichotomy "friend or foe", opposition, invective, peyorative, connotation, presupposition, anti-teaching.

UDC 811'373.612

**THE CONCEPT OF MORALITY IN ENGLISH-SPEAKING LINGUISTIC
CULTURE BASED ON NARROW CONTEXTUAL DISTRIBUTION
OF THE LEXEME “MORALS”**

Murashova L. P., Sereda P. V.

*Department of Foreign languages № 1
of Kuban State Technological University,
Krasnodar, Russia
e-mail: L-P-Murashova@mail.ru; polinapost@list.ru*

This study investigates the contextual distribution of the lexeme "morals" within the British National Corpus (BNC), drawing on 345 samples from diverse genres, including fiction, academic texts, journalism, legal discourse, and conversational data. The analysis explores the semantic, syntactic, and pragmatic dimensions of "morals" to uncover how it functions within the English language. The semantic analysis identified three primary categories: ethical frameworks, subjective interpretations, and prescriptive uses. They illustrate how the lexeme "morals" conveys societal norms, personal beliefs, moral hypocrisy, and regulatory principles. The syntactic analysis showed that "morals" consistently functions as a plural abstract noun, frequently occurring with collocates such as "standards," "values," and "behavior," while modifiers like "individual," "societal" and "ethical" provide contextual specificity. Pragmatic analysis highlighted the term's role in expressing judgment, moral conflict, and ethical critique. The findings demonstrate that "morals" is a term embedded in cultural, ethical, and societal discourse. This research contributes to lexical and discourse studies by offering detailed observations on the interplay between language, morality, and social expectations, enriching our understanding of moral concepts in contemporary English.

Keywords: lexical analysis, morals, ethical discourse, societal norms, moral judgment, contextual distribution.

INTRODUCTION

The concept of morals has been a subject of rigorous investigation by scholars, philosophers, and psychologists throughout history. Although definitions vary, morals can be broadly understood as the principles or norms that guide individuals and societies in distinguishing between right and wrong. These principles are rooted in ideas about the highest good and are influenced by cultural, social, and personal values.

Philosophers have approached these ideas from different angles, providing rich theoretical foundations for understanding morality. Aristotle (384–322 BCE) took a different approach by focusing on virtue ethics – the cultivation of character and the pursuit of a balanced life. In his seminal work *Nicomachean Ethics*, Aristotle argued that moral virtue lies in the Golden Mean, a balanced state between extremes of deficiency and excess.

He explains: “Moral virtue comes in the middle or mean between two vices, one on the side of excess, the other on the side of defect; and, secondly, inasmuch as, while these vices fall short of or exceed the due measure in feeling and in action, it finds and chooses the mean, middling, or moderate amount” [2, p. 106].

Immanuel Kant (1724–1804), a pivotal figure in deontological ethics, believed that moral principles are grounded in duty and universal laws. In his work *Groundwork for the Metaphysics of Morals* (1785), Kant introduced the concept of the categorical imperative, which serves as the cornerstone of his ethical theory.

According to Kant, moral actions are those performed out of duty rather than personal inclination or consequence. The categorical imperative is a rule that applies unconditionally and requires individuals to act in ways that could be universally applicable. He succinctly states: “Act only according to that maxim through which you can at the same time will that it become a universal law” [8, p. 30]. For example, telling the truth is a moral duty because a universal law allowing lies would undermine trust and social cohesion. Kantian ethics emphasizes rationality, autonomy, and consistency, highlighting the importance of treating all individuals as ends in themselves, not merely as means to an end.

John Stuart Mill (1806–1873) advanced the ethical theory of utilitarianism, which defines morality in terms of the consequences of actions. In *Utilitarianism* (1861), Mill proposed that the rightness of an action depends on its ability to promote the greatest happiness for the greatest number of people. He articulated this principle as: “The creed which accepts as the foundation of morals, Utility, or the Greatest Happiness Principle, holds that actions are right in proportion as they tend to promote happiness, wrong as they tend to produce the reverse of happiness” [14, p. 24].

Happiness, according to Mill, is characterized by the presence of pleasure and the absence of pain. Mill distinguished between higher and lower pleasures, arguing that intellectual and moral pleasures are superior to mere physical pleasures. Utilitarianism focuses on maximizing well-being and considers the collective impact of individual actions, making it a consequentialist ethical framework.

These three philosophers – Kant, Aristotle, and Mill – offer distinct but complementary approaches to morality: Kant emphasizes duty and universal principles, focusing on the intrinsic nature of actions; Aristotle centers on the cultivation of virtue and the pursuit of a balanced, fulfilling life and Mill evaluates morality through the lens of consequences and the overall happiness generated by actions. While Kantian ethics stresses moral obligations regardless of outcomes, Aristotelian virtue ethics highlights character development, and Mill’s utilitarianism prioritizes outcomes that maximize happiness. Together, these perspectives provide a comprehensive understanding of moral values and ethical behavior.

In contemporary discussions, respect for individual rights (Kant), the development of ethical character (Aristotle), and the pursuit of collective well-being (Mill) are parts of ethical decision-making and moral philosophy. Despite variations in moral interpretation, key values such as respect, responsibility, honesty, and integrity are often seen as universal components of morality.

In Russian scientific research, the concept of morality is more frequently explored within philosophical frameworks than philological ones. For instance, “Morality as a Discursive Formation” by Bolotnikova (2006) shows morality through discourse analysis, combining philosophical and linguistic perspectives. The study examines how morality is constructed in discourse, referencing classical philosophers like Plotinus and Augustine [17]. In contrast, Ayupov’s work, “Law and Morality in the Context of Globalization”, focuses on the philosophical relationship between legal norms and moral standards during socio-political changes in Russia, particularly in the context of globalization [16].

The relevance of this study lies in its examination of morality through linguistic analysis rather than purely philosophical discourse. While the research described above has focused on moral philosophy, this article investigates how the concept of morals is reflected in English-speaking linguistic culture based on the narrow contextual distribution of the lexeme 'morals.' This study also offers a fresh perspective compared to other contemporary research on morality from a linguistic standpoint, as will be shown in the following section.

The aim of this study is to analyze the contextual usage of the word 'morals' within English-speaking linguistic culture through distributional semantics. (*Explicitly stated aim to align with academic requirements.*) To achieve this, the study pursues the following objectives:

1. To examine key linguistic representations of morality, keeping in mind philosophical perspectives.
2. To apply distributional semantics to analyze the contexts in which the word 'morals' appears.
3. To identify dominant patterns of moral discourse within English-language corpora.

Morality fundamentally encompasses the ways in which people relate to others and the world around them. Two essential components underpin many moral frameworks:

1. **Respect:** Respect involves acknowledging the dignity and worth of oneself and others. It includes respect for diverse beliefs, cultures, and perspectives, promoting tolerance and understanding within societies.
2. **Responsibility:** This entails being accountable for one's actions and decisions, as well as contributing positively to the well-being of the community. Responsibility implies ethical awareness and active participation in social, economic, and cultural life.

By examining the linguistic representation of 'morals,' this study contributes to a broader understanding of how moral values are embedded in English-speaking cultures.

RESEARCH BACKGROUND

Morality can be understood as a system of rules that governs how people interact and relate to one another in society. This system is based on key principles such as goodness, trust, and fairness. People rely on these principles to guide their actions, using their cognitive abilities to interpret social situations. Essential skills involved in applying morality include reasoning, problem-solving, self-control, and adaptability.

In this article, we explore the concept of morality within English-speaking culture by examining the narrow contextual usage of the word "morals".

Distributional semantics is an approach to studying word meaning through its usage, where "the statistical distribution of words in context plays a key role in determining their semantic behavior" [11, p. 1]. This field advanced with the development of computational methods and text corpora, which allow large-scale analysis of word distributions. A corpus serves as a "repository" of word usage examples, though it captures only linguistic, not extralinguistic, contexts.

The method was pioneered by Zellig Harris [6; 7], who viewed distributional analysis as crucial in linguistics, initially in phonology, and later in morphology and semantics. The foundational idea of distributional semantics is that the semantic similarity of words can be explained by their linguistic distributions, a concept known as the Distributional Hypothesis: “Certain aspects of a word’s meaning depend on its distributional properties, i.e., the contexts in which it appears” [6, p. 6].

There are two versions of this hypothesis. The weak version suggests that distributional analysis can help study word meaning. As summarized by J. R. Firth, “You shall know a word by the company it keeps” [4, p. 11]. The weak version uses quantitative methods to analyze word distributions and determine paradigmatic properties. Researchers like Beth Levin and Rappaport Hovav [12], Merlo and Stevenson [13] support this view.

In contrast, the strong version argues that distributions actively shape semantic representations at a cognitive level. Frequent contextual usage forms an abstract contextual representation, influencing how we understand word meanings [11]. This approach is supported by scholars such as Landauer and Dumais [10] and Ping and Burgess [15].

The distributional hypothesis has faced criticism from embodied cognition theorists, like Barsalou, who argue that meanings derive from sensory experiences [3]. However, language itself is part of experience, suggesting that contextual data also shape word meanings. Therefore, distributional analysis offers valuable empirical insights into conceptualization processes.

We adopt the strong version of the distributional hypothesis, which asserts that words play a central role in shaping semantic representations. This differs from the weaker version, which offers a less definitive connection between word use and meaning. The strong hypothesis is a cognitive theory about how semantic representations are formed and where they originate.

According to this approach, a word’s frequent occurrence in various linguistic contexts leads to the creation of a contextual representation – an abstract profile of the most common situations in which the word appears. This distribution is believed to explain not only the word's semantic behavior but also its meaning at a cognitive level. In other words, the contexts in which a word appears shape how we understand and interpret its meaning.

In contemporary linguistic analysis of how morals are expressed, advanced linguistic methods and approaches have been widely used. For example, our previous study on the narrow contextual distribution of the lexemes "man" and "woman," analyzed through the framework of distributional semantics, is based on data from the British National Corpus. Similarly, other recent studies also rely on automatically extracted linguistic data [18].

The article "Moral concerns are differentially observable in language" investigates how individual moral concerns, as conceptualized by Moral Foundations Theory (MFT), manifest in language use. Using Natural Language Processing (NLP) techniques, the researchers analyze a dataset of Facebook status updates (N = 107,798) linked to self-reported moral values from the Moral Foundations Questionnaire. The study finds that moral concerns are indeed reflected in language but with varying degrees of detectability – Purity being the most traceable and Fairness the least. Additionally, distinct patterns of

relational, emotional, and social language correlate with different moral foundations. This research challenges prior assumptions that moral language directly maps onto moral concerns, emphasizing that morality is embedded not only in explicit moral rhetoric but also in broader linguistic patterns [9].

The article by Jeremy A. Frimer revisits the Moral Foundations Hypothesis (MFH), which suggests that liberals and conservatives emphasize different moral values in their language. Liberals are thought to rely more on harm/care and fairness/cheating, while conservatives emphasize loyalty/betrayal, authority/subversion, and purity/degradation. Frimer conducts two replication studies and six extensions to test this claim in religious, political, media, and organizational contexts and finds that differences in moral language between liberals and conservatives are weaker than previously thought [5].

The article "MoralStrength: Exploiting a moral lexicon and embedding similarity for moral foundations prediction" by Oscar Araque, Lorenzo Gatti, and Kyriaki Kalimeri presents MoralStrength, an enhanced moral lexicon expanding the Moral Foundations Dictionary (MFD) using WordNet synsets. It introduces numeric moral valence scores for 1,000 lemmas and evaluates three predictive models on Twitter data (MFTC corpus). This research aids in understanding moral judgments in user-generated content, benefiting policy-making and communication strategies [1].

The novelty and distinction of this work on morals lie in its unique approach to analyzing moral language through the lens of cognitive metaphor theory and corpus-based methods. While previous studies focus on the narrow contextual distribution of specific lexemes within distributional semantics, present research goes beyond mere lexical co-occurrence to explore deeper conceptual structures underlying moral discourse. Similarly, studies like Kennedy et al. (2021) and Frimer (2020) employ Natural Language Processing (NLP) and moral foundations theory to detect moral concerns in social media or political discourse, but they primarily assess explicit moral rhetoric rather than the underlying metaphorical and conceptual mappings.

Our study also differs from Araque et al. (2020), who enhance the Moral Foundations Dictionary (MFD) with a moral lexicon and embedding similarity for predictive modeling. Instead of focusing solely on classification and prediction, we aim to uncover the cognitive mechanisms that shape moral reasoning in language. By integrating metaphor theory with corpus linguistics, we provide a more nuanced understanding of how moral concepts are structured and realized in discourse.

MATERIALS AND METHODS

The study analyzes the lexeme "morals" using a corpus-based approach, drawing on the British National Corpus (BNC). A total of 345 samples containing the lexeme "morals" were extracted for this analysis, with nearly half of them falling under semantic classification. The samples were identified through a systematic search for the term "morals" within the BNC. These samples encompass a variety of genres, including fiction, academic discourse, journalism, legal texts, and conversational data.

To explore the contextual distribution of "morals," the analysis considered three primary dimensions: semantic, syntactic, and pragmatic use. These dimensions were examined through qualitative categorization and contextual interpretation.

1. **Semantic Analysis:** The semantic use of "morals" was categorized based on the meaning of phrases and contextual connotations. Because the term "morals" often illustrates multiple contextual and semantic categories, some examples were included in more than one category where appropriate. This included:
  - 1.1 **Ethical Framework and Value Systems:** Instances where "morals" reflect systems of principles distinguishing right from wrong.
    - 1.1.1 **Judgments on Standards:** Emphasizing ethical boundaries and judgments.
    - 1.1.2 **Loose Morals:** Reflecting permissive or less rigid ethical stances.
  - 1.2 **Subjective Interpretations:** Examples reflecting individual or collective moral standards, including divergence or moral hypocrisy.
  - 1.3 **Prescriptive and Judgmental Use:** Contexts involving a prescriptive set of rules, particularly linked to religious or social expectations.
    - 1.3.1 **Morals and Religion:** References where "morals" intersect with religious teachings.
    - 1.3.2 **Morals in Social and Legal Contexts:** Contexts relating to societal regulations and legal principles.
2. **Syntactic Analysis:** The syntactic behavior of "morals" was examined to understand its function as a plural abstract noun.
3. **Pragmatic Analysis:** The pragmatic use of "morals" was assessed to understand its role in discourse, particularly in expressing judgment, comparison, or conflict.

Each sample was manually examined within its context to determine the appropriate semantic, syntactic, and pragmatic characteristics. After that, the examples were classified into categories, sometimes multiple, if they illustrated more than one dimension. The analysis focused on identifying patterns, themes, and variations in the use of "morals" across different contexts. Thus, the semantic analysis method, categorization method, and contextual analysis method have been used in this article.

RESULTS AND DISCUSSION

To analyze the narrow contextual distribution of the lexeme "morals" in the BNC, we consider its semantic, syntactic, and pragmatic use within these contexts.

Semantic Observations

1.1 Ethical Framework and Value Systems

1.1.1 Judgments on standards.

The term "morals" predominantly conveys a system of principles or values distinguishing right from wrong, which is central to ethical discourse. It relates to cultural or societal ethical boundaries, emphasizing the collective understanding of behavior norms. The lexeme "morals" relates to an individual's or group's ethical standards and judgments.

The characters are often judging, criticizing, or defending the behavior or values of others. In some instances, "morals" is used to reflect a set of personal standards (e.g., "your morals might reek of the dustbin,"), while in others it reflects expectation (e. g., "You monster! I was criticizing us, not you. Your morals are too tight...").

Examples of this category include the following contexts:

"For Boutet, the concluding morals of the fabliaux are a final inscription of the truth of traditional values."

"I was making a point about my morals," she said primly.

"Hundreds more Herefordians are expected to risk their morals at the first show in the city early next month."

"...conspired with certain other young persons to produce a magazine that would corrupt the morals of young children..."

"Your morals might reek of the dustbin, but the scenery is magnificent.' Claudia bit..."

"...Besides, it doesn't matter. Your morals are your own business..."

"The questions are similar in that both are a reflection of the values and morals of society at the time."

"...I don't want to enforce my morals onto someone else, or my ethics, and I really would like to ask..." etc.

1.1.2 Loose morals

In some instances, "morals" is used in a way that describes a more relaxed, permissive, or less rigid ethical stance. This often happens when characters refer to others who seem to lack restraint or exhibit behavior that deviates from traditional or expected norms, indicating a moral decay or a lack of control.

Examples of this subcategory include:

"Sadly, morals and behaviour ashore had deteriorated too with more drunks and ladies of easy virtue..."

"Your morals are too tight and ours too loose?"

"Shocked at her lack of morals and the ease with which he'd reduced all her defences to nothing, Meredith..."

"...her new husband had ruined her father, and themselves, with his loose morals, and looser tongue."

"Vitor would now associate her with casual sex and loose morals. It hadn't been like that, she wanted to howl."

"Mother never stopped telling me she didn't care for the lax morals that had become so fashionable..."

"He was accusing her of having the morals of an alley cat again, and she was tired of it."

"They have the morals of alley cats."

"Some people've got the morals of alley cats."

"That man hasn't got the morals of a ferret."

"...I thought morals and loyalty were laughable attributes." etc.

1.2 Subjective Interpretations

The term "morals" appears with subjective connotations, reflecting individual or collective moral standards. It is nuanced by the influence of personal beliefs or cultural codes. Examples of this category suggest divergence or debate over what constitutes "morals," indicating its dependency on subjective viewpoints. The texts even frequently highlight situations of moral hypocrisy or perceived moral contradictions, where one person accuses another of lacking morals while the accuser's own behavior may not align with their moral assertions.

Examples of this category include:

"...you'd passed judgment on my morals and decided to punish me for something you could only have had the vaguest idea..."

"...you're special, all right. You're an opportunist; I beg you to put aside your prejudice? Ask you to believe that I have morals..."

"Ask you to believe that I have morals, principles? That I'm not the kind of woman who deliberately exercises her..."

"...calling her morals into question while at the same time engaging in far more dubious behaviour himself..."

"...who am I to judge the poor man's morals? Look at my chaplain!"

"He was accusing her of having the morals of an alley cat again, and she was tired of it."

"Mother never stopped telling me she didn't care for the lax morals that had become so fashionable since the outbreak of the war."

"Now one can argue indefinitely about the morals and the merits of the decisions of the House of Lords..." etc.

1.3 Prescriptive and Judgmental Use

The lexeme is often used to imply a prescriptive set of rules or judgmental stance, rather than a neutral observation. "Morals" is connected to more formal, religiously or traditionally rooted and tied to institutional expectations.

1.3.1 Morals and religion

Examples of this subcategory include:

"The question about the relationship between law and morals is not a question about the content of the law but one about its form."

"Most oriental codes deal with legal matters only: morals and religion belong elsewhere. In the Bible legal, moral and religious laws are..."

"An Anglican institution for the 'care and training of lads in Religion, Morals and Physique' during the important years prior to manhood..."

"The moral decline of the West cries out for a return to the morals of protestant Christianity which will tell the nation what they must do to be strong."

"Robert had read the chapter on lavatories in *Morals and Manners in Islam* by Dr. Marwan Ibrahim Al-Kaysi of the University of Yarmouk."

"Wimbledon School was falling short of Dr. Al-Kaysi's, admittedly high, standards. *Morals and Manners in Islam* was the only book on the subject he had been able..."

"...his entire stock of knowledge about Islam was derived from Morals and Manners in Islam by Dr. Marwan Ibrahim Al-Kaysi."

"While religion and philosophy, for example, deal with values and morals, science deals only with facts."

"...its own particular view of human behaviour, and all have their own standards of morals. The Christian believes that since the Christian teaching is true, it will be..."

"The issue also raises questions about love, sex, marriage, religion and morals."

"Essentially, Mrs. Whitehouse's argument was that 'traditional' Christian morals were no longer adequately presented on television..."

"...rather than Darwin as a philosopher or as an influencer of morals and religious beliefs and so on."

"...the rituals, dogmas and morals found in myths and various religions, including Christianity."

"They concern religion, morals, art and social organization, especially political authority, in human society."

"...Perhaps the most symbolically significant event in the general area of religion and morals in the early 1960s..."

"...Religion shouldn't allow us to sit on our morals! (pause) I think it's a great tragedy that Wales (pause)..."

"A teacher who does nothing but teach and leaves morals, religion, and entertainment to the family..."

"...they pray every day, that they attend a place of worship, that their morals and/or their life is ruled according to religious precepts..."

"...non-Christian can accept, without offence to his convictions, the fact that Christian morals are the basis of the criminal law and that he can recognize..."

"While religion and philosophy, for example, deal with values and morals, science deals only with facts. A scientific approach to child abuse, therefore, would focus on..." etc.

1.3.2 Morals in social and legal contexts

"Morals" is sometimes invoked in social or legal, or philosophical discussions, reflecting its role in structuring societal expectations, often in relation to public behavior. This includes references to enforcement or regulations of morals, and/or consequences associated with these regulations.

Examples of this subcategory include:

"...non-Christian can accept, without offence to his convictions, the fact that Christian morals are the basis of the criminal law and that he can recognize ..."

"While religion and philosophy, for example, deal with values and morals, science deals only with facts. A scientific approach to child abuse, therefore, would focus on..."

"The publishers were convicted on charges of 'conspiring to corrupt public morals' and 'conspiring to outrage public decency..."

"...the criminal law has always been concerned with morals or moral principles..."

"It represents the morals, ethics and law of the nation."

"...criminal law legislation was the key to improving the nation's morals."

"Values and morals are independent of religious faith." etc.

Syntactic Observations

The lexeme "morals" consistently functions as a plural abstract noun, aligning with its use to denote a collective set of principles. Phrases like "standards of morals" or "debating morals" point to its role as a conceptual entity rather than a tangible one. Common collocations include standards, behavior, norms, and values, suggesting frequent pairing with terms that emphasize codified or evaluative elements.

Modifiers such as "societal," "individual," or "ethical" narrow the focus of "morals," specifying the scope in which it applies. For example, the use of such collocation as "societal morals" underscores its contextualization within cultural frameworks.

Syntactic Observations

As we have already noted, the lexeme "morals" is contextually anchored in cultural or societal discourse, underscoring its role in defining acceptable behavior within specific groups. The contexts suggest conflict or comparison of moral standards, implying a divergence between idealized and practiced morals. For example, the phrase "debating morals" illustrates this conflict, hinting at differences in perception or application. "Morals" is also frequently used in contexts indicating judgment or disapproval, particularly when societal expectations clash with individual actions.

CONCLUSION

This study of the lexeme "morals" within the British National Corpus reveals several key aspects of its use across different contexts. The semantic analysis identified three primary categories: ethical frameworks, subjective interpretations, and prescriptive uses. In the ethical framework category, 132 examples demonstrated how "morals" functions to express standards of right and wrong, often reflecting societal or cultural norms. The subjective interpretations category included 8 instances where "morals" conveyed personal or collective moral standards, highlighting moral hypocrisy or divergence in viewpoints. The prescriptive and judgmental use category, with 34 examples, with religious connotations prevailing.

The syntactic analysis showed that "morals" consistently functions as a plural abstract noun, frequently occurring with collocates such as "standards," "values," and "behavior." Modifiers like "individual," "societal," and "ethical" demonstrate the contextual specificity of "morals." The analysis also found that "morals" often occurs in judgmental phrases, reflecting disapproval or critique.

The pragmatic analysis revealed that "morals" is frequently used to express judgment, conflict, or comparison. It highlighted conflicts between societal expectations and individual actions.

This study provides a detailed understanding of the varied semantic, syntactic, and pragmatic uses of "morals" in contemporary British English. The findings highlight the importance of context in interpreting moral discourse, showing that the lexeme "morals" serves as a versatile term that reflects societal values, personal beliefs, and ethical judgments. This analysis contributes to the broader field of lexical and discourse studies, and helps to understand how moral concepts are articulated and negotiated within language.

References

1. Araque O., Gatti L., Kalimeri K. *MoralStrength: Exploiting a moral lexicon and embedding similarity for moral foundations prediction*. *Knowledge-Based Systems*, 2020, vol. 191, p. 154–160.
2. Aristotle. *Nicomachean Ethics*. Book II. Translated by W. D. Ross. Indianapolis, Hackett Publ. Co., 1993. 504 p.
3. Barsalou L. *Perceptual Symbols Systems*. *Behavioural and Brain Sciences*, 1999, vol. XXII, pp. 577–609.
4. Firth J. *Papers in Linguistics*. London, Oxford University Press, 1957. 233 p.
5. Frimer J. A. *Do liberals and conservatives use different moral languages? Two replications and six extensions of Graham, Haidt, and Nosek's (2009) moral text analysis*. *Journal of Research in Personality*, 2020, vol. 84, p. 1–41.
6. Harris Z. *Distributional Structure*. *Word*, 1954, vol. X (2–3), pp. 146–162.
7. Harris Z. *Methods in Structural Linguistics*. Chicago, University of Chicago Press, 1951. 384 p.
8. Kant I. *Groundwork of the Metaphysics of Morals*. Cambridge, Cambridge University Press, 1998. 76 p.
9. Kennedy B., Atari M., et al. *Moral concerns are differentially observable in language*. *Cognition*, 2021, vol. 212, p. 663–691.
10. Landauer T., Danielle S., et al. (eds.). *Handbook of Latent Semantic Analysis*. Mahwah, NJ, Lawrence Erlbaum, 2007. 544 p.
11. Lenci A. *Distributional semantics in linguistic and cognitive research*. In: Lenci A. (ed.). *From Context to Meaning: Distributional Models of the Lexicon in Linguistics and Cognitive Science*. *Italian Journal of Linguistics*, 2008, vol. 20 (1), pp. 1–31.
12. Levin B., Rappaport Hovav M. *Argument Realization*. Cambridge, Cambridge University Press, 2005. 278 p.
13. Merlo P., Stevenson S. *Automatic Verb Classification Based on Statistical Distributions of Argument Structure*. *Computational Linguistics*, 2001, vol. XXVII (3), pp. 373–408.
14. Mill J. *Utilitarianism*. Auckland, The Floating Press, 2009. 120 p.
15. Ping L., Burgess C. et al. *The Acquisition of Word Meaning through Global Lexical Co-occurrences*. *Proceedings of the 31st Child Language Research Forum*, 2000, pp. 167–178.
16. Ayupov V. Sh. *Pravo i moral' v usloviyakh globalizatsii: Dis. ... kand. jurid. nauk* [Law and Morality in the Context of Globalization. Thesis]. Kazan, 2009. 178 p.
17. Bolotnikova E. N. *Moral' kak diskursivnaya format-siya: Dis. ... kand. filos. nauk* [Morality as a Discursive Formation. Thesis]. Moscow, 2006. 171 p.
18. Murashova L. P. *Teorija distributivnoj semantiki primenitel'no k analizu uzkoj kontekstual'noj distribucii leksem «Man» i «Woman»* [Narrow contextual distribution of the lexemes "man" and "women", analyzed in the framework of distributional semantics]. *Nauchnyi vestnik Yuzhnogo instituta menedzhmenta*, 2016, no. 1, pp. 68–71.

Sources

1. British National Corpus (BNC). Available from: <https://corpus.byu.edu/bnc/> (accessed 16 October 2024).

**ИССЛЕДОВАНИЕ ПОНЯТИЯ МОРАЛИ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ НА ОСНОВЕ УЗКОЙ КОНТЕКСТУАЛЬНОЙ
ДИСТРИБУЦИИ ЛЕКСЕМЫ 'MORALS'**

Мурашова Л. П., Середя П. В.

Представленное исследование направлено на изучение контекстуальной дистрибуции лексемы "morals" в Британском национальном корпусе (BNC) на материале 345 примеров, охватывающих различные жанры – от художественной литературы и научных текстов до журналистики, юридического дискурса и разговорной речи. Работа фокусируется на многогранности использования лексемы: исследуются её семантические, синтаксические и прагматические аспекты с целью более глубокого понимания её функции и роли в языке. Семантический анализ выявил три основные категории употребления лексемы: этические рамки, субъективные интерпретации и предписывающее использование. Эти категории иллюстрируют, как лексема "morals" передает общественные нормы, личные убеждения, моральное лицемерие и регулирующие принципы. Исследование показывает, как "morals" используется для обозначения этических норм, личных убеждений и моральных ценностей, а также как эта лексема может отражать моральные противоречия и общественные ожидания. Через подробный синтаксический анализ можно проследить, как «morals» часто встречается в сочетаниях с такими терминами, как «standards», «values», и «behavior», что позволяет обозначить её абстрактную и множественную природу. Также внимание уделяется прагматическому аспекту, где анализируется роль лексемы в выражении моральных суждений, оценки поведения и обсуждении моральных конфликтов. Лексема «morals» активно используется для критики, осуждения или обсуждения расхождений между личными и общественными нормами, что подчеркивает её важность в формировании моральных оценок и моральной дискуссии. Результаты исследования подчеркивают, что лексема «morals» является не только важным элементом лексического состава языка, но и важным инструментом выражения культурных и этических норм, регулирующих общественные отношения и поведение. Вклад в лексические и дискурсивные исследования заключается в более глубоком понимании взаимодействия языка, морали и социальных ожиданий в современном английском языке, а также способствует дальнейшему развитию теории морального дискурса в лингвистике.

Ключевые слова: лексический анализ, мораль, этический дискурс, общественные нормы, моральная оценка, контекстуальная дистрибуция.

5. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 378

МОДУЛЬНЫЙ ПОДХОД ПРИ ИЗУЧЕНИИ ПАДЕЖНОЙ СИСТЕМЫ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РКИ В ШАНЬДУНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ

Чжай Гуанвэй

*Шаньдунский университет путей сообщения,
Цзинань, Китай
e-mail: 50972078@qq.com*

Статья посвящена описанию особенностей применения модульного подхода при обучении грамматике русского языка, в частности, его падежной системе, на занятиях по РКИ в Шаньдунском университете путей сообщения (Китай). В основе модульного формата обучения лежат современные методологические принципы, особенность которых состоит в единстве и взаимосвязи учебного, познавательного и развивающего аспектов. Каждый модуль имеет название и тематическую направленность, связанную с Россией, как основу для изучения базовых значений падежа. В статье анализируется структура каждого модуля, приводятся примеры обучающего материала, даются соответствующие методические пояснения и комментарии к заданиям. Особое внимание уделяется последовательности знакомства с падежами, специфике их значений, трудным случаям для восприятия информации в китайской аудитории.

Ключевые слова: тематический модуль, модульное обучение, модульный подход, РКИ, падеж, падежная система.

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы эффективности преподавания русского языка как иностранного изучаются специалистами России и зарубежных стран; большой опыт в этой сфере накоплен и филологами Крымского федерального университета [7, с. 93; 9, с. 103]. Интерес иностранных граждан к русскому языку обусловлен стремлением зарубежных партнеров взаимодействовать с РФ в области экономики, науки, культуры и общества в целом. Полинаправленность развития международных контактов требует от иностранцев знаний не только о русском языке как системе, но и о России как государстве и многонациональном обществе.

Преподаватели и специалисты по РКИ стремятся создать такую модель обучения, которая бы позволила передавать различные знания и развивать коммуникативные навыки обучающегося в полном объеме. Одной из таких моделей является образовательный модуль, который исследовался и применялся на практике многими филологами и лингвистами (Э. Н. Анохина, Ю. В. Голованова, А. Д. Кубегенова, Т. В. Кудрявцева, Н. Н. Мусаева, Т. С. Павлова, З. А. Санакулова и мн. др.).

Данная статья посвящена вопросам модульного обучения китайских студентов, для которых изучение русского языка особенно важно в настоящее время – период интенсивного и широкомасштабного сотрудничества Китая с Россией. Такая

стратегия определяет актуальность данного исследования, **цель** которого состоит в изучении особенностей использования тематических модулей для изучения падежной системы русского языка в китайской аудитории. Поставленная цель предопределяет выполнение следующих задач:

- изучить факты, предшествующие и стимулирующие становление модульного обучения;

- описать подходы к созданию модуля как системы;

- дать ключевые определения, используемые в исследовании;

- описать особенности использования модульной системы на занятиях по РКИ в Шаньдунском университете путей сообщения;

- сделать выводы об эффективности применения модульного обучения на занятиях по РКИ в вышеуказанном китайском университете.

Материалом для исследования послужила система текстовой, видео и графической информации, которая отобрана, создана и объединена по тематическим модулям – в таком формате ее используют преподаватели РКИ Шаньдунского университета путей сообщения на своих занятиях.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

На протяжении многих десятилетий взаимодействие Китая и России проникало в различные сферы жизни, включая образование. Советское наследие, российский опыт с большим интересом изучались и перенимались китайскими специалистами. В 60-х годах прошлого столетия внешнеполитические изменения СССР и рост уровня образования в стране стимулировали необходимость очередного пересмотра методик обучения. Ключевой идеей для иностранных языков стало их комплексное и аспектное преподавание. Комплексное обучение включало в себя изучение лексических, грамматических и фонетических особенностей языка. Аспектное обучение заключалось в анализе определенного языкового явления, формы или закономерности. Комплексное обучение содержало аспектное как неотъемлемую составляющую, которая актуализировалась в зависимости от целей и задач урока [5].

Во второй половине XX – начале XXI столетий язык рассматривался учеными не как замкнутая формальная система знаков, а как явление, отражающее коммуникативные, психологические, социальные, культурные, межнациональные, познавательные и др. аспекты жизни человека. Язык стал средством обозначения, накопления и передачи информации. Такая полиаспектность языка требовала новых технологий и форм обучения, перехода от личностно-ориентированного обучения к модульному.

Важно, что модульная технология обучения предполагает единство коммуникативного, когнитивного, функционального, лингвопрагматического, лингвокультурологического и текстоцентрического подходов. Благодаря такому обучению преподаватель может выстраивать учебное взаимодействие с обучающимся, сочетая рецептивную, репродуктивную и продуктивную речевую деятельность, рациональную и эмоционально-ценностную стороны познания. В ходе обучения у студентов формируются взаимосвязанные навыки и умения в разных видах речевой деятельности [1].

Исследователи и преподаватели определяют ключевое понятие «модуль» по-разному в зависимости от его структуры, информационного наполнения и функций.

«Учебный модуль» рассматривается как основа образовательного процесса, завершённый блок информации, целевая программа действий и рекомендации преподавателя по плодотворному приобретению знаний обучающимися. Учебный модуль состоит из блоков, включающих детализирующую или смежную информацию, и может лимитироваться по времени, например, в рамках одного или нескольких занятий. Болонская модульная система обучения работает в формате Европейской кредитно-трансферной системы, основанной на объёме учебной нагрузки, выполненных кредитов. Кроме того, работа студента в рамках модуля предполагает получение знаний как с помощью преподавателя, так и в процессе самостоятельной работы [8].

Под «тематическим учебным модулем» обычно понимается «дидактическая единица, совокупность содержательных, организационных, методических и технологических компонентов» [10, с. 1].

Структуру тематического модуля по РКИ составляют грамматические правила, сопровождаемые различными иллюстративными материалами, система упражнений и заданий для приобретения теоретических знаний, а также выработки необходимых умений и навыков их применения в устной и письменной речи; банк текстовых, аудио и видеоматериалов, связанных с основной темой занятия; справочные и дополнительные материалы.

Тематические модули создаются на основе следующих методологических принципов:

- системность: представляемый грамматический материал рассматривается как системное образование, состоящее из взаимосвязанных элементов разных уровней;

- ситуативность: речевые навыки и умения развиваются в типичных коммуникативных ситуациях;

- коммуникативная направленность: обучающиеся вовлечены в устную (аудирование, говорение) и письменную (чтение, письмо) коммуникацию;

- устное опережение: устная форма введения и закрепления учебного материала, речевая практика в устной форме на основе отобранных для занятий тем и ситуаций общения;

- взаимосвязанное обучение видам речевой деятельности: обучение языку с использованием четырёх видов речевой деятельности (аудирования, говорения, чтения, письма);

- аналогия: имитация реальных актов речи, с которыми студенты могут сталкиваться постоянно в разных жизненных ситуациях, находясь в языковой среде [4, с. 2];

- концентризм: многократное обращение к уже изученному материалу с постепенным его углублением и расширением;

- принцип доминирующей роли упражнений: объяснение нового языкового материала завершается упражнениями для закрепления знаний об изучаемом явлении, автоматизации навыков использования речевых моделей и языковых форм.

В рамках тематического модуля упражнения как основной методологической прием варьируются от условноречевых (т.е. упражнений для формирования навыков) и речевых (упражнений для развития умений). Иногда возникает необходимость начать обучение с использования языковых (подготовительных) упражнений (например, упражнения в идентификации и дифференциации, в субституции, трансформации и др.). Система предлагаемых упражнений строится с учетом особенностей изучаемого материала и овладения диалогической/ монологической речью [3, с. 2].

Изучение иностранного языка невозможно без знаний о культуре страны его использования. Советский и российский лингвист Е. И. Пассов в своей концепции иноязычного образования не раз упоминал о первостепенной роли культуры в процессе обучения. По мнению ученого, культура является системой духовных ценностей, которые созданы народом. Например, для русского человека такими ценностями является Москва, Кремль, матрешка, космонавт Ю. А. Гагарин, стихи А. С. Пушкина, президент Владимир Путин и многие другие [6, с. 8]. Такая информация становится культурным фоном, а задача преподавателя состоит в расширении фоновых знаний обучающихся. Овладение русским языком иностранными студентами происходит в неразрывном единстве с элементами образа России [11], а именно:

- географией и природой России;
- описанием городов их достопримечательностей;
- знакомство с персоналиями и их достижениями;
- выдающимися событиями в жизни россиян;
- традициями и обычаями русского народа;
- мировоззрением и др.

Такой подход не только расширяет кругозор иностранных обучающихся, но и способствует воспитанию толерантного, уважительного отношения иностранцев к России.

Вышеперечисленные характеристики модуля и модульного обучения заимствованы и оптимизированы преподавателями Шаньдунского университета путей сообщения для проведения занятий по РКИ. Рассмотрим использование модульного обучения для темы «Система падежей русского языка».

На первом занятии обучающихся знакомят со всей падежной системой в целом: преподаватель указывает на количество падежей в русском языке, называет их, рассказывает о важности падежных значений и форм. Особое внимание уделяется связанности значений падежей с определенными коммуникативными ситуациями, которые отражают культуру и быт русских людей. Далее преподаватель последовательно вводит тематические модули:

Именительный падеж – учебно-тематический модуль «Я русский».

Винительный падеж – учебно-тематический модуль «Я люблю Россию».

Предложный падеж – учебно-тематический модуль «Расскажу о России».

Родительный падеж – учебно-тематический модуль «Нет страны больше России».

Дательный падеж – учебно-тематический модуль «Еду в Россию».

Творительный падеж – учебно-тематический модуль «Горжусь Россией».

Для всех учебно-тематических модулей характерна определенная последовательность работы: первоначальное объяснение грамматического материала с помощью речевых моделей и иллюстративного материала, дальнейшее закрепление полученных знаний на основе упражнений/ заданий по воспроизведению по образцу. Большинство упражнений выполняются сначала устно без текста, а затем устно с текстом и письменно. Эффективность обучения проверяется с помощью различных тестов. При достижении удовлетворительного результата обучения преподаватель переходит к творческим заданиям.

Учебно-тематический модуль **«Я русский»**.

На первых занятиях по РКИ преподаватель преимущественно использует фразы или отдельные слова в именительном падеже (*Это студент. Он русский. Это русский студент. А Вы студент?*) и объясняет, что такая форма даётся в словаре. На основе форм именительного падежа иностранцы знакомятся с категорией рода и числа.

Для эффективного запоминания речевых моделей выполняются упражнения идентификации и дифференциации форм и значений, например, используются фразы из диалогов, монологов, а также небольшие стихотворения:

*Я русский, вот моя Россия –
Родина любимая,
Самая большая и самая красивая.*

Китайской аудитории особенно нравятся подстановочные и трансформационные упражнения, например: *расскажите о себе и своей родине – Китае; используйте образец – ответьте на вопросы*. В таких заданиях страноведческая информация о культуре России становится фоновой, например, при знакомстве с числительными, прилагательными и глаголами русского языка (см. рис. 1).

Рис. 1. Фрагменты обучающих презентаций

В рамках модуля «Я русский» китайские студенты любят играть в такие игры: «Назови парные картинки» (например: *зима-лето*), «Назови картинки по порядку»

(например: *Московский университет – студент – учебник – упражнение*), «Кто пришел и кто ушел?», «Какое слово я задумал?» и др.

При работе над косвенными падежами во многих современных пособиях по РКИ рекомендуется начинать обучение с винительного (например, Г. М. Копытина «Очень просто!»; Л. В. Московкин, Л. В. Сильвина «Русский язык»), других – с предложного падежа (С. А. Хавронина, А. И. Широченская «Русский язык в упражнениях»). Учебник «Русский язык: первые шаги» [2] предлагает изучение падежей в следующей последовательности: первым дается родительный падеж, затем – винительный, после – предложный, дательный и творительный падежи.

Преподаватели РКИ Шаньдунского института путей сообщения вводят винительный падеж после именительного в рамках учебно-тематического модуля «*Я люблю Россию*». На занятиях последовательно представляются такие основные значения винительного падежа:

- прямой объект (задаются вопросы *кого? что?*: *Я знаю русского преподавателя. Я люблю русскую музыку.*);
- направление движения (*идёт в университет*);
- время (*читать каждый день*);
- количество – при обозначении стоимости, при указании на количественную характеристику глагольного действия (*стоит копейку, повторить два раза*);
- мера – указывает на меру времени или пространства (*пройти пять километров*);
- результат действия (*писать упражнение, рисовать дом*).

На этом этапе обучения студенты уже знают определенное количество переходных глаголов в спрягаемых формах (например, *писать, читать, знать* и др.) и достаточное количество существительных, которые могут выступать в качестве прямого объекта. Упрощают запоминание окончаний слов в винительном падеже наглядные материалы (таблицы, рисунки, схемы), рифмованные тексты, которые сведены в отдельные блоки данного модуля. Особой популярностью у китайских студентов пользуется стихотворение С. Я. Маршака «Багаж»:

*Дама сдавала в багаж
Диван,
Чемодан,
Саквояж,
Картину,
Корзину,
Картонку
И маленькую собачонку.*

Во время работы с этим стихотворением ребятам предлагается нарисовать соответствующие предметы и подставить к ним необходимые окончания. Такая

зрительная и слуховая формы обучения упрощают запоминание грамматических моделей.

Фоновая лингвострановедческая информация о России используется в модуле «Я люблю Россию» в тренировочных и проверочных заданиях.

Рис. 2. Фрагменты тренировочных и проверочных заданий

В этом модуле студенты также изучают названия зверей в качестве дополнительной информации. В качестве творческих заданий обучающимся предлагаются виртуальные прогулки, например, экскурсия в Московский зоопарк и обсуждение любимицы – маленькой панды Катюши (*Расскажи, что любит делать Катюша? Куда бежит Катюша? Что любит есть Катюша?*). Студенты знакомятся с историей семьи Катюши: папу Катюши зовут Жуи, маму – Диндин. В 2019 году они приехали в Россию. Китай передал животных в честь 70-летия российско-китайской дружбы.

В этом модуле, в качестве домашнего задания, студенты смотрят фильм-сказку о Красной Шапочке, после чего перечисляют, кого увидела Красная Шапочка в лесу.

Чтобы начать знакомство с предложным падежом в реальной ситуации общения, китайские преподаватели обычно изображают, что ищут какой-то предмет и спрашивают: «Где моя ручка? Вы не знаете, где моя ручка?». Иногда они интересуются, где отсутствующий студент: «Скажите, пожалуйста, где Вэй?». Могут также спросить, например: «Бай, где живут твои родители? Где учится твой брат?». Привязывание коммуникативных речевых образцов к реальной ситуации обеспечивает более быстрое запоминание формы предложного падежа со значением «место».

На занятиях китайские студенты узнают, что предложному падежу соответствуют также вопросы *о ком? о чем?* в значении «объект», а чтобы распознать этот падеж, нужно к существительному поставить слово *думаю*, например: *думаю (о ком?) о сестре*. Это значение «объект мысли, чувств, речи». Значению предложного падежа «время» соответствует вопрос *когда?* (*в марте; на этой неделе*). Эта информация сводится в отдельные блоки-справочники.

Для знакомства китайских студентов с употреблением существительных с предлогами *в (жить в городе)* и *на (гулять на улице)*, обозначающими место, а также способ передвижения (*ехать на машине*) наиболее эффективны обучающие короткие видеофрагменты о жизни российских студентов. Лучшему запоминанию предлога в значении «время» (*в январе*) способствуют упражнения, построенные на основе расписания занятий студентов в университете. Среди игровых заданий наиболее популярна дидактическая игра «Праздники в России», цель которой – выработать навыки правильного употребления форм предложного падежа при одновременном знакомстве ребят с праздниками в стране изучаемого языка (прочитай название праздника и найди его день в календаре: *День Победы – в мае, День Защитника Отечества – в феврале, Новый год – в январе* и др. *Посмотри обучающий фильм об этом празднике и выполни упражнения*).

Поскольку студенты уже знакомы с названиями животных, продуктов, школьных принадлежностей и др. им предлагается игра «Угадай, где я» (*Я вижу лису и медведя. Я читаю книгу. Я ем кашу.*).

Итоговым заданием в этом модуле является упражнение «Я расскажу о России»: обучающимся необходимо закончить, дополнить начатые предложения на основе имеющихся у них страноведческих знаний или справочных материалов; после этого каждый студент представляет свой рассказ о России.

По мнению китайских преподавателей и студентов, среди шести падежей самым трудным в изучении является родительный. Во-первых, он имеет наибольшее количество значений («отсутствие», «лицо-обладатель», «принадлежность», «направление», «место», «часть целого», «определение», «дата» и другие). Во-вторых, обучающемуся нужно запомнить большое число окончаний в единственном и множественном числе. В-третьих, кроме основного правила есть еще много особых случаев и исключений.

Родительный падеж представляется в рамках учебно-тематического модуля «**Нет страны больше России**». При введении значения родительного падежа «откуда» преподаватели используют карту мира, на которой просят студентов показать из каких городов Китая они едут в Россию. В качестве повторения предложного падежа добавляется информация о виде транспорта, который при этом был использован (например, *Я еду в Москву из Пекина на поезде*).

Особой популярностью у китайских студентов пользуются обучающие игры «Мало-много» (*Посмотри на картинку и скажи, чего/кого здесь мало или много*), «Угадай, кого я спрятал», «Расскажи, чего у меня/у него нет» и др.

Преподаватели РКИ Шаньдунского университета путей сообщения вводят дательный падеж после родительного в рамках модуля «**Еду в Россию**». Обычно первое занятие они начинают с повторения рассказа о себе (Мой рабочий день. Мои увлечения.), к которому добавляются новые фразы-модели: *мне 20 лет, говорю по скайпу, общаюсь по телефону, отправляю по электронной почте, помогаю другу, говорю сестре* и др. При этом уточняются значения дательного падежа в используемых ситуациях.

Китайским студентам нравятся виртуальные прогулки по городам России, когда они видят достопримечательности, слышат их описания, читают субтитры в качестве вспомогательного зрительного материала, например:

Это Исторический музей. Он находится в центре Москвы. Этому зданию 150 лет. Мне нравится его архитектура.

После видеоэкскурсии преподаватель обсуждает с ребятами использованные грамматические структуры и формы, предлагает выполнить ряд тренировочных и творческих упражнений на основе данной информации. В заключении китайские студенты играют в игру «Русский сувенир», суть которой заключается в выборе сувенира и человека, которому он будет подарен. Для построения высказываний используется следующий речевой образец: *Недавно я был в России, в Санкт Петербурге. Я купил маме подарок – красные бусы. Маме понравился этот сувенир.* Далее преподаватель обращается к студентам с вопросами: *«А где были вы? Какие сувениры вы купили? Кому вы купили эти сувениры?»*.

При обсуждении планов о следующей поездке объясняется значения падежа «куда»: *Куда ты хочешь поехать? Куда ты ходила в Новгороде? Какой сувенир и кому ты хочешь купить?*

С целью систематизации знаний обучающихся преподаватель составляет и использует в работе итоговые таблицы со значениями и окончаниями дательного падежа.

Учебно-тематический модуль *«Горжусь Россией»* включает информацию о творительном падеже. Китайские преподаватели РКИ обычно вводят значения и формы творительного падежа после повторения пройденных тем, а именно:

- «Рассказ о себе» (Обновленные фразы: *Я живу с родителями. Перед нашим домом находится парк. Моя мама работает врачом, а папа руководит компанией. Я умею рисовать карандашами и красками. Я интересуюсь русской музыкой*);

- «Мой выходной день» (Обновленные фразы: *Я гуляла с подругой в парке. Мы с мамой убрали в квартире.*);

- «Еда» (Обновленные фразы: *Я люблю хлеб с маслом и с сыром. Я пью кофе с молоком. Я ем салат вилкой и ножом. Перед едой мойте руки с мылом*) и др.

Базовым для изучения творительного падежа является текст «Горжусь Россией». Это эссе девятилетней Савиных Алёны из Тюмени, на основе которого разработан комплекс (предтекстовых, притекстовых и послетекстовых) упражнений на развитие навыков письменной и устной речи:

Я горжусь Россией, потому что Россия – это моя Родина! Россия – это мой дом! Здесь родилась я, мои родные и друзья.

Я горжусь своей страной, ведь она самая большая и прекрасная страна в мире! Она очень красивая! Много картин, песен и стихотворений написали

поэты, композиторы и художники о бескрайних просторах полей, рек, лесов и озёр нашей страны, которыми восхищается весь мир!

Я люблю свой русский язык! Он самый богатый и выразительный!

Я горжусь нашими учёными, потому что они сделали много полезных открытий, которыми пользуется весь мир! Они первыми создали вакцины от страшных болезней, и наша страна первая побывала в космосе!

Многие страны во все времена хотели захватить и поработить нашу страну, но народ не позволил это сделать! Я горжусь своей страной, в которой живёт самый дружный, сплочённый, мужественный, стойкий, многонациональный народ! Я горжусь нашим народом, который героически встал на защиту своей Родины и освободил Землю от фашистов в годы Великой Отечественной войны!

Я горжусь обычаями и традициями нашей страны, которые передаются из поколения в поколение. Мы не забываем о прошлом и бережём память о тех людях, которые сохранили и защитили нашу Родину, нашу страну Россию для нас!

Я верю, что наша страна будет с каждым днём становиться всё сильнее и прекрасней!

Я люблю Россию и всегда буду гордиться своей страной!

Моя Родина – самая лучшая!!!

На итоговых занятиях особой популярностью у китайских студентов пользуется видеоклип песни «Лучший город земли» в исполнении Муслима Магомаева. Работа с данным видеоматериалом и текстом песни предполагает выполнение различных подготовительных, проверочных и творческих заданий. В заключение китайские ребята сами с большим удовольствием поют эту песню.

ВЫВОДЫ

Таким образом китайские преподаватели РКИ Шаньдунского университета путей сообщения определяют модульный формат работы с падежной системой русского языка как наиболее эффективный. Целесообразность его использования обусловлена возможностью объединения информации о грамматических формах, ситуационных значений падежа, страноведческих материалов о России, справочных блоков, а также различных упражнений и инструкций преподавателя.

Модульное обучение, на наш взгляд, является наиболее рациональным, так как обучающий материал структурирован логично и последовательно по принципу «нанизывания и накопления новых знаний». Разнообразие учебных материалов и форм обучения, легкость восприятия информации, реалистичность и современность – основные достоинства тематических модулей.

Список литературы

1. Анохина Э. Н., Павлова Т. С. Модульная технология как средство эффективного обучения русскому языку как иностранному на элементарном уровне // Вестник московского государственного областного университета. – 2019. – №4. – С. 66–74.
2. Беликова Л. Г., Ерофеева И. Н., Шутова Т. А. Русский язык: первые шаги: учеб. пособие. – СПб.: Златоуст, 2020. – 264 с.
3. Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика: учеб. пособие. – М.: Академия, 2008. – 336 с.
4. Иванова Т. М. Система упражнений на занятиях по русскому языку как иностранному (из опыта работы) // Ученые записки ЗабГГПУ. – 2013. – №2 (49). – С. 221–228.
5. Паришуткина Т. А. Проблема комплексного и аспектного преподавания иностранного языка в высших учебных заведениях России в 60-е годы XX века // *Lingua mobilis*. – 2011. – №4 (30). – С. 144–148.
6. Пассов Е. И. Концепция коммуникативного иноязычного образования (теория и ее реализация): метод. пособие для русистов. – СПб.: Златоуст, 2007. – 201 с.
7. Преподавание русского языка в Крыму: исторический и этнокультурный контекст: коллективная монография / под ред. Л. А. Ореховой, Т. В. Аржанцевой. – Симферополь: Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2022. – 200 с.
8. Рзаева Г. Н., Салимова З. Х. Использование технологии модульного обучения на занятиях РКИ // *Humanitar elmlər üzrə aylıq beynəlxalq elmi jurnal*. – 2019. – №10 (49). – С. 99–100.
9. Русский язык в Крыму и «Русский язык в поликультурном мире»: коллективная монография / Т. В. Аржанцева, И. П. Зайцева и др. – Симферополь: Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2024. – 264 с.
10. Смоленцева Ю. К. Модульные программы в образовательном процессе // Вестник магистратуры. – 2017. – №1-1 (64). – С. 42–44.
11. Шмелькова В. В. Образ России в современном мире и русский язык как иностранный // Вестник Пензенского государственного университета. – 2018 – № 4 (24). – С. 3–5.

References

1. Anokhina E. N., Pavlova T. S. *Modulnaya tekhnologiya kak sredstvo effektivnogo obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu na elementarnom urovne* [Modular technology as a means of effective teaching of Russian as a foreign language at an elementary level]. *Vestnik moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*, 2019, no. 4, pp. 66–74.
2. Belikova L. G., Shutova T. A., Yerofeeva I. N. *Russkii yazyk: pervye shagi: ucheb. posobie* [Russian: the first steps: textbook]. Saint Petersburg, Zlatoust, 2020. 264 p.
3. Galskova N. D., Gez N. I. *Teoriya obucheniya inostrannym yazykam. Lingvodidaktika i metodika: ucheb. posobie* [The theory of foreign languages teaching. Linguodidactics and methodology: textbook]. Moscow, Akademiya, 2008. 336 p.
4. Ivanova T. M. *Sistema upravzhenii na zanyatiyah po russkomu yazyku kak inostrannomu (iz opyta raboty)* [The system of exercises at Russian as a foreign language classes (from work experience)]. *Uchenye zapiski ZabGGPU*, 2013, no. 2 (49), pp. 221–228.
5. Parshutkina T. A. *Problema kompleksnogo i aspektnogo prepodavaniya inostrannogo yazyka v vysshikh uchebnykh zavedeniyakh Rossii v 60-e gody XX veka* [The problem of complex and aspect teaching of a foreign language in higher educational institutions of Russia in the 60s of the XXth century]. *Lingua mobilis*, 2011, no. 4 (30), pp. 144–148.
6. Passov E. I. *Kontseptsiya kommunikativnogo inoyazychnogo obrazovaniya (teoriya i yee realizatsiya): metod. posobie dlya rusistov* [The concept of communicative and foreign language education (theory and its implementation): methodological textbook for Russian teachers]. Saint Petersburg. Zlatoust, 2007. 201 p.

7. *Prepodavanje russkogo yazyka v Krymu: Istoricheskiy i etnokulturnyi kontekst* [Teaching the Russian language in Crimea: historical and ethnocultural context]. Edit. by T. V. Arzhantseva, L. A. Orekhova, A. V. Petrov [etc.]. Simferopol, Krymskiy federalnyi universitet imeni V. I. Vernadskogo Publ., 2022. 200 p.
8. Rzaeva G. N., Salimova Z. Kh. *Ispolzovanie tekhnologii modulnogo obucheniya na zanyatiyakh RKI* [Using modular learning technology in RFL classes]. *Humanitar elmlər üzrə aylıq beynəlxalq elmi jurnal*, 2019, no. 10 (49), pp. 99–100.
9. *Russkiy jazyk v Krymu i «Russkiy jazyk v polikul'turnom mire»: kollektivnaya monografiya* [Russian language in Crimea and “Russian language in a multicultural world”: collective monograph]. Simferopol, KFU Publ., 2024. 264 p.
10. Smolentseva Yu. K. *Modulnye programmy v obrazovatel'nom processe* [Modular programs in the educational process]. *Vestnik magistratury*, 2017, no. 1-1 (64), pp. 42–44.
11. Shmelkova V. V. *Obraz Rossii v sovremennom mire i russkii yazik kak inostrannii* [The image of Russia in the modern world and Russian as a foreign language]. *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, no. 4 (24), pp. 3–5.

A MODULAR APPROACH TO THE STUDY OF THE CASE SYSTEM AT RUSSIAN CLASSES IN SHANDONG JIAOTONG UNIVERSITY

Zhai Guangwei

The article is devoted to the modular approach in teaching grammar of the Russian language, in particular, its case system, at Russian classes in Shandong Jiaotong University (China). The modular format is based on modern methodological principles, the peculiarity of which refers to correlation of educational, cognitive and developmental aspects in studying Russian Grammar. The Russian regional and cultural information becomes a kind of background for studying basic situations that reveal the meanings of each Russian case. The article analyzes the structure of each module, provides examples of visual materials and training exercises, as well as provides appropriate methodological explanations and comments on the tasks. Special attention is paid to the sequence of cases studying, the specifics of their meanings and problems with the perception of information by the Chinese audience.

Keywords: thematic module, modular training, modular approach, Russian as a foreign language, case, case system.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Борисова Людмила Михайловна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Вехова Елена Алексеевна – кандидат культурологии, доцент кафедры теории речи и перевода ФГБОУ ВО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва», г. Саранск, Россия

Вовк Николай Александрович – старший преподаватель кафедры английской филологии Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Гарамян Арусяк Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка и профессиональной коммуникации ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», г. Пятигорск, Россия

Евстафьев Дмитрий Геннадиевич – кандидат политических наук, профессор Института медиа НИУ ВШЭ, профессор кафедры правоведения и практической юриспруденции Юридического института РУДН им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия

Емельянова Ксения Юрьевна – аспирант третьего года обучения, стажёр-исследователь научно-исследовательской части ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, Россия

Круглова Анастасия Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Теория и практика перевода и зарубежная филология» ФГАОУ «Севастопольский государственный университет», Севастополь, Россия

Мурашова Людмила Павловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 1 Кубанского государственного технологического университета, Краснодар, Россия

Мусса Мариям Али – аспирант Департамента медиакоммуникаций ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь, Россия

Ненарокова Мария Равильевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, г. Москва, Россия

Орехов Владимир Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Пономаренко Елена Аликовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка как иностранного Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Седина Ирина Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории речи и перевода ФГБОУ ВО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва», г. Саранск, Россия

Середа Полина Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков №1 Кубанского государственного технологического университета, Краснодар, Россия

Станкус Екатерина Николаевна – ассистент кафедры русского языка, младший научный сотрудник ФГБОУ ВО ДонГУ, г. Донецк, Россия

Хужахметов Айнур Оскарович – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики факультета башкирской филологии, востоковедения и журналистики Уфимского университета науки и технологий, г. Уфа, Россия

Хужахметова Гульнара Нургалеевна – кандидат философских наук, доцент кафедры истории России, историографии и источниковедения Института истории и государственного управления Уфимского университета науки и технологий, г. Уфа, Россия

Чжай Гуанвэй – преподаватель кафедры русского языка Шаньдунского университета путей сообщения, г. Цзинань, Китай

СОДЕРЖАНИЕ

**1. ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ
РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ****Евстафьев Д. Г.**КРИЗИС МИРА «ВЛАСТИ КОММУНИКАЦИЙ»
НА ФОНЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ.....3**2. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС****Борисова Л. М.**ФИЛОСОФИЯ Н. ФЕДОРОВА
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЦЕПЦИИ
Л. ЛЕОНОВА: КРИТИКА ИСТОЧНИКА.....15**Ненарокова М. Р.**ШЕКСПИРОВСКИЙ «ГАМЛЕТ» В ПЕРЕСКАЗАХ ДЛЯ ДЕТЕЙ:
ТРАДИЦИЯ ЧАРЛЬЗА И МЭРИ ЛЭМ И ЕЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ В XX–XXI ВВ.....25**Орехов В. В.**БАРОН ДЕ БАЗАНКУР:
ЛИТЕРАТОР, ИСТОРИК, ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ.
ЧАСТЬ VI. ВТОРАЯ РЕСПУБЛИКА:
ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ЛИТЕРАТУРА.....38**Пономаренко Е. А.**ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ
В РАССКАЗЕ А. П. ЧЕХОВА «ВРАГИ».....55**3. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ
ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА****Емельянова К. Ю.**

КВАЗИАББРЕВИАТУРНОЕ ГНЕЗДО ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ 67

Мусса М. А.ДИНАМИКА КОНЦЕПТА «ПАТРИОТИЗМ»
В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ.....76**Седина И. В., Вехова Е. А.**ВЛИЯНИЕ КОНТЕКСТУАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ
НА ПЕРЕВОД ТЕКСТА.....89**Станкус Е. Н.**ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ
РЕЛЯЦИОННЫХ ДЕШИФРОВАТЕЛЬНЫХ СТИМУЛОВ.....96

СОДЕРЖАНИЕ

**4. СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЭТНОЛИНГВИСТИКА,
ПСИХОЛИНГВИСТИКА
КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ**

Вовк Н. А.

КОРРЕЛЯЦИЯ НИГЕРИЙСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА
И МЕСТНЫХ ЯЗЫКОВ.....106

Гарамян А. В., Круглова А. С.

СТРУКТУРНЫЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПОПУЛЯРНО-ЮРИДИЧЕСКОГО
ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА 116

Хужахметов А. О., Хужахметова Г. Н.

К НАУЧНОМУ АНАЛИЗУ ЭВОЛЮЦИИ
ВЫРАЖЕНИЯ «КАРА ХАЛЫК».....129

Murashova L. P., Sereda P. V.

THE CONCEPT OF MORALITY IN ENGLISH-SPEAKING LINGUISTIC
CULTURE BASED ON NARROW CONTEXTUAL DISTRIBUTION
OF THE LEXEME “MORALS”.....146

**5. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ
В ПРОЦЕССЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ:
ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ**

Чжай Гуанвэй

МОДУЛЬНЫЙ ПОДХОД ПРИ ИЗУЧЕНИИ ПАДЕЖНОЙ СИСТЕМЫ
НА ЗАНЯТИЯХ ПО РКИ В ШАНЬДУНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ.....158

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....170